КАЖДУЮ ВЕСНУ
МЫ ВОЗВРАЩАЕМСЯ МЫСЛЕННО
К ТОМУ, ТЕПЕРЬ УЖЕ ДАЛЕКОМУ,
МАЮ СОРОК ПЯТОГО,
КОГДА НА НАШУ ЗЕМЛЮ
ПРИШЕЛ МИР.

70 коп.
Индекс 70798

РОДИНА

4/89

ISSN 0235-7089

СТАРОСТЬ — НЕ РАДОСТЬ?

«БУРАН»: подробности создания

НЕИЗВЕСТНОЕ ПИСЬМО Н. К. КРУПСКОЙ К П. П. ПОСТЫШЕВУ

Тайная история царствования ПЕТРА I и ЕКАТЕРИНЫ I

Воспоминания рабочего о ЛЕНИНЕ

***Неужели мы,
сильные, добрые,
так и не снизойдем
до них, не поможем?
Неужели и дальше
будем держаться
от обездоленных людей
на расстоянии,
дабы не потревожить
свой покой
ликом страдания?***

Возникла идея организовать при обществе бесплатную гостиницу «Приют». Городские власти одобрили идею, предназначенный для этой гостиницы дом уже ремонтируется.

Планируется открыть и бесплатную столовую: члены общества милосердия будут раздавать горячие обеды нуждающимся. Счет общества милосердия в Октябрьском отделении жилсоцбанка Ленинграда пополняется, эти-то средства и дают возможность проводить благотворительную деятельность.

Владимир Янович Бродянский — театральный режиссер, много лет отдавший детскому театру. Он организовал театральный кружок в одной из детских клиник Ленинграда. К великому удивлению врачей, после спектаклей самочувствие ребятишек заметно улучшается.

Несколько лет назад у друзей Бродянского умирал от ожогов сынишка.

— Я пробивался в больницу, мне казалось, чем-то могу помочь... Мальчик умер. Но это ощущение, что я должен и могу что-то делать, осталось.

Оказалось, что он умеет то, чего не умеют медики. В ожоговом отделении самое тяжелое — перевязка. Как только малыш видит, что за ним пришли, чтобы везти на перевязку, начинается истерика. «Дядя Яныч» умеет отвлечь внимание, развеселить. Сказывается профессиональное мастерство актера и режиссера...

Создается при обществе ассоциация «Особый ребенок» — она объединяет родителей, имеющих детей-инвалидов с тяжелыми неврологическими и другими заболеваниями, с нарушением психического развития и опорно-двигательного аппарата. Организован консультационный центр, проводятся лекции, семинары, беседы со специалистами.

Заботятся в обществе и об инвалидах-афганцах, о матерях, потерявших на последней войне сыновей. С подарками, домашним печеньем, пирожками приходят в институт протезирования, где лежат бывшие воины, Таня Букова, Евгения Сычева.

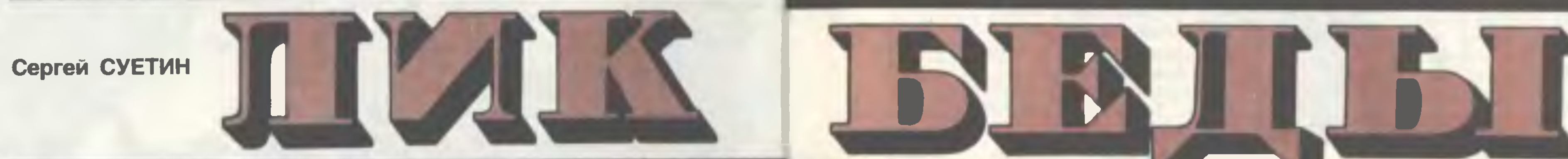
— Хорошо, что кончилась эта война,— говорят они.— Но наша работа с теми, кто прошел ее, только начинается.

Каждый день в обществе новые проблемы, хлопоты, волнения. Так и должно быть, ведь дверь сюда всегда открыта...

*Человек,
лишенный сострадания
к слабому, сам слаб.
А общество таких людей?
Задумаемся...*

Сергей СУЕТИН

Утром позвонила Катя. После привычного обмена новостями чуть заметное замешательство и просьба:

— Перевези меня, если можешь. Когда ты свободен? Если тебе не трудно.

Катя инвалид. Болезнь, перенесенная в детстве, особенно жестоко исковеркала ее ноги, ходить самостоятельно она почти не может. То ли поэтому, то ли такой уж она уродилась, но силы духа у этой хрупкой женщины хватило, чтобы выучиться в заочном институте и теперь пытаться работать. Конечно, дома. Когда удается, она выполняет долгосрочные звдания одного издательства.

И все бы хорошо, но у Кати никого нет. А в издательство, хоть и редко, надо приезжать. И вот тогда Катя просит кого-нибудь из своих немногих знакомых помочь ей совершить трудный переезд. Просит, испытывая неловкость, стараясь докучать пореже. Но не просить совсем не может: если по своей квартирке она с грехом пополам передвигается, то на улице, особенно без инвалидного кресла-каталки, одна становится совсем беспомощна.

...В Соединенных Штатах, в университете штата Мичиган медики и психологи, объединившись с электронщиками, разработали целую систему знаков и указателей, которые облегчают передвижение слепых в общественных зданиях. Близость лестницы, лифта, угол коридора, тупик они обозначили особыми символами, которые можно «прочесть» тростью на полу, вдобавок маленький электронный датчик в кармане подаст инвалиду нужный сигнал. В другой стране, в Англии, в столичных гостиницах оборудуют специальные номера для инвалидов разных категорий. В этих комнатах все необычно: поручни вдоль стен, кровати, которые меняют высоту, особые сантехнические приборы в ваннах и туалетах, дистанционное управление замком двери, устройство для переговоров с жильцом соседнего номера... И везде — надписи шрифтом Брайля для слепых.

А вот еще пример: на международной выставке в Ливерпуле показывался необычный сад. Клумбы и грядки в нем устроены так, что инвалиды с разными недугами могут поупражняться в посадке семян, в уходе за цветами и овощами. К деревьям и кустам тоже обеспечен удобный доступ — можно даже собирать урожай. В национальных парках Канады устроили специальные экскурсионные маршруты для инвалидов, в которые вошли дороги, тропы и видовые площадки. В Колорадо-Спрингсе (США) открыли спортзал для слепых и глухих детей, где беговые дорожки отделены друг от друга тросами, специальные сетки возвращают мяч прямо в руки игроку, а стены облицованы зеркалами — так легче ориентироваться глухим. Во многих странах проводятся среди инвалидов захватывающие спортивные состязания.

А у нас часто вы встречаете на улицах, скажем, людей в креслах-каталках? Может, у нас вообще таких нет?.. Чтобы развеять сомнение, тут было бы самое время привести данные, сколько у нас сидячих, лежачих, слепых, глухонемых и прочих больных. Но таких данных просто-напросто нет.

Такой вывод я сделал, побывав во многих солидных столичных учреждениях, где так или иначе занимаются здравоохранением или социологией. Повсюду натыкался на информацию о бездомных, увечных и голодающих за рубежом. А вот как обстоит дело в нашей стране, никто не знает. Это что — секретная информация? Или нам, располагающим точнейшими данными о числе пионеров и октябрят, студентов и спортсменов, просто не интересно знать, сколько у нас инвалидов?

Меня тревожит не только Катино житье-бытье. Интерес мой еще и профессиональный: я архитектор и давно смутно чувствую вину за то, что мы никак не учитываем запросы инвалидов, когда делаем жилье, магазины, кинотеатры и прочие здания. Как будто весь мир за пределами квартиры ополчился против этих людей. Одна преграда за другой: лестница или лифт, подъезд со ступенями, узкие тамбуры с поворотами, а дальше — бортовые камни тротуаров, подземные переходы. Какая уж тут прогулка! Поневоле выберешь домашнее заточение. Вот и томятся они в четырех стенах, быть может, у вас или у меня за стеной. Тяготятся вынужденным бездельем, изоляцией от мира в общем-то жизнерадостные люди, наживают в дополнение к физическому увечью нервные и психические недуги, разные «комплексы».

Везде в городе рядом с каждой ступенью должна появиться наклонная плоскость, пандус, идет ли речь о крыльце жилого дома или о входе в магазин, прачечную, библиотеку. Везде нужны широкие, легко открываемые двери, вместительные лифты и многое другое, чтобы колясочнику стали доступны любые здания без исключения. До сих пор всего этого нет вовсе не по вине строителей и проектировщиков. Они, как известно, должны работать по ГОСТам, которыми предусмотрено все... Вот только нужды инвалидов в ГОСТах никак не учтены. Поэтому придумай кто-нибудь, например, пандус или поручни в коридоре — это было бы наказуемым отступлением от нормы. Ведь ГОСТ — закон.

Как рассказали мне в Киевском филиале проектного института Министерства здравоохранения СССР, нормы на обеспечение комфорта для инвалидов не разрабатываются, этой темы вообще нет в планах и не будет в обозримом будущем. Никто не интересуется, в каких приспособлениях нуждаются инвалиды. Нет и государственного органа, где планировали бы разработку и производство для инвалидов особых средств механизации. Кстати сказать, в Киеве в последние годы участились врожденные ортопедические заболевания, усилился производственный и бытовой травматизм. Правда, он усилился во всем мире, но от этого ничуть не легче.

Наталья Марова, архитектор из Моспроекта-1:

— Лет двенадцать назад мне довелось участвовать в проектировании необычного здания, единственного в своем роде. По заказу Главного управления капитального строительства Мосгорисполкома мы делали дом-интернат для спастиков. Так называют детей, переболевших церебральным параличом, умственно отсталых. Скажу честно: входить в эту тему было трудно и больно. Первое время спать не могла. Вид больного вообще не радует, а вид увечного ребенка... Но делать нвдо. Почитали медицинскую литературу, изучили требования.

Только теперь понимаю, кто был истинной движущей силой всего этого начинания. Вовсе не официальный заказчик, а родители больных детей. Это они нашли участок в Ясеневе, настояли на разработке программы, добились выдачи заказа на проектирование.

Поэтому было понятно безразличие ГлавУКСа, когда проект почему-то «не пошел». Мы в отчаянии сделали второй вариант. На «пробивание» его у родителей уже не хватило сил, а официальный заказчик, казалось, утратил к нему всякий интерес, хотя этот дом нужен как воздух. Вот и все. С тех пор прошло десять лет...

Услышав подобную историю, трудно остаться равнодушным. Удалось выяснить, что теперь на этом участке Управление соцобеспечения Мосгорисполкома уже предполагает разместить интернат для инвалидов войны. Что же, бесспорно, нужное дело. Но не за счет же спастиков, для которых давно сделан проект! (Даже в двух вариантах, выбирай любой.)

Важно и другое. Что-то надо перестроить в психике всех здоровых людей, чтобы зрелище инвалида не пугало, не отталкивало, не портило настроения. Но пока тут замкнутый круг: инвалиды, не имея возможности передвигаться в городе, поневоле прячутся от глаз людских, а редкие их появления удивляют и шокируют.

Недавняя сцена у гастронома на Бауманской улице. У самого входа, желая попасть в магазин, остановился инвалид на низкой самодельной платформочке с колесами. Таких много было в послевоенные годы, потом становилось все меньше и меньше, а теперь уж нечасто встретишь. Спешащая толпа почти сносила его и увлекала за собой. Ноги инвалида были пристегнуты грубыми ремнями к разбитым доскам коляски.

Сказать, что вид его не был привлекателен, мало. Ветхая грязная одежда, засаленная котомка за плечами. Поэтому, признаться, я не без усилия над собой откликнулся на понятный без слов жест и ухватился за один бок каталки. Когда над ним склонился еще один прохожий, инвалид твердил одно: «Не меня хватайте — коляску».

Мы легко подняли его на три ступеньки у входа и проводили взглядом, пока он не скрылся под ногами покупателей в переполненном магазине.

Чего я хочу? Хочу, конечно, чтобы инвалид на улице уже не вызывал желания поделиться с убогим мелочью. А еще — чтобы забота об инвалидах стала у нас не только заботой каждого гражданина, но и заботой вполне определенных лиц и организаций, несущих за это всю полноту ответственности.

Когда-то я решился принести в редакцию одной профессиональной газеты не совсем обычную рукопись. В небольшой статье говорил о том, как за рубежом пытаются облегчить тяжелую участь инвалидов средствами архитектуры и строительства. Мне казалось, что такой обзор интересен и полезен специалистам. В редакции рукопись приняли не без колебаний:

— Что ж, попытаемся напечатать, но ничего не обещаем. Вы сами понимаете: такие контрасты с нами...

Мое опасное антипатриотическое сочинение опубликовали, когда был объявлен конец «периода замалчивания нерешенных проблем». Не называю газету, ибо тут важна общая тенденция...

Случаи проявления заботы об отдельном, конкретном инвалиде настолько редки, что о них сообщают газеты и журналы. Вспомним благополучный исход тяжбы солдата, вернувшегося увечным из Афганистана, с соседями по московскому дому. Спор возник из-за наклонного пандуса у подъезда (пандус попадал на клумбу). Вспомним счастливо сложившуюся судьбу эстонца Мати Кууси, который делает теперь игрушки для детского сада. Мудрые сказки Натальи Абрамцевой дошли до читателей, она стала писательницей.

Только все это исключения. Однажды я напомнил одному ответственному работнику Управления социального обеспечения Мосгорисполкома о забытом проекте интерната для детей-спастиков в Ясеневе, и вот что услышал в ответ:

— Помню-помню. Хороший проект, но дорогой! Ведь деньги государственные! Не-ет, нам бы дом попроще, тогда бы мы еще подумали. Зачем нам тратить такие средства, и на кого, на этих?

Последовал красноречивый жест пальцем у виска...

Недавно министр здравоохранения СССР академик Е. И. Чазов разъяснил, что доля национального дохода, приходящаяся на нужды здравоохранения, снижается. В 1970 году она составляла 4,1 процента национального дохода, сегодня — 4 процента, а к концу пятилетки снизится до 3,9. Поневоле начнешь как-то зкономить, хотя бы на «этих».

Похоже, это тот самый случай, когда виноваты все и никто не виноват. В тот день, вернувшись домой, я убрал жизнерадостную книгу «Социальное обслуживание инвалидов» на самую дальнюю полку...

Вообще говоря, ситуация с инвалидами сложна и неоднозначна. Как хотелось бы написать о хорошем! И есть оно, хорошее, да только всегда рядом с плохим. Ну, взгляните: с одной стороны, телепередачи с субтитрами, программа «Время» для глухонемых, с другой — опасный развал производства протезов, мучения безногих людей. С одной стороны, успешное лечение последствий церебрального паралича в институте детской ортопедии в Пушкине под Ленинградом, с другой — многолетняя очередь в него, а в Москве очередь в 600 человек не в институт даже, а всего лишь в интернат для таких детей. С одной — льготы пенсионерам и инвалидам, с другой — бритоголовые парализованные старухи, лежащие на голых клеенках в доме призрения. Что это — жизнь во всем ее многообразии?

Вспоминаю еще один случай, очень, на мой взгляд, поучительный. Мне поручили устроить очередную лекцию в нашем подшефном воинском подразделении, а точнее — в военно-строительном отряде. В мои обязанности тогда входило подготовить зал, представить солдатам лектора, которого я и сам еще не знал, и затем менять слайды в фонаре.

Я поджидал лектора у входа. Когда он появился, меня охватило отчаяние. Оказалось, что Валерий Павлович — горбун, притом очень маленького роста. Я к тому времени слишком хорошо знал аудиторию, с которой ему только предстояло встретиться. Хорошие ребята, но среди них есть несдержанные острословы, бесцеремонные насмешники, которые не прочь прилечатать любого крепким обидным словом. И не все любят слушать лекции. Говорят, одна беседа неопытного лектора сорвалась. Я ждал чего угодно, даже провала.

Валерий Павлович заметил мое смятение:

— Да вы не волнуйтесь, все будет хорошо. А к насмешкам я привык. Вы знаете, сколько улыбок я встречаю на улицах — любопытных, издевательских. Пальцем показывают. Ничего...

Зал наполнялся. Вначале показалось, что боялся я не зря. Послышались возгласы удивления, по рядам пробежали смешки, но потом... Потом я понял, что Валерий Павлович волшебник.

Он заговорил об архитектуре далекой страны, о зодчем, жившем много лет назад. Овладел вниманием ненавязчиво, но властно. Ни раньше, ни после не встречал я человека, который бы с первых минут так увлекал «трудную» аудиторию. Шеи вытянулись, глаза устремились к экрану. Ни шороха, ни шепота.

Зачем пишу я об этой, казалось бы, счастливой судьбе? А вот зачем. Валерий Павлович — подвижник. Быть подвижником способен не каждый, да и у подвижников запас сил все-таки ограничен. Чем мы, здоровые, помогаем таким, как он? Хорошо еще, что у Валерия Павловича есть работа. Многие инвалиды и этого не имеют, не находится для них занятия. А ведь они хотят трудиться в меру сил, приносить пользу, жить среди людей полнокровной жизнью! Увы, слишком часто их переполняет ощущение собственной ненужности и одиночества.

...Не дает покоя судьба Кати. Много лет мы знакомы, и все это время будто вижу ее отчаянную борьбу за жизнь. Знаю, что никакой моей вины в этом нет, что я не прибавил к ее нелегкой жизни ни капли горечи, но все же... Да так ли уж нет вины? Ведь в тот день я так и не смог поехать с ней в издательство — были свои неотложные дела.

Катя не сердится:

— Ничего, пустяки. Но ты знаешь, хотелось взять домой побольше работы, а мне вдруг сказали, что я для них неудобна. Конечно, они по-своему правы — планы, сроки. Но я не отступлю. Ну, что я без них, зачем я? Ведь правда?..

Знаю, Катя не отступит. Она сильная.

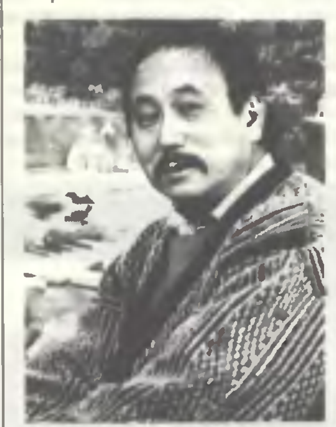
РОДИНА 4/89

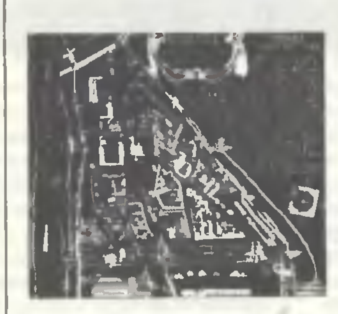
Ежемесячный общественно-политический научно-популярный иллюстрированный журнал

Издание газеты «Правда»

ТОЧКА ЗРЕНИЯ

ОТВЕТСТВЕННОСТЬ ЗОВУЩИХ ЗА СОБОЙ

Людмила БУЛГАКОВА, историк

У меня часто возникает впечатление, что, говоря об интеллигенции, имеют в виду некий возвышенный идеал, наделенный всеми мыслимыми и немыслимыми совершенствами.

САМО ПО СЕБЕ УВЛЕЧЕНИЕ ИДЕАЛОМ, ЕГО ПОИСК В РЕАЛЬНОЙ ЖИЗНИ — ЧЕРТА, ХАРАКТЕРНАЯ ДЛЯ РУССКОЙ ИНТЕЛЛИГЕНЦИИ.

Когда-то этот идеал видели в крестьянстве, затем в пролетариате, нынешняя интеллигенция обнаружила его в своем прошлом. Оказалось, что сегодня нам остро недостает духовной устремленности, сострадания, милосердия, человечности. Образованием сейчас никого не удивишь, но где подвижники духа? Есть, конечно. Даже в самые мрачные годы не гасла лампада. Но как много непоправимых утрат! Мы все потерпевшие, даже те, кто считали себя победителями.

Упоминания об интеллигенции замелькали на страницах печати. Вот они, наши герои, мученики, страдальцы, наши спасительные маяки. Да, перед этими людьми хочется склонить голову. Но терновый венец не должен искажать истинные черты. Благостный житийный образ хорош для поклонения, но не для размышлений.

Споры о том, что такое интеллигенция, не утихают более ста лет. Сейчас ее обычно определяют как социальный слой, состоящий из людей, профессионально занятых умственным трудом и имеющих соответствующее образование. Но в изначальном русском значении этого слова всегда имелся в виду особый нравственный склад, чуткая реакция на все оттенки душевного настроя общества. Духовная красота и самоотверженность русской интеллигенции потрясают. Ей было свойственно ощущение личной причастности, как тогда говорили, к общему делу, народолюбие, истовое служение идеалам добра и справедливости. Эти люди сумели возвыситься над личным эгоизмом и повседневными мелкими интересами. Лучших из них отличала высокая духовность, альтруизм, совестливость, обостренное чувство долга.

Но, вглядевшись пристальнее, мы ощутим сложность и противоречивость духовного развития интеллигенции.

Когда-то в доме едва ли не каждого интеллигента висел портрет Н. Г. Чернышевского, который олицетворял собой борьбу и страдания. Среди интеллигенции были «критически мыслящие личности», стоящие в оппозиции к самодержавному правительству и официальной идеологии. Однако критичность суждений и политический скепсис еще не определяли принадлежности к интеллигенции.

Если сейчас назвать кого-то интеллигентом, значит, подчеркнуть высокие нравственные качества личности, ее духовную сущность, тогда в это вкладывали иной смысл, связывая принадлежность к интеллигенции с демократическим направлением в русском общественном движении.

Одержимые, мечущиеся в поисках пути к всеобщему счастью, не щадившие своей жизни и с легкостью распоряжавшиеся жизнями других людей ради сомнительного блага будущих поколений — это тоже интеллигенция. И теперь уже не отмахнуться от этих мыслей отговорками о реакционности и классовой ограниченности наших великих умов, обуреваемых сомнениями о смысле и средствах борьбы, раздумьями о ценности всякой жизни и нравственной ответственности личности.

Работая над своим романом-предостережением «Бесы», Ф. М. Достоевский, в прошлом петрашевец, записал: «Жертвовать собою и всем для правды — вот национальная черта поколения. Благослови его бог и пошли ему понимание правды. Ибо весь вопрос в том и состоит, что считать за правду». И их, имевших свое понимание правды, мы не можем сегодня отделить от духовных исканий интеллигенции.

Русская интеллигенция не сонм святых, не галерея праведников. Ее не миновали увлеченность несбыточными идеями, утопичность помыслов, оторванность от жизни, заблуждения и ошибки. Это не обвинение, а свидетельство сложной, яростной, противоречивой истории.

А. П. Чехов, с замечательной наблюдательностью поведавший нам о душевном разладе интеллигенции рубежа веков, отозвался о ней далеко не лестным образом: «Я не верю в нашу интеллигенцию, лицемерную, фальшивую, истеричную, невоспитанную, ленивую, не верю, даже когда она страдает и жалуется, ибо ее притеснители выходят из ее же недр». И в самом деле, откуда берутся Вышинские, Ждановы, Сусловы? Как бы мы ни хотели, нам не уйти от этих вопросов. Генетическое родство русской интеллигенции с бюрократией, сильная зависимость от государства определили многое в ее развитии. Воровство, взяточничество, казнокрадство, злоупотребления не были таким уж редким явлением среди образованных людей дореволюционной России, как это сейчас представляют.

Важная роль интеллигенции в обществе обусловлена ее творческой, интеллектуальной функцией. Она способствует созданию духовных ценностей и материального благополучия народа. Она же занимает позицию критика, оппонента бюрократии, не дающего застояться мысли и побуждающего к действию. Было бы наивно считать, что интеллигенция может разрешить все проблемы, но ее голос должен звучать в полную силу. Пренебрежение к интеллигенции ослабляет интеллектуальный потенциал страны, разрушает тот духовный гумус, который накапливался веками, оборачивается неисчислимыми потерями для всех нас.

Размышления о русской интеллигенции вызывают не восторг и умиление, а чувство ответственности. Ее прошлое обнаруживает силу и слабость человека в их крайних проявлениях. Один из героев романа Владимира Набокова «Дар», удивляясь, «отчего это в России все сделалось таким плохоньким, корявым, серым, как она могла так оболваниться и притупиться», предполагает, что «роковой порок» таился в стремлении «к свету», который оказался «светом» в окне тюремного надзирателя. Но стремление к свету неистребимо в человеке. Не потому ли так велика ответственность зовущих за собой?

Революция сверху не должна перерасти ни в революцию снизу, ни в контрреволюцию. Социальные потрясения несут с собой разрушения, насилие, жестокость, невосполнимые потери, разгул неуправляемых стихийных сил. Гражданский долг интеллигенции — препятствовать разжиганию страстей, стремиться не к примиренчеству и соглашательству, а к миру и согласию внутри страны.

Старый партийный товарищ

Василий КАЮРОВ

МОИ ВСТРЕЧИ И РАБОТА С В. И. ЛЕНИНЫМ В ГОДЫ РЕВОЛЮЦИИ

Публикуемые в этом номере воспоминания рабочего большевика Василия Николаевича Каюрова были написаны за две недели до кончины Владимира Ильича Ленина.

Активный участник трех российских революций, видный партийный работник Василий Каюров неоднократно встречался с Лениным, советовался с ним. В воспоминаниях цитируются адресованные ему ленинские письма и записки. Судьба этих воспоминаний была подобна судьбе ближайших соратников Ильича: на долгие годы документы изъяли из обращения.

Наш долг — воздать должное соратникам Ленина, вернуть к жизни созданные ими труды, и в первую очередь их мемуары. Институт марксизма-ленинизма при ЦК КПСС вместе с Политиздатом занимается подготовкой многотомного издания воспоминаний о В. И. Ленине. Его составители и редакторы поставили перед собой цель не только обновить состав прежних изданий, но и вернуть читателю драгоценные строки воспоминаний сподвижников В. И. Ленина, восстановить тексты по первоисточникам, снабдив их отвечающими исторической правде комментариями. Будут опубликованы воспоминания ближайших соратников Ильича: Бубнова, Бухарина, Зиновьева, Каменева, Ломова (Оппокова), Мехоношина, Невского, Платтена, Радека, Раскольникова, Рыкова, Смилги, Уншлихта, Шотмана, Шумяцкого... Современному читателю будут возвращены драгоценные сведения о Ленине, о партии, о революции. Они помогут воссоздать «недорисованный портрет» вождя.

Александр СОВОКИН, доктор исторических наук

Началось трудное время борьбы за строительство новой России, окруженной со всех сторон врагами. В марте 1918 года правительство принуждено было эвакуироваться в Москву, так как немцы подступали к Петрограду. Нам, питерцам, казалось, что Питер, эту колыбель революции, мы должны отстаивать всеми силами. В голову не приходило мысли, чтобы там, где-то в России, думали по-иному: допустить падение Петрограда — это все равно, что допустить гибель революции. Так думали мы, питерцы, в тот момент, когда голод, достигнув высшего напряжения, принудил массы рабочих покидать свой любимый город.

По моим наблюдениям, в мае 1918 года в Питере редко было можно видеть лошадей, часть их была съедена, часть подохла, часть уведена в деревню, а часть была нами реквизирована для нужд нашей гражданской войны. К этому времени я не помню, чтобы где-нибудь встречал кошку или собаку: предприимчивые люди и их использовали... Прошло со времени Октябрьского переворота полгода; питерцы голодают, не получая ниоткуда хлеба. Между тем приезжавшие из провинции передавали, что там о голоде и не знают, всего вдоволь, все есть. В чем дело? Почему же голодаем?..

Думаю поехать в провинцию, чтобы убедиться в ее настроении. Получая из совета отпуск, еду в Симбирскую губернию — на свою родину. Первая деревня от железной дороги — Коки. Останавливаюсь в ней. Прошу крестьянку поставить самовар. Безоговорочно ставит. Робко прошу дать кусочек хлеба, дают белого, горячего. Еще пытаюсь просить яиц — отказа не получаю. Глазам не верится, и ум отказывается понимать. Начинаю рассказывать о бедственном положении питерских рабочих. Не верят. Как, мол, можно жить и работать при осьмушке фунта хлеба в день? Я рассказал, что очень часто рабочие, выходя на работу, изможденные, голодные, работали до тех пор, пока не падали у своих станков от голода, что десятками их уносили в приемный покой, но они не бросали своих постов, своей работы, ожидая от крестьян подкрепления. На это мне ответили, что помогать они не собираются, так как боятся Ленина, который продался немцам...

Побыв почти во всех уездах Симбирской губернии и убедившись по настроению крестьян и красногвардейцев, что Советской власти угрожает серьезная опасность, я с сыном выехал в Москву. Явившись к Владимиру Ильичу, я обрисовал ему в самых мрачных красках настроение крестьян, их отношение к большевикам, а также бесформенность, расхлябанность и неустойчивость красногвардейцев, сдающих белогвардейцам громадные территории, с крупными губернскими и уездными городами, часто без всякого сопротивления. И стал делать предложения: 1) дабы спасти революционные завоевания, необходимо бросить все советские пролетарские элементы в деревню для организации и агитации среди беднейшего крестьянского населения, так как эсеры и меньшевики, потерпев поражения в городах, ушли в деревню и ведут отчаянную беззастенчивую кампанию против Советской Армии, против большевиков; под влиянием эсеровской кулацкой агитации нетерпимость к большевикам чувствовалась не только со стороны середняка, но и бедняка; 2) чтобы спасти революцию, если потребуется — поступиться даже Петербургом или всей областью; 3) послать две-три канонерки на Волгу; 4) увеличить цены на хлеб, не жалея керенок; 5) бросить пролетариат в деревню, тем самым спасая живую революционную силу от голода; рабочие с успехом дадут отпор контрреволюционным бандам, укрепив деревенскую бедноту.

Во время моего доклада Владимир Ильич был в самом веселом расположении духа, как будто я сообщал ему какой-нибудь юмористический рассказ, а не говорил о серьезной опасности, грозившей Советской власти. Эта беспричинная, на мой взгляд, веселость приводила меня в немалое смущение... Мне стало еще более обидно, когда Владимир Ильич на все мои уверения, что крестьяне нас поколотят, смеясь, ответил: «Конечно-конечно, товарищ, они вам покажут, это им не впервой, если не сломаете хребет кулакам, прежде чем они вам успеют сломать».

Почему «вам», я в первую минуту не понял, уже хотел сделать возражение: «Чему, мол, смеешься, ведь и самому попадет»,— но удержался. Чему человек так радуется? Сначала мне показалось: тому, что я горячо доказываю, а Владимир Ильич сомневается в правдоподобности доклада, но нет...

По окончании нашего разговора Владимир Ильич предложил написать воззвание к питерским рабочим, что тут же сам и исполнил. Вот это воззвание:

В. И. Ленин в президиуме IX съезда РКП(б) в Свердловском зале Кремля. Март — апрель 1920 г. Сидят (слева направо): А. С. Енукидзе, М. И. Калинин, Н. И. Бухарин, Н. П. Томский, М. М. Лашевич, Л. Б. Каменев, Е. А. Преображенский, Л. П. Серебряков, В. И. Ленин, И. Н. Смирнов, А. И. Рыков. Стоят: В. Н. Мещеряков, Н. Н. Крестинский, Я. А. Брзин, В. П. Милютин, И. Т. Смилга, Б. М. Волин.

РОССИЙСКАЯ ФЕДЕРАТИВНАЯ СОЦИАЛИСТИЧЕСКАЯ СОВЕТСКАЯ РЕСПУБЛИКА

СОВЕТ Народных Комиссаров

Москва. Кремль 12-VII-1918 г.

К ПИТЕРСКИМ РАБОЧИМ

Дорогие товарищи! Пользуюсь поездкой в Питер т. Каюрова, моего старого знакомого, хорошо известного питерским рабочим, чтобы написать вам несколько слов.

Товарищ Каюров побывал в Симбирской губернии, видел сам отношение кулаков к бедноте и к нашей власти. Он понял превосходно то, в чем не может быть сомнения ни для одного марксиста, ни для одного сознательного рабочего: именно — что кулаки ненавидят Советскую власть, власть рабочих, и свергнут ее неминуемо, если рабочие не напрягут тотчас же всей силы, чтобы предупредить поход кулаков против Советов, чтобы разбить наголову кулаков, прежде чем они успели объединиться.

Сознательные рабочие могут в данный момент осуществить эту задачу, могут объединить вокруг себя деревенскую бедноту, могут победить кулаков и разбить их наголову, если передовые отряды рабочих поймут свой долг, напрягут все силы, организуют массовый поход в деревню.

Сделать эту попытку некому, кроме питерских рабочих, ибо столь сознательных, как питерские рабочие, других в России нет. Сидеть в Питере, голодать, торчать около пустых фабрик, забавляться наивной мечтой восстановить питерскую промышленность или отстоять Питер, это — глупо и преступно. Это — гибель всей нашей революции. Питерские рабочие должны порвать с этой глупостью, прогнать в шею дураков, защищающих ее, и десятками тысяч двинуться на Урал, на Волгу, на Юг, где много хлеба, где можно прокормить и себя и семью, где должно помочь организации бедноты, где необходим питерский рабочий, как организатор, руководитель, вождь.

Каюров расскажет свои личные наблюдения и убедит, я уверен, всех колеблющихся. Революция в опасности. Спасти ее может только массовый поход питерских рабочих. Оружия и денег мы им дадим сколько угодно.

С коммунистическим приветом

Ленин.

По 3-му пункту моих предложений Владимир Ильич писал записку тов. Троцкому, копию которой печатаю здесь:

2/VII — 1918 год.

Тов. Троцкий!

Податель — тов. Каюров, великолепный питерский рабочий, старый партийный товарищ. Примите его, пожалуйста, и выслушайте обстоятельно.

Ваш Ленин.

На прощание тов. Ленин сказал: Собирайтесь, тов. Каюров, организованно и поезжайте. Все вам отдадим, что имеется на складах России. Уже теперь имеется у Советской власти колоссальное количество конфискованных товаров. Масса оружия, тысячи пулеметов

Руководители большевистской организации Выборгской стороны Петрограда в 1917 году. Москва. Снимок сделан в 1926—1927 годах. Верхний ряд (слева направо): И. Ф. Антюхин, В. Н. Каюров, И. Д. Чугурин. Нижний ряд (слева направо): Н. И. Кучменко, А. С. Куклин, Л. М. Михайлов (Политикус), Кирилл Орлов (И. Ф. Егоров), И. М. Гордиенко.

лежат без движения, в особенности много в Вологде. Мы пробовали давать наши запасы, но все раскрадывается, растаскивается, а вы, я уверен, все это используете в интересах революции, в интересах привлечения на свою сторону бедноты деревни..

Ушел я от него все-таки в недоумении, пока, уже едучи в Питер, не прочитал его письма, небрежно сунутого мной в карман.

И только прочитав в письме фразу: «Товарищ Каюров понял» и т. д.— мне стал понятен смех и веселое настроение Ильича. Мне стало тоже смешно и... немного обидно за свою несообразительность: оказывается, мои горячие доводы для него были не новостью, а лишь подтверждением его собственного взгляда. До сих пор рабочие Питера и его верхушки смотрели на Октябрьский переворот и свои революционные силы со своей питерской колокольни и ни за что не хотели оставлять революционного города.

По приезде в Петербург я познакомил с письмом в нескольких районах партийных товарищей, затем явился к тт. Лашевичу и Зиновьеву. Последний, прочитав письмо, недружелюбно махнул рукой и на мой вопрос: «Даете ли свое согласие на вербовку отрядов?» — ответил мне: «Как хотите, так и делайте». Недружелюбно отнеслись и другие власти. При обсуждении письма в районных комитетах партии петербургской организации некоторые товарищи выявляли свое недовольство, по-видимому, на «недисциплинированность» Владимира Ильича, пославшего письмо через меня, а не обычным порядком.

Видя такое отрицательное отношение «верхушек», я бросился в «низы», где письмо Ильича нашло благодарную почву; рядовые члены партии, по крайней мере, в Выборгском районе, по прочтении письма даже не допустили прений, и большинство тотчас же записалось в первую группу; их было 38 человек. Впоследствии я уже в армии встречался с другими отрядами и группами рабочих Питера и других городов, последовавших за нами.

Каюров Василий Николаевич (1876—1936). Уже в конце 1899 г. он был одним из руководителей социал-демократической организации Сормова. После февральской буржуазно-демократической революции 1917 г.— член Выборгского комитета РСДРП(б), член исполкома Выборгского районного Совета и секретарь Выборгского районного Совета, член штаба Красной гвардии Выборгской стороны. Летом 1918 г. возглавлял продовольственный отряд в Казанской губернии; с августа 1918 г.— заместитель начальника политотдела 5-й армии Восточного фронта, затем начальник политотдела. В 1920 г.— особоуполномоченный Сибревкома. С 1921 г. находился на хозяйственной работе. В 1921—1922 гг.— председатель Сибирской краевой комиссии ЦКК РКП(б) по чистке партии. С 1922 г.— председатель Ураласбеста. В 1924—1925 гг.— председатель ревизионной комиссии «Грознефти». С 1926 г. работал в Институте В. И. Ленина, Истпарте, Центральном партийном архиве. В 1932 г. постановлением коллегии ОГПУ В. Н. Каюров вместе с членами «Союза марксистов-ленинцев» был привлечен в несудебном порядке к уголовной ответственности с назначением различных мер наказания.

Постановлением Президиума ЦКК ВКП(б) от 9 октября 1932 г. он был исключен из партии и выслан на 3 года в город Бирск (Башкирская АССР). В 1936 г. В. Н. Каюров умер в ссылке.

В июне 1988 г. Верховный суд СССР постановление коллегии ОГПУ 1932 г. в отношении В. Н. Каюрова отменил («Правда», 1988, № 218, 5 августа).

Максим ГОРЬКИЙ

ВЛАДИМИР ИЛЬИЧ ЛЕНИН

В комментариях к академическим изданиям сочинений М. Горького говорится, что очерк о В. И. Ленине был написан в 1924 году и дорабатывался в дальнейшем. Однако в наследии Горького есть и более ранние страницы, посвященные Ленину. Предлагаем вниманию читателей очерк, опубликованный в журнале «Коммунистический Интернационал» в 1920 году.

Сторонник теории, утверждающей, что роль личности в процессе развития культуры — ничтожна, В. И. Ленин — на мой взгляд — источник энергии, без влияния которой русская революция не могла бы принять форму, принятую ею.

Однажды я сравнил его —условно — с Петром Великим,— над этим сравнением смеялись, найдя его преувеличенным. Но это было именно условное сравнение: лично для меня роль Ленина, как социального реформатора России, ниже его значения, как мирового революционера. Он не только человек, на волю которого история возложила страшную задачу разворотить до основания пестрый, неуклюжий, ленивый человеческий муравейник, именуемый Россия,— его воля неутомимый таран, удары которого мощно сотрясают монументально построенные капиталистические государства Запада и тысячелетиями слежавшиеся глыбы отвратительных, рабских деспотий Востока.

Продолжаю думать,— как думал два года тому назад,— что для Ленина Россия — только материал опыта, начатого в размерах всемирных, планетарных. Раньше эта мысль, затемненная чувством жалости к русскому народу, возмущала меня, но наблюдая, как течение событий русской революции, расширяясь и углубляясь, все более возбуждает и организует силы, способные разрушить основы капиталистического строя, я нахожу теперь, что если Россия и обречена служить объектом опыта, то несправедливо возлагать ответственность за это на человека, который стремится превратить потенциальную энергию русской трудовой массы в энергию кинетическую, актуальную.

Каждый получает то, что заслужил,— это справедливо. Народ, загнивший в духоте монархии, бездеятельный и безвольный, лишенный веры в себя, недостаточно «буржуазный», чтобы быть сильным в сопротивлении, и недостаточно сильный, чтобы убить в себе нищенски, но цепко усвоенное стремление к буржуазному благополучию,— этот народ, по логике бездарной истории своей, очевидно должен пережить все драмы и трагедии, обязательные для существа пассивного и живущего в эпоху зверски развитой борьбы классов, гнуснейшим выражением которой является такая кровавая мерзость, как война 14—18-го годов.

Разумеется, я не намерен сочинять речь в защиту или оправдание В. Ленина,— я не нуждаюсь в этом так же, как и он.

Но я немножко знаю его, и когда «объективно мыслящие люди» обвиняют его в том, что он является возбудителем жестокой гражданской войны, терроров и других преступлений,— мне вспоминается г. Ллойд Джордж, который в 13—14-м годах говорил милые хвалебные речи по адресу немецкого народа, провожая в Германию экскурсию английских школьных учителей и принимая в Англии учителей немецких, а сам в то же время точил штыки и начинял снаряды, которые должны были рвать немцев в клочья. Все эти «великие люди»: лучший — самый бесстыдный циник Клемансо; «наивный демократ-романтик» Вудро Вильсон; социалисты, вотировавшие кредиты на организацию общеевропейской бойни; ученые, изобретавшие удушливые газы и прочие гадости; поэты, которые проклинали в 14-м году немцев, в 18-м — англичан,— вся эта плесень и ржавчина разлагающегося старого общества,— именно она своей подлой рукой нанесла глубокую, может быть смертельную, рану европейской культуре, и она продолжает садически терзать тело России, способствуя продолжению ее гражданской борьбы, удушая ее блокадой, уничтожая малых детей ее голодом и холодом.

Ошибки — если нужно говорить о них — не преступления. Ошибки Ленина — ошибки честного человека, и в мире еще не было ни одного реформатора, который действовал бы безошибочно. А вот Ллойд Джордж, Клемансо и К° действуют безошибочно, как настоящие каторжники, как профессиональные убийцы, осуждая на муки холода и голода целый народ и способствуя продолжению гражданской распри, совершенно бессмысленной, ибо, кроме «большевиков», в России нет сил, способных взять в свои руки власть и возбудить энергию измученной страны, необходимую для продуктивного труда[...]

* * *

Иногда дерзость воображения, обязательная для литератора, ставит предо мною вопрос:

— Как видит Ленин новый мир?

И предо мной развертывается грандиозная картина земли, изящно ограненной трудом свободного человечества в гигантский изумруд. Все люди разумны, и каждому свойственно чувство личной ответственности за все, творящееся им и вокруг него. Повсюду города-сады — вместилища величественных зданий, везде работают на человека покоренные и организованные его разумом силы природы, а сам он — наконец! — действительный властелин стихий. Его физическая энергия не тратится больше на грубый, грязный труд, она переродилась в духовную, и вся мощь ее направлена к исследованию тех основных вопросов бытия, над решением которых издревле безуспешно бьется мысль, расшатанная, раздробленная необходимыми усилиями объяснения и оправдания явлений социальной борьбы, измученная неизбежной в мире этих явлений драмой признания двух непримиримых начал.

Облагороженный технически, осмысленный социально, труд стал наслаждением человека. Действительно освобожден, наконец, разум человека — самое драгоценное начало в мире — и, действительно, разум стал бесстрашен.

Бесстрашие разума и острая проницательность в области политики — основные свойства натуры Ленина. Мир никогда не слыхал языка, которым говорит дипломатия, вдохновляемая им. Пусть это — язык, грубо терзающий нежные уши дипломатов во фраках и смокингах, но это — убийственно правдивый язык. А правда пребудет грубой до поры, пока мы, люди, сами не сделаем ее красивой, как наша музыка, которая является одной из хороших правд, созданных нами.

Не думаю, чтоб я приписал Ленину мечты чуждые ему, не думаю, что я романтизирую этого человека,— я не могу представить его себе без этой прекрасной мечты о будущем счастьи всех людей, о светлой, радостной жизни. Чем крупней человек,— тем более дерзка его мечта.

Ленин больше человек, чем кто-либо иной из моих современников, и хотя его мысль, конечно, занята, по преимуществу, теми соображениями политики, которые романтик должен назвать «узкопрактическими», но я уверен, что в редкие минуты отдыха эта боевая мысль уносится в прекрасное будущее гораздо дальше и видит больше, чем я могу представить себе. Основная цель всей жизни Ленина — общечеловеческое благо, и он неизбежно должен прозревать в отдалении веков конец того великого процесса, началу коего аскетически и мужественно служит вся его воля. Он — идеалист, если вложить в это понятие соединение всех сил натуры в одной идее — в идее всеобщего блага. Его личная жизнь такова, что в эпоху преобладания религиозных настроений Ленина сочли бы святым.

Я знаю: мещан это взбесит, многие товарищи усмехнутся, и весело захохочет сам Ленин. Святой — это, действительно, парадоксальное и смешное слово в приложении к человеку, для которого «нет решительно ничего святого», как сказал о нем древний «богочеловек», бывший революционер Н. Чайковский; святой Ленин,— которого благовоспитанный и культурный вождь английских консерваторов лорд Черчилль считает «самым свирепым и отвратительным человеком»!

Но почтенный лорд не станет отрицать, что церковная святость редко исключала свирепость и жестокость, чему примером могут служить кровавые драки отцов церкви на вселенских соборах, инквизиция и множество прочих мерзостей. С другой стороны, область гражданской деятельности во все времена создавала гораздо больше истинно святых людей, если под святостью подразумевать бескорыстное, бесстрашное служение интересам народа, свободы, истины.

Суровый реалист, хитроумный политик — Ленин постепенно становится легендарной личностью. Это — хорошо.

Из глухих деревень Индии, проходя сотни верст по горным тропинкам и лесам, тайком, рискуя жизнью, пробираются в Кабул, в русскую миссию, индусы, замученные вековым гнетом английских чиновников, приходят и спрашивают:

— Что таков Ленин?

А на другом конце земли норвежские рабочие говорят русскому безразличному человеку:

— Вот, Ленин — самый честный парень. Такого еще не было на земле!

Я говорю: это хорошо. Большинству людей необходимо верить для того, чтоб начать действовать. Слишком долго дожидаться, когда они начнут думать и понимать, а злой гений капитала все быстрее душит их нищетой, алкоголизмом, истощением.

* * *

Кажется, необходимо упомянуть, что Ленину не чужды увлечения дружбы и вообще не чуждо ничто человеческое. Несколько неловко и смешно говорить об этом, но мещане всего мира так напуганы, а лорд Черчилль, поглядывая на Восток, так свирепо и вредно для себя раздражается! Страдая добродушием, я нахожу себя обязанным несколько успокоить испуганных, раздраженных и прочих врагов вождя «большевизма».

Бывает, что Ленин переоценивает добрые качества людей в их пользу и во вред делу. Но почти всегда его отрицательные оценки — казалось бы неосновательные — неизбежно подтверждаются людьми, которых он отрицательно оценил еще раньше, чем видел результаты их работ. Это может свидетельствовать о том, что дурные свойства людей чувствуются Лениным лучше хороших, но также и о том, что дрянных людей вообще и всюду значительно больше, чем полезных.

Иногда в этом резком политике сверкает огонек почти женской нежности к человеку, и я уверен, что террор стоит ему невыносимых, хотя и весьма искусно скрытых страданий. Невероятно и недопустимо, чтоб люди, осужденные историей на непримиримое противоречие — убивать одних для свободы других,— не чувствовали мук, изнуряющих душу. Я знаю несколько пар глаз, в которых это жгучее страдание застыло навсегда, на всю жизнь. Всякое убийство органически противно мне, но эти люди — мученики, и совесть моя никогда не позволит мне осудить их.

Замечаю, что, говоря о Ленине, невольно хочется говорить обо всем,— пожалуй, иначе и не может быть, потому что говоришь о человеке, стоящем в центре и выше всего.

Разумеется, лично о нем можно сказать значительно больше, чем сказано здесь. Но — мне мешает скромность этого человека, совершенно лишенного честолюбия: я знаю, что даже и то немногое, что сказано здесь, покажется ему излишним, преувеличенным и смешным. Ну, что ж,— пускай он хохочет, он это хорошо делает, но я надеюсь, что многие прочтут эти строки не без пользы для себя.

В этих строках шла речь о человеке, который имел бесстрашие начать процесс общеевропейской социальной революции в стране, где значительный процент крестьян хотят быть сытенькими буржуями — не больше этого. Это бесстрашие многие считают безумием. Я начал свою работу возбудителя революционного настроения славой безумству храбрых.

Был момент, когда естественная жалость к народу России заставила меня считать безумие почти преступлением. Но теперь, когда я вижу, что этот народ гораздо лучше умеет терпеливо страдать, чем сознательно и честно работать,— я снова пою славу священному безумству храбрых.

Из них же Владимир Ленин — первый и самый безумный.

1920 г.

СВОБОДНАЯ ТРИБУНА

Не раз убеждался — во многих семьях почти ничего не знают о своих предках. Об отце, матери дети еще могут кое-что рассказать, а вот уже о бабушках, дедушках, прадедах, увы, почти ничего. История рода у большинства из нас прервана.

Виноваты в этом во многом мы, люди старшего поколения. Не сумели написать своих родословных и, как неделимое наследство, передать молодому поколению. С другой стороны, в результате грандиозных социальных и экономических преобразований в обществе утрачена общая культура родовых связей.

Мы изучаем историю Родины, забывая, что эта история, как из кирпичиков, складывается во многом из историй отдельно взятой семьи. Проходят годы, что хранит наша память? О месте рождения, куда многие уже не возвращаются, о братьях и сестрах, разъехавшихся по городам и весям, о друзьях-товарищах... Но в нашей памяти отсутствуют страницы трудовых и ратных подвигов наших предков, составной частью входящих в историю великой нашей Родины. А без этого как родиться патриотизму и любви к Отечеству?

Много праздничных дней отмечается нами в году, назрела, думается, необходимость установить день семьи, рода, чтобы молодое поколение помнило и чтило дела своих предков.

А. ОЛЕШКО,
член КПСС с 1937 года, инвалид Великой Отечественной войны
Кировоград

Прожил я долгую жизнь. Работать начал совсем юношей. Работал, как все люди, самым обычным способом, но называлось это работой по-стахановски. Почему? Стаханов никакого отношения к моей работе не имел. Его способа, его приемов в работе никто не знал, и я ими не мог воспользоваться.

Что мы, шахтеры, знали о методе А. Стаханова? Только то, что и все: в ночь с 30 на 31 августа 1935 года он перекрыл тогдашнюю норму в 14 раз. В четырнадцать раз!

Шли годы. Я с отличием окончил Харьковский горный институт и уже в качестве горного инженера вернулся работать в шахту. Был назначен начальником угледобывающего участка. Здесь я встретился с действительностью: при недостатке сильных рабочих рук дай план (как у нас говорят, «хоть лусни, но дай»). Ох, как же я хотел тогда найти способ повышения выработки!

Тут-то и вспомнился мне изобретенный Стахановым способ более чем десятикратного увеличения производительности труда. Тем более что А. Стаханов работал и поставил свой рекорд точно в такой же лаве, какой была моя лава, точно в таких же горно-геологических условиях: на шахте, разрабатывающей тонкие пласты крутого падения. Я как на крыльях помчался на шахты, где добыл славу А. Стаханов, чтобы там из первых рук позаимствовать передовой опыт.

Вот тогда-то я и узнал правду.

Весь до грамма рекорд был достигнут не за счет каких-либо технических решений, а исключительно за счет приписок, выданных за истину парторгом шахты К. Г. Петровым и переданных им в ЦК ВКП(б). Это видно уже из статьи А. Стаханова «Движение миллионов» (газета «Социалистический Донбасс», № 171 (12781).

Автор статьи нисколько не скрывал, что он только рубил уголь, а вырубленное им пространство крепили опытные забойщики Щиглов и Калинин. (К. Петров в своих недавних выступлениях по телевидению упомянул еще и Щипачева.) Уже этот факт говорит о том, что выполнил 14 норм не один Стаханов, а бригада из трех-четырех человек: ведь крепление забоя и до войны и сейчас — неотъемлемая обязанность забойщика. То есть на долю Стаханова приходится не 102 тонны вынутого им (в статье Стаханова сказано: добытого) угля, а лишь 25—35 тонн.

Петров в телефонограмме в ЦК не стал добавлять, что уже на другой день А. Стаханов работал старым, дедовским способом, предусматривающим выемку (вырубку) угля и крепление забоя одним и тем же забойщиком.

«Рекорд» А. Стаханова — это вызов здравому смыслу, авантюра, легализующая приписки. Убийственное свидетельство тому — длина уступа в угледобывающих лавах: за 50 лет стахановского движения она не изменилась! Это значит, что производительность труда в уступах ныне такая же, как и в достахановское время. Это застой! Застой, тщательно скрываемый даже сейчас, в эпоху гласности.

Словари расшифровывают слово «рекорд» как высший показатель, достигнутый в соревновании,— показатель повседневных успехов. «Рекорд» А. Стаханова, т.е. выполненную коллективом забойщиков разовую, спешную работу, более правильно назвать авралом. Чужой труд, труд товарищей по работе, использовать в интересах «рекорда» одного заранее выбранного человека — в этом и состоит весь стахановский метод.

Использование безымянных помощников (своеобразная эксплуатация человека человеком, присвоение чужого труда) с тех пор вошло в норму, стало расцениваться как доблесть рекордсмена. Авралы устраивались и продолжают устраиваться. И сегодня «бьют рекорд Стаханова», выполняя за одну смену по 15, по 20 и даже по 40 норм, в зависимости от числа «помощников». (Заметьте, «рекорды бьют» исключительно забойщики. На других способах углевыемки этого нет.) Один из множества таких авралов уже в недавнее время был с восхищением описан в статье «Рекорд» («Комсомольская правда» от 23.04.1978). «... 28 забойщиков пошли на повышенную добычу... Виктор Краско — семь с половиной норм». И снова рассуждения о том, как было бы хорошо, если бы так поступал каждый. И снова ни слова о том, что на другой же день все было как обычно...

Не пора ли назвать эти и другие подобные «рекорды» приписками и штурмовщиной, нарушением техники безопасности, авантюризмом? Выгодным, заметим, не столько для рабочих, сколько для «инициативной» номенклатуры.

А. ГОСТЕВ,
горный инженер
Горловка, Донецкая область

Обелиск Советской Конституции. С какой гордостью звучало название этого символического сооружения, воплотившего в художественно-образном выражении вековые чаяния освобожденного народа, увидевшего в памятнике олицетворение своей мечты. И тогда казалось, что скрижали первой Советской Конституции, воплощенные в бронзе, будут незыблемы и вечны, как и материал, из которого был выполнен монумент. Грустно сознавать, что вопрос о восстановлении этого замечательного сооружения уже более двух десятков лет не находит решительной поддержки в Московском Совете. Автор статьи «Пусть возродится обелиск Свободы» Татьяна Шульгина («Родина» № 1) своевременно ставит сегодня вопрос о восстановлении памятника.

УВАЖАЕМЫЕ ЧИТАТЕЛИ!
Ваши письма помогут редакции сделать журнал разнообразнее по темам и адресам.
Наш адрес: 125865, ГСП, Москва, ул. «Правды», 24.

Центральный музей В. И. Ленина неоднократно обращался в различные инстанции и директивные органы с конкретными предложениями по восстановлению и установке в Москве обелиска Советской Конституции, а также незаслуженно забытого монументального памятника — мемориальной доски «Павшим в борьбе за мир и братство народов» — первенца ленинского плана монументальной пропаганды. Известно, что 7 ноября 1918 года В. И. Ленин открывал на Красной площади мемориальную доску. В 1960—1961 гг., бывая в мастерской С. Коненкова, я видел собранной мемориальную доску, в реставрации которой принимал непосредственное участие скульптор. Сергей Тимофеевич говорил мне, что он считает свое произведение памятью о Ленине и люди должны его видеть на Кремлевской стене, на том месте, с которого Владимир Ильич открывал мемориальную доску в первую годовщину Октября.

Величественная мемориальная доска «Павшим за мир и братство народов» была задумана как общее надгробие кремлевского некрополя на Красной площади.

Пусть будет услышан голос общественности. Чтобы боевое наступательное время перестройки стало нашим зримым вкладом в отечественную культуру, необходимо два замечательных памятника Великого Октября, неразрывно связанных между собой героической летописью нашей истории, незамедлительно восстановить.

Владилен ШАБЕЛЬНИКОВ,
старший научный сотрудник Центрального музея В. И. Ленина

В конце прошлого года средства массовой информации сообщили о беде, постигшей более сотни маленьких граждан г. Черновцы Украинской ССР. Без всякой видимой причины эти дети начали лысеть. Удалось выяснить, что причиной странного заболевания явилось воздействие на них атмосферных осадков, содержащих таллий. Конкретный виновник загрязнения воздуха ядовитыми соединениями пока не выявлен. Будем надеяться, что со временем вопрос прояснится, виновные понесут наказание.

Мне, как химику-аналитику, хорошо известно широкое применение таллия в качестве компонента для создания новых, прогрессивных химических соединений, помогающих облегчить технологический процесс и в конечном счете призванных служить благу людей.

Остается только крепко подумать, как обеспечить безопасность людей, неприкосновенность окружающей среды при производстве, применении и транспортировке химических веществ, обладающих ядовитыми свойствами.

Убытки, моральные и материальные, от беспечности и халатности в данном случае несем все мы, несет государство, поэтому гарантия безопасности должна быть самой надежной.

Мне представляется необходимым создание специальной комиссии из компетентных в области применения химических веществ в народном хозяйстве специалистов при Совете Министров СССР, а также в союзных республиках, которая контролировала бы правила обращения с токсичными химическими соединениями.

И. ШЕВЧУК,
заведующий кафедрой аналитической химии Донецкого госуниверситета, профессор
Донецк

Два года назад газеты и телевидение рассказывали о плане создания в районе старого Арбата зоны новой социальной культуры досуга (НСКД). Инициативная группа по созданию зоны НСКД неоднократно призывала Мосгорисполком и Киевский райисполком столицы подключиться к созданию уникального комплекса досуга. Старый Арбат в нашем представлении должен стать универсальным центром культурного отдыха, включающим в себя выставочные павильоны, спортивные залы, видео- и фонотеку, кафе, дискуссионные клубы, справочную службу.

По нашему плану этот комплекс мог бы разместиться в «дворовой глубинке» старого Арбата. В четырех полупустующих ныне флигелях предполагается разместить шесть салонов, где смогут встретиться любители искусства, самодеятельного творчества, спорта и развлечений и где можно будет получить информацию по вопросам внутренней и внешней политики, здорового образа жизни, рационального питания, культуры межличностных отношений и т. д.

Необходимость формирования комплекса диктуется еще и тем, что есть намерение создать к 2000 году в районе Арбатской площади Культурный Центр. Наш проект создания зоны НСКД, по предварительным расчетам, может опередить открытие такого Культурного Центра на 10—15 лет. За это время зона НСКД послужит своего рода опытным полигоном для натурной, многовариантной проверки прогрессивных идей отечественной и зарубежной индустрии досуга.

Мы глубоко убеждены, что создание подобного комплекса в заповедном центре Москвы защитит многочисленных отдыхающих от праздного шатания по улицам, от длительных застолий в кафе и закусочных, порождающих скуку и желание «заполнить» духовный вакуум вином. Осмысленный, увлекательный досуг будет способствовать развитию в наших людях высокой нравственности, духовного и физического здоровья. Вот почему за скорейшее появление в центре столицы такого островка действенной борьбы за трезвый, культурный и здоровый образ жизни ратуют многие культурно-просветительские, спортивные и здравоохранительные организации Киева, Минска, Симферополя, Брянска, Ленинграда, Смоленска, Астрахани, Краснодара и других городов.

Прошло более двух лет с того момента, когда авторы проектных предложений по зоне НСКД были поддержаны прессой и авторитетными деятелями культуры, просвещения, спорта, здравоохранения. Заинтересованные организации, в данном случае Мосгорисполком, попрежнему остаются в стороне, а тем временем некоторые из шести салонов, предназначенных для комплексных культурно-просветительских мероприятий, начинают занимать другие учреждения.

Пришло время, когда благородному делу требуется незамедлительная и действенная помощь.

Д. БИСТИ, вице-президент Академии художеств СССР, академик, лауреат Госпремии СССР, народный художник РСФСР; Е. В. КВЯТКОВСКИЙ, директор НИИХВ АПН СССР, академик АПН; Д. ЛИХАЧЕВ, академик, председатель правления Советского фонда культуры; Б. ОКУДЖАВА, писатель; А. РИТИН, автор проектных предложений по зоне НСКД; В. ЯРЫГИН, председатель Всесоюзного добровольного общества борьбы за трезвость, дважды Герой Социалистического Труда
Москва

Юрий МАКАРЦЕВ

«ФЕДОРИНО ГОРЕ»

ИЛИ ПОЧЕМУ «ВЕЩЕВАЯ РЕВОЛЮЦИЯ» ОБХОДИТ СТОРОНОЙ НАШИ КВАРТИРЫ

УТЮГИ ЗА САПОГАМИ...

Инфляция?! Штурманы экономики этот скандальный термин как бы долго не выговаривали. Гласность — неплохой логопед, ныне экономисты «пасут» инфляцию, как заправские пастухи: ежегодный рост цен у нас, дорогие граждане, составляет 5—7 процентов в год. А давно ли так? По оценкам специалистов ВНИИ конъюнктуры и спроса, за последние 18 лет средние розничные цены в стране поднялись на 38—40 процентов, в том числе на 25 процентов за счет изменения ассортимента.

Избыток денежной массы в обращении при дефиците товаров — этот инфляционный образ на слуху и перед глазами каждого из нас. В конце прошлого года по стране в очередной раз прокатилось «Федорино горе» (помните сказку К. Чуковского?): с прилавка испарились телевизоры, холодильники, стиральные и швейные машины, моющие средства и т. д. «Сладкий кризис». «Мыльная лихорадка». Кто не выстаивал очереди за дешевым мылом, автоматически становился аристократом: умывался рублевым. «Утюги за сапогами, сапоги за «жигулями»!» Ладно, вещи от Федоры сбежали потому, что она не заботилась об их санитарном состоянии. А мы-то с вами чем провинились?

Прежде, как известно, о душе человека пеклась церковь, теперь — министерства и ведомства и, конечно, Госплан СССР, где обязаны думать, как «душу населения» накормить, во что одеть и обуть. Этому богу мы и молились, считая, что Госплан в первую очередь несет ответственность за сбалансированность экономики и ее здоровое состояние. Ныне произошла эволюция взглядов: только бы плановый штаб народного хозяйства страны самостоятельности предприятий не мешал! Протесты «снизу» услышаны? В государственном заказе на 1989 год осталось всего 18 наименований важнейших групп непродовольственных товаров (до этого было 450): телевизоры, радиоприемные устройства, холодильники, стиральные и швейные машины, велосипеды, мотоциклы, мебель, парфюмерия и косметика, бумажно-беловая продукция и т. д. Впечатляющ госзаказ и в объемном выражении — 142,5 миллиарда рублей, и это, заметим, без учета того, что произведет для нашей «потребительской корзины» Минлегпром СССР. Чтобы победить дефицит, включены все подстраховочные и аварийные системы экономики. Задания по выпуску товаров народного потребления имеют практически все «непрофильные» министерства, даже строительные. Для этих же целей правительство недавно решило перепрофилировать 300 предприятий и цехов. Особые надежды на «оборонщиков», может быть, они поддержат марку отечественных товаров, не подкачают?

Мой визит в Госплан только подтвердил прогнозы экономистов, предупреждающих: реформа ценообразования сама по себе от инфляции не спасет. Нужно предлагать товары, которые бы привлекали людей, а госзаказ — это сказ на старый лад: произвести вал, заткнуть дыры... Начальник подотдела

производства непродовольственных товаров Госплана СССР И. М. Белов и не старался разубеждать меня в обратном. Излагая «экономическое алиби» своего ведомства, Игорь Митрофанович как бы набросал схему, почему еще долго нам придется оставаться пленниками дефицита.

— В свое время выпускали 5,5 миллиона стиральных машин — показалось много, закрыли несколько заводов. Аналогичная история со швейными машинами: перепрофилировали «лишние» предприятия, и вот уже в течение десяти лет не можем подняться до прежней мощности производства. Делали 4,5 миллиона штук фотоаппаратов, а сейчас их в магазинах нет. Динамика спроса у нас неравномерная,— говорил Игорь Митрофанович.— Чья задача формировать потребности?..

Очевидно, и вы слышали объявления по радио: съемочная группа кино приобретет у граждан настольную лампу 1905 года выпуска и телефон 1916-го. Приносите, купим. Представьте, приносят. Дома наши набиты «антиквариатом». Сундуки, этажерки, комоды из молодости дореволюционных бабушек... Что уж там говорить о мебели, предметах обихода сталинской, хрущевской поры! Многие вещи в квартирах стали «предметами пожизненного пользования». А вот, допустим, ФРГ переживает сегодня четвертую по счету волну перемеблировки жилищ. В пятидесятых годах в квартиры бюргеров ворвался стиль «барокко», в шестидесятых модной стала мебель из синтетических материалов, в семидесятых людям полюбилось резное, по-деревенски добротное дерево, сегодня смесь стилей — «авангард», пристрастие молодых людей к стеллажам из неполированной сосны и т. д. Но мы не немцы. Бывает, и достаток в семье есть, деньги на сберкнижке лежат, а бедность все равно изо всех углов в квартире глядит...

Спрос на товары, по мнению специалистов, остается вялым и консервативным. Кого же в этом винить? Застойную экономику обслуживала пропаганда культа скромных жизненных потребностей. Иметь вещи дурно! Надо читать книги, где все сказано о смысле жизни... Для воспитания в себе гармонической личности надо ходить в театры, общаться с природой — там вы постигнете философию красоты и бытия. Конечно, не вещи делают человека счастливым, можно оставаться нищим, обладая многочисленными благами «потребительской цивилизации». Но зачем же грубо противопоставлять духовность прогрессу бытовой культуры?! Даже Сократ не отрицал утилитаризма: вещи могут обладать красотой, которая состоит в их полезности и целесообразности.

Психологию «зажатых потребностей» поддерживал и общественный институт нравственного воспитания подростков и молодежи. Перьями журналистов и писателей мы открыли в условиях нашего товарного дефицита злостную болезнь: «вещизм». Молодежь корили за то, что она гоняется за модными штанами, кордовыми рубашками, куртками, майками... В современном конфликте отцов и детей как раз очень остро звучит мотив разницы взглядов и представлений на «вещевой мир»: детям и подросткам он кажется бедным и неинтересным.

«Психология бессребреников» давно уже находится в противоречии с экономикой и нашей социальной политикой, тем более сегодня, на очередном этапе перестройки. Обожать вещи или обходиться без них — личное дело каждого, но, думается, как граждане, все мы должны желать, чтобы товары в наших магазинах были не хуже, чем в США, Швеции или в ФРГ.

А МОЖЕТ БЫТЬ, ВЕЩИ НАДО ЛЮБИТЬ?..

Конечно, нет свободы выше той, которая заключена внутри самого человека. Свободу внешнюю во многом определяют вещи. Посмотрите, как одеты многие люди с Запада: куртки, рубашки, шорты, майки, «балахоны» и блузоны — все это в основном уцененное, купленное на распродажах, которые проводятся в Западной Европе два раза в году. Дома у себя молодежь экипируется так же. Наши люди в основном одеты не хуже. Не будем говорить, какой ценой это им достается. Просто заметим: в условиях дефицитной экономики и товарного голода мы иные «необычности» иностранцев, их раскованность и напускную «счастливость» переоценивали так, будто с ума посходили. Что там корить детей!.. Взрослые гоняются за каталогами западногерманских фирм «Отто», «Квелли», «Некерманн», платят за них аж по 50 рублей. Хотя эти каталоги в самой ФРГ ничего не стоят, высылаются фирмами на дом по заявке — сам получал, работая в этой стране корреспондентом центральной газеты. Ничего не поделаешь, через поклонение иным «штучкам» с Запада нам, видимо, тоже придется пройти, когда-нибудь же наступит инфляция необоснованных «импортных симпатий». Пока же их не отменишь ни декретами, ни нравственными проповедями.

Не так давно я снова побывал в ФРГ — теперь в составе молодежной делегации — и обратил внимание вот на что: многие товарищи по поездке покупали главным образом технику. Прежде, замечу, наши люди везли домой, даже из капстран, в основном обувь и одежду. Можно говорить на основании этого частного наблюдения об изменении спроса советских граждан на импортные товары вообще?

Некоторые экономисты предлагают увеличить импорт потребительских товаров, купленных на твердую валюту, тем более что доходность заморских вещей для бюджета составляет 1000—1500 процентов. Конечно, выгодно... Если, правда, забыть о том, что мы получали «тряпки» с лейблами за валюту, заработанную на поставках нефти, газа и других природных ресурсов. В 1989 году планируются закупки импорта на сумму более 21 миллиарда рублей, главным образом в социалистических и развивающихся странах. Составы, самолеты, пароходы, как обычно, подбросят на отечественный прилавок обувь, одежду, парфюмерию, мебель, краску, обои... Я опросил моих соседей, а что бы они хотели в данный момент иметь «для дома, для семьи». Ответы были: пылесос из ФРГ, японский видеомагнитофон, американский персональный компьютер.

На сей раз к состоянию «товарной лавки» чужой страны я приглядывался под углом особого интереса. Рассматривая витрины и прилавки городов ФРГ, их наполнение, которое в прежние годы мы называли примерно как «потребительское извращение», я пытался обнаружить в бесконечности названий предметов определенный порядок, движение мысли, законы. Все это есть. В современной «вещевой революции», происходящей в мире, существуют, на мой взгляд, четыре главных направления.

Вещи — домашния помощники: одна из мощных ветвей западного потребительского рынка. В Киле я и мой коллега несколько дней жили в семье супругов Штефи и Райнера. В первый вечер, после ужина, желая показаться вежливым, коллега предложил хозяевам вымыть посуду. «А мы ее не моем»,— сказала Штефи и все тарелки, чашки, ложки сгрузила в раковину. Она включила кнопку, автомат сам разложил все предметы «по сортам», вымыл, высушил и утром предложил хозяйке в лучшем виде. Автоматы чистят картошку, режут хлеб, перерабатывают мясопродукты, взбивают сливки, пекут пироги, делают соки, стирают белье, сушат его и гладят, вяжут — они, кажется, готовы делать за домашнюю хозяйку решительно все. У себя в стране мы тратим в год на домашнее хозяйство до 275 миллиардов часов свободного времени. У женщины на домашний труд в неделю уходит до 30—40 часов. Вот бы ей так: на кухне — роботы, в детской — «электронная нянька», читает ребенку перед сном сказки, поет ему песни, желает «спокойной ночи»...

Думвющие ващи. Современный человек имеет возможность прочесть утром по телевизору «электронную» газету, поговорить с родственниками по видеотелефону, поехать на работу на автомобиле, где установлен борткомпьютер. Удешевление микроэлементов — чипов, прогресс микроэлектроники открыли дорогу товарному ассортименту «электронной волны». Электронную начинку ныне вставляют всюду, где можно.

Традиционныа аащи с новым «раздражиталем». Я очень удиеился, когда оказавшийся в ФРГ соотечественник попросил подсказать ему, где продаются резиновые коврики «для купания в ванне старых и пожилых людей». О таком, признаться, слыхать не слыхивал. Нашелся в первом же универмаге: коврик с присосками ко дну ванны.

Из традиционных вещей сегодня «выжили» на рынке те, что в своем исполнении отвечают представлениям современного человека об эстетике, дизайне, утилитарности. Чашки, ложки, кастрюли... Они сделаны, «выпестованы» так искусно, что не стать их хозяином, не купить просто грешно. Баночки-скляночки для соли, чая, перца, специй играют красками. В них обязательно есть какая-то «изюминка». Копилка, допустим, сделана в виде металлической кошки. Кладешь монету — вдруг кошка слизывает ее языком, проглатывает. Смешно. «Раз-

дражитель» волнует покупателя, он мучительно борется с собой и отдается эмоциям или внутреннему расчету — пожалуй, возьму, с этой вещью мне будет интересно жить и общаться.

Собирая материал для этой статьи, я посетил в конце прошлого года специализированную выставку «Товары и услуги для детей и молодежи» на ВДНХ СССР. Поехал в будний день — в огромном комплексе посетителей почти не было. Унылым, угрюмым и старомодным, за редкими исключениями, предстал передо мною мир вещей и предметов, которые сходят с конвейера предприятий. Знакомые пластмассовые зайчики, неживые куклы, машинки, не способные сделать и метра пробега, строительные кубики и «конструкторы» из времен моего детства... Прочитал на стенде: 1000 предприятий в стране выпускают 26 тысяч наименований игрушек, общий объем их производства к концу 12-й пятилетки достигнет 2 миллиардов рублей. Конвейер не одухотворенного фантазией добра. Кого мы воспитываем?! Детей, которым потом на сохе пахать, или граждан, которым предстоит управляться с компьютерами? Промышленность со своим близоруким зрением будто не замечает, что дети и подростки, наиболее восприимчивые к информационному взрыву, намного взрослее самих себя. С помощью «видео» ребята теперь прошли ликбез по части «нечистой силы» (Дракула, Франкенштвйн, вампиры, ведьмы), знают о Кинг-Конге и снежном человеке, видели старты «Шаттла» и «Бурана». Они наверняка станут очевидцами совместной советско-американской экспедиции на Марс. На такое детское воображение и ориентируется западная экономика: машинки на радиоуправлении; «ралли» — автомобильчики бешено носятся по кругу; двигающиеся роботы; «воки-токи» — маленькая радиостанция для переговоров двух друзей на расстоянии 200—1000 метров. Домашний компьютер помогает школьнику учить иностранный язык и другие предметы, с его помощью составляются каталоги книг и пластинок. Компьютер и развлекает ребенка занимательными играми. А мы? Мы, ведущая космическая держава, посылающая едва ли не каждый день на орбиты спутники и ракеты, практически оставили своих детей без комнатных развлечений, развивающих мышление нашего удивительного века. Вы видели на прилавках наших «детских миров» звездолет «Буран»? Я тоже нет.

Товары не только обладают определенными потребительскими свойствами, но и несут в себе идеологическую нагрузку — на мировом рынке они пропагандируют определенный образ жизни. Эта майка из США, фотоаппарат из Японии, машина из ФРГ. В Западной Германии на 60 миллионов населения приходится 25 миллионов личных автомобилей. Я читал исследования, где сказано: на заре массовой автоматизации ее подталкивали и идеологи, мол, если каждого человека мы посадим за руль, сделаем собственником, он трижды задумается, а стоит ли примыкать к баррикадам классовой борьбы. Ему есть что терять.

Назад к старине — это, на мой взгляд, четвертое вещевое измерение, в котором живет современный человек. Как замечательно смотрятся в московских квартирах, где я бывал, прялки, самовары, деревянная посуда...— в них столько живого, чудотворного тепла. Впрочем, многие люди смирились с тем, что живут в пластиковом плену и поклоняются безликому полированному стандарту. Обставленные по шаблонам индустриальной красоты, многие наши квартиры плохо справляются с функциями «приюта тела и души...». «Вещи под старину» особенно любимы людьми старших поколений, так как они будят у них ностальгические воспоминания о быте их родителей и предков.

Отнюдь не черная зависть движет нами, когда мы отмечаем достижения НТР «на Западе»: на пороге 2000 года по крайней мере два человека из трех станут общаться в стенах своего дома с ЭВМ; многие покупки люди станут выбирать по телевизору прямо в своей квартире, а товары потом будут доставляться им на дом; домашние приборы «поумнеют» и начнут воспринимать голос человека. «Ну-ка, кофеварка, сваргань мне кофе!» — прикажет утром «заморский Емеля» своему чудесному агрегату на чистом английском, немецком и французском. Нашего Емелю обслужит жена. Зато она поставит ему на завтрак столько натурального мяса и колбасы, сколько зарубежному супругу и за месяц не снилось...

Завидовать — не в характере наших людей, привыкших обходиться скромным набором бытовых благ. «А ну их к черту, эти вещи! Сыты, обуты. смотрим «До и после полуночи» и «Взгляд», в отпуск ездим — чего еще надо»,— примерно таков ход мысли отца семейства со средним достатком. Что же нужно нам с вами?

Из 100 западногерманских семей 88 имеют телефоны, 65 — автомобили, 49 — морозильные камеры, 39 — компактную стереоустановку (мощный магнитофон с усилителем и колонками, радиоприемник, проигрыватель), 20 — двухкамерный холодильник, 24 — посудомоечную машину, 10 — автомат-сушку для белья. Я перечислил предметы, которые создают качество жизни современного человека и разницу жизненных уровней. Сравнивая показатели социально-экономического развития, западные зкономисты пытаются определить, на какой же ступеньке в мировом душевом потреблении находится наша страна. Получается: на 20—22-м месте. «Свобода от вещей» для миллионов людей обернулась унизительной «вещевой зависимостью», при которой денежные накопления только стимулируют инфляцию. На начало 1989 года вклады населения в учреждениях Сберегательного банка СССР достигли 297,5 миллиарда рублей.

ГЛЯДЕТЬ ВПЕРЕД, ЛИЦА НЕ ПОТЕРЯТЬ

«Комплексная программа развития производства товаров народного потребления и сферы услуг на 1986—2000 годы» увидела свет в 1985 году. Прошло некоторое время, и я выехал по сигналу читателя в командировку в одну из наших южных республик. Все подтвердилось. Упомянутый в письме завод шлифовальных станков Минстанкопрома СССР по уровню основного производства выглядел «вполне ничего», в одном их цехов я приметил даже обрабатывающие центры с электроникой. А вот участок ширпотреба — «слезы»: там годами штамповали петли рояльные, ручки для тумбочек, топорики сувенирные — сделали по ручке, петле, топорику едва ли не в расчете на каждого жителя страны. Затоварились. «Убей бог, не знаем, что нужно выпускать»,— откровенно признались руководители. Разве только они двигались «туда, не знаю куда»? Власти города, где находился завод, собрав на совещание руководителей и специалистов предприятий, попробовали закрутить эксперимент: пусть, мол, каждый захватит из дома какую-нибудь вещь, которую он приобрел в заграничной командировке. Так сказать, «для переиздания» в виде товара массового спроса. Однако ничего из образцов не собрали. Командированные, как уже говорилось, в основном привозили своим домочадцам обновы в виде обуви и одежды.

Вот уж, право, в плановом народном хозяйстве одна рука не ведает, на что другая способна. В Москве, на проспекте Мира, есть, оказывается, целый «универмаг» с образцами западных товаров, у него филиалы по всей стране. Работники общесоюзного объединения «Союзпромвнедрение» получают валюту и тратят ее за рубежом исключительно в целях информации руководителей о происходящей в мире «вещевой революции». Я внимательно осмотрел витрины «универмага», словно в ФРГ побывал.

— Задача копировать западные товары никогда не ставилась! — консультировал меня у витрин заместитель генерального директора объединения В. М. Накашидзе.— Нет,— подчеркивал он,— главное — изучить мировые тенденции, привлечь к ним внимание специалистов торговли, оптовых, розничных звеньев. Расшевелить промышленность: товарищи, вот зтих товаров у нас в продаже не бывает.

Продолжение беседы вылилось в демонстрацию примечательных «отечественных достижений». По просьбе заместителя генерального специалисты подкатили к образцу импортной коляски типа «тросточка» (складывается в линейку) наш вариант детского экипажа. Близнецы-братья! Авторы хотя бы для приличия бубенчики местного производства к экипажу прицепили.

Ну хорошо, скопировали, пустили продукцию в торговлю по цене примерно 20 рублей. Растите, младенцы! Для их полноценного отдыха, однако, как выяснилось потом, нужна коляска несколько иная: с жесткой спинкой, с жестким сиденьем и твердыми подлокотниками — такая новация через несколько лет поступила в Москву с Запада. Работники «Союзпромвнедрения» закупили и новый образец. Стали тормошить промышленность, мол, ваша обязанность прислушаться к современным требованиям эргономики. Что же хозяйственники? «Сделать-то сделаем,— предупредили они,— только останутся

ли довольными покупатели-родители? За новую коляску им придется платить рублей тридцать, если не больше...»

1989-й. Переросли министерства свой растительный уровень? Да, готовы заверить нас с вами, покупателей, в Минстанкопроме СССР. В отрасли создана особая научно-производственная структура, выпуск товаров народного потребления под жестким контролем и неусыпным оком должностных лиц, включая первого заместителя министра. Что производить, уверяли меня, такой проблемы больше не существует. Пора аплодировать?..

— А что-нибудь сходит у вас с конвейера такое, чтобы покупатель стонал от восторга? — спрашиваю у первого заместителя начальника производственного управления Минстанкопрома В. Л. Болотова.

— Появляются сувениры типа настольных светильников,— перечислял Владимир Леонидович,— детские игры, качели... Сахарокол, овощерезка, цифровой электротермометр... Разработан и разослан по предприятиям ассортимвнт образцов особо сложных товаров. Впрочем, на местах могут освоить что-то и «по картинке» — через «Станкоимпорт» мы заказываем за рубежом каталоги и закупаем отдельные образцы.

Аплодировать, собственно, пока нечему. Правда, как жили предприятия со связанными руками, так и сегодня для них свобода — предписанная «сверху» необходимость. Госзаказ спущен отраслям на весь объем производства товаров народного потребления — меру эту называют вынужденной. Однако и там, где все-таки осталось «пространство для самостоятельности», там тоже в основном процветает «валотворчество». Сотни цехов на предприятиях «непрофильных министерств» улучшают качество хлебниц, чайников, кастрюль, настольных ламп, сумок, вешалок для одежды и т. д. Через весь этот ассортимент покупатели «проходили», когда многие из нас с вами детьми еще пешком ходили под стол. Неудивительно, что к концу 1988 года в торговле скопилось неходовых и залежалых товаров почти на миллиард рублей.

Наша отраслевая экономика как бы фатально настроена на потребительский спрос, который во многом уже удовлетворен. А вот внимание производителей — лидеров «вещевой революции» сосредоточено на удовлетворении **аторичного** и последующих спросов населения.

Желание людей обладать вещами естественно, процесс обновления «вещевого мира» беспрерывен. Другое дело, что новое выдумать и создать нелегко. Стул, газовая плита в доме, радио, телевизор, видеомагнитофон — за каждым названием стоят мысль и почерк гениальных изобретений. Набор привычных нам предметов бытового ряда, утвердившихся в пределах исторической памяти человечества, не так уж, согласитесь, и велик. Неудивительно, что над модификацией вещей, самых простейших, будь то канцелярские скрепки или миксеры, западные фирмы работают с такой же экономической тщательностью и последовательностью, с учетом всех тех рыночных законов, как это принято в производстве автомобилей и самолетов. «Вещевой набор» для человека у нас создается «на любительской» индустриальной основе. Только с недавнего времени в комиссиях, утверждающих образцы товаров народного потребления, появились дизайнеры.

Работа «по картинке», «вдогонку» — это незавидная участь вечно находиться в экономическом соревновании с Западом у лидера за спиной. У себя дома «второй» тоже король мнимый: растут цены, прогрессирует инфляция, расправляет плечи «теневая экономика».

— Полезна антиреклама,— считает В. М. Щаренский, руководитель отдела методов оценки и экспертизы потребительских свойств изделий Всесоюзного научно-исследовательского института технической эстетики. Виктор Михайлович ведет в журнале «Техническая эстетика» рубрику и не раз «обжигался»: прижать изготовителей плохой продукции, что угли из печи голыми руками таскать. Ты сначала добудь и покажи в соответствующих инстанциях справку, мол-де, данное, выбранное тобой для критического анализа изделие не поставляется на экспорт. Впрочем, сами мы за рубежом тоже отоваривались не лучшим образом. Полагались на квалификацию и добросовестность наших «купцов». Регламенты могучей коммерческой тайны прикрывали несостоятельность внешторговских работников, ряды которых во многом формировались по «родовому принципу» — из блатных, верхоглядов и недоучек. Разоряли детки державу. С глаз спала пелена, недавно мы узнали и ахнули: ежегодно органами Торгово-промышленной палаты СССР выявляется недостача и поставка в нашу страну бракованных товаров на сумму свыше миллиарда рублей.

История «вопроса о товарном дефиците» своими корнями уходит в явления тех незабвенных лет, когда в обществе утверждались подмены: продразверстка вместо продналога, бюрократия — над демократией, беззаконие вопреки официально декларированному праву. Чтобы воскреснуть, надо сначала умереть — говорил писатель-классик. В переживаемом ныне процессе общественного воскресения самым сложным и мучительным остается поиск формулы, каким же лекарством лечить больную экономику, плодоносящую совсем не так, как то обещают министерства и ведомства, обладающую устойчивым иммунитетом против новых технологий и новых научных идей.

Многое, как видим, меняется на производстве в последние годы, а чуда не происходит. Мало того, что неудовлетворенный спрос на товары и услуги превышает сегодня сумму в 60 миллиардов рублей. Экономика голоса «вещевой революции» будто вовсе не слышит. За минувшие три года наша промышленность освоила из новых товаров только персональные компьютеры и видеомагнитофоны. Последних в 1988 году было выпущено всего 72 тысячи штук, хотя на мировом рынке их уже миллионы.

Чудеса в экономике, где действуют объективные законы, конечно, бывают, но проистекают они отнюдь не по причине чьих-то благих намерений... Несмотря на очевидные успехи перестройки, экономическая жизнь страны продолжает развиваться в схеме старой отраслевой структуры, давно доказавшей свою сомнительную эффективность. Хозрасчет получил права гражданства от «Москвы до самых до окраин», но при этом остаются диктат производителя, монополизм торговли, рынка же товаров народного потребления как не было, так не существует и по сей день.

Как вскочить в седло современной «вещевой революции»?!

«Рынок». «Рыночный социализм». «Многоукладная динамичная экономика с сосуществованием внутри нее различных форм социалистической собственности...» «В условиях рынка и конкуренции и появятся у нас любые товары не хуже, чем за рубежом»,— считают некоторые ученые и экономисты. Стало быть, за ренессансом и новыми поворотами экономической мысли и находится наш новый «вещевой мир»?

Тональности мысли, аргументирующей преимущества рыночной модели народного хозяйства, внимают многие люди, даже не имеющие специальной экономической и философской подготовки. Беспокоятся. Не занесет ли нас в какую-нибудь очередную крайность? После «двойной модели» не пустит ли в обществв корни какая-нибудь новая «волчья» мораль? Не всякие заемные ценности пригодны для страны, выстрадавшей революцию, войны, голод, дефицит. Мы за «вещевую свободу», но не любой ценой. В Западной Европе заметна американизация культуры, духовной и бытовой. Революционизируя свой быт, мы хотели бы и должны сохранить в «вещевом потоке» свой «домашний» и многонациональный стиль и дух. Чтобы достаточно одного взгляда: это сделано в Грузии, это — в Прибалтике, это — в России. И тут, как всегда, лучше довериться пословице: семь раз примерь...

Проректор Института народного хозяйства имени Плеханова доктор экономических наук, профессор В. П. Федоров выдвинул идею эксперимента с элементами рыночной экономики. Время опробовать новый хозяйственный механизм самофинансирования и самоокупаемости в условиях полной самостоятельности территории. Допустим, это Сахалин. Здесь полностью отменяется воля министерств и ведомств, вся власть, в том числе экономическая, переходит в руки местных Советов. Создаются акционерные общества и фондовые биржи. Распрямляют плечи коллективный подряд, фермерство, арендные отношения. Внутри региона проводится реформа цен, обеспечивается конвертируемость рубля. Ну, и свободная торговля с соседними государствами, с ними налаживаются экономические связи, а граждане свободно выезжают за границу. Вот и посмотрим, что появится на прилавках магазинов...

— И конкуренция? — спрашиваю профессора.— Всерьез?

— Как на ринге,— уверен Валентин Петрович.— В экономической борьбе один из двух конкурентов должен обязательно одолеть другого. Послать в нокаут или выиграть по очкам.

Значит, территориальный эксперимент? А почему бы нет?!

Маягозель АИМЕДОВА,
народная артистка СССР,
председатель правления
Союза театральных деятелей
Туркменской ССР

НАШИ КОРНИ, ПЕЧАЛИ, НАДЕЖДЫ

У женщин, на мой взгляд, особое чутье на нравственные начала. Так было во все времена. В памяти мы храним имена славных женщин революции. Первые активистки — туркменки Эне Кулиева, Шасолтан Караджаева — бросили в огонь яшмаки (платки молчания), Аннаджемал Хыдыр-Киза была растерзана врагами на глазах ее малолетних детей за то, что призывала подруг жить по-новому... Моя мать в двадцатые годы бросила вызов стародавним суевериям и отправилась учиться на текстильщицу в Реутово. А Биби Ахмедова в 1927 году выткала ковровый портрет Ильича со словами «Долой калым!».

Фото [illegible] КОЗЫРЕВА

Она дважды пыталась сжечь себя. Ей девятнадцать лет.

Цена невесты.

Радость или обуза?

Где же мужчины?

Здесь начинаются ашхабадские свадьбы.

Сегодня советскую женщину я бы назвала хранительницей не только домашнего очага, но и духовного огня перестройки. Но все ли делаем мы, чтобы она действительно почувствовала себя активным борцом перестройки? Не глушим ли порой ее творческий порыв и созидательную энергию чиновничьим равнодушием, невниманием к ее повседневным бытовым заботам и душевному миру?

Ритм жизни таков, что мы все больше переходим на «дистанционное управление»: воспитываем своих детей по телефону, даем наказы через бабушек, если, конечно, они есть.

Убеждена: если женщина выполняет утомительную, а то и вредную для здоровья работу, если она вынуждена отдавать ребенка на пятидневку в детский сад, а в школе — на продленку, то это не ее личные проблемы, это проблемы общественные, социальные. Почему же не продуманы, к примеру, услуги специально для многодетных семей, ведь таких у нас в Туркменистане свыше 30 процентов?

Как известно, постановлением Госкомтруда СССР и ВЦСПС еще в апреле 1980 года установлены льготы, позволяющие женщинам работать неполный рабочий день. Известно-то известно, но... Не так давно мне привелось прочесть о швее одного из ашхабадских ателье Курбангуль Курбановой — матери четверых детей. Целую «войну» с администрацией выдержала женщина, прежде чем ей позволили работать неполный рабочий день. Работать так, как разрешается советским законодательством. История с Курбангуль — вовсе не исключение.

У нас есть огромная, если вдуматься, сила — женсоветы. Сегодня они должны и могут взять на себя ношу значительно весомей, чем вчера. Надо помочь каждой женщине найти свое место в деле обновления общества. В нашей республике, например, еще не покончено с феодально-байским отношением к женщине. Живуча оказалась канувшая в прошлое поговорка: «Коня можно подарить, а дочь — только продать». Бывает, назовут свадьбу комсомольской, а идет она по стародавнему обряду, с калымом.

В моей актерской почте нередко бывают горькие письма-исповеди женщин, особенно из сельской глубинки. Не найдя участия на местах, пишут землячки о бытовых и жилищных проблемах, об отсутствии квалифицированной медицинской помощи — одной из причин высокой детской смертности, о том, каким тяжелым бременем ложится на женские плечи хлопковая страда. И как протест — нередки сегодня женские самосожжения.

...Судьба мне подарила счастливую встречу с удивительной женщиной — директором Небит-Дагского детского дома Валентиной Викторовной Былинкиной. О каждом из воспитанников она заботится, как о родном ребенке. И многие годы спустя буквально со всей страны пишут ей письма, приезжают навестить, а некоторые, окончив институты, пришли сюда работать. Но ведь есть и другой аспект проблемы. Среди 130 воспитанников, например, Теджентского детского дома только 18 — сироты. У остальных есть матери, лишенные родительских прав, страдающие алкоголизмом или ведущие аморальный образ жизни. Так вот, за этих женщин, утративших все женское, убивших в себе мать, нужно нам бороться всем миром.

Когда на XXVII съезде партии я слушала выступление учительницы из Узбекистана Якубовой, у меня сердце кровью обливалось. Многое из того, о чем она говорила, печально знакомо мне. И я с болью гляжу на наши туркменские школы, годами не ремонтирующиеся, с переполненными классами. Чем это объяснить? Экономия средств капиталовложений? Но экономить на детях безнравственно, ибо экономия эта может обернуться такими убытками, что никакими дотациями не покроешь.

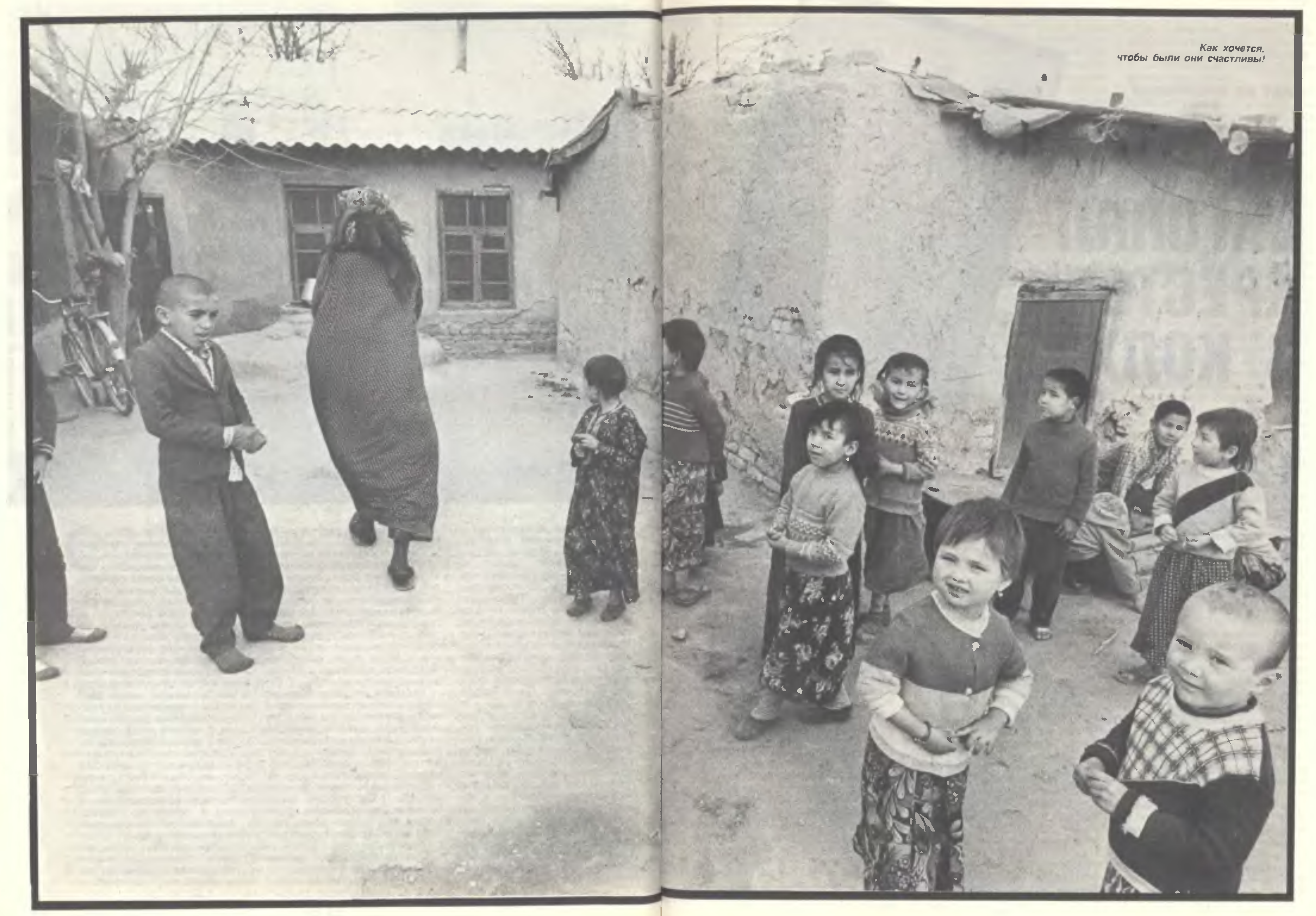
Скоро установят во всех школах компьютеры. Как требует того время, будут обучать детей кибернетике и информатике. Прекрасно! Но не увлечься бы снова количественным охватом учеников дисплеями, когда тревогу вызывает уровень «оснащенности» наших детей знаниями. Детям нужен качественный скачок в будущее. Об этом должны думать и мы.

Мы порой ханжески бережем наших детей от суровой реальности жизни — этого пока не стоит знать, этого не надо им видеть... А потом удивляемся — инфантильная молодежь у нас! А кто в этом виноват? Мы, снимающие беззаботное детство в просторных особняках декораций. Мы, развлекающие детей погонями, перестрелками, убийствами. Мы, изображающие любовь, семейную жизнь как рай в шалаше...

Сегодня приходится признавать, что в какой-то мере мы пожинаем плоды нашей робости, неумелости в пропаганде этики и психологии семейной жизни. Нельзя нам больше рассуждать: «Чужая семья — потемки». Человеческое, особенно женское, достоинство, мудрость, деликатность надо воспитывать с юных лет.

Что конкретно делаем мы для духовного развития молодого человека, для формирования его нравственных критериев? Это проблема из проблем. Оказывается, сегодня у нас в стране театров меньше, чем их было до войны... Невероятно! Вдумайтесь, ведь за этим фактом стоит целая концепция, отодвигающая заботу о духовном мире человека на второй план. Эта «концепция» получила решительное осуждение на XXVII съезде КПСС. Задача поставлена, но нашли ли мы качественно новый подход к проявлению заботы о нравственном совершенстве человека, о его душе?

Справедливость, совесть... Главные, стержневые, по-моему, понятия перестройки. На нее наша надежда!

Как хочется,
чтобы были они счастливы!

ФАКТ ИЗ БИОГРАФИИ

КАК Я ЗАГОНЯЛ КРЕСТЬЯН В КОЛХОЗ

Весной 1927 года я окончил семилетку в городе Мологе. Осенью того же года в селе Борисоглебе Брейтовского района Ивановской области открывался зооветтехникум. Я стал студентом его первого приема. Техникум помещался в прекрасном, классических форм дворце — бывшей усадьбе графа Мусина-Пушкина. Я был счастлив, полон сил, бодрого и жизнерадостного мироощущения.

И вдруг... Это случилось в феврале 1928 года. В техникум пришло официальное письмо из Вольского сельсовета. В нем сообщалось, что раскулаченный крестьянин деревни Вороны Фролов Леонтий Ефимович (мой отец!), предупрежденный врагами народа, подкулачниками, скрылся от ареста и находится в бегах. Его дом, лошадь, корова, телка, мелкий скот и все прочее зачислены на гарантийную опись для передачи организуемому в деревне Вороне колхозу.

Далее письмо напоминало, что по существующему положению сын раскулаченного должен оформить через газетное объявление отказ от своего отца, а в противном случае учащийся техникума Фролов Михаил подлежит исключению из комсомола и техникума... Письмо скреплено угловым штампом, гербовой печатью и подписями.

Не буду вспоминать моего тогдашнего настроения. Скажу лишь, что, выслушав предложенный мне на комсомольском собрании ультиматум, я не сумел произнести ни единого слова в защиту отца, который никогда не пользовался чужим трудом, был человеком морально чистым, уважаемым в деревне. Не сумел — что-то мешало мне в горле. Подойдя к президиуму, я молча положил на красную скатерть комсомольский билет и, сгорая от стыда, спотыкаясь, выбрался из зала. Я понимал, что товарищи сочувствуют, но выступить в мою защиту не могут. Потом, в одиночку, они мне высказали свое сочувствие. А секретарь ячейки Ваня Варлаков положил руку на плечо и сказал с глубоко тронувшей меня искренностью: «Я очень сочувствую тебе, Мишка... Но сам пойми нас и не держи обиду: нам по-другому нельзя. Когда-нибудь все у тебя перемелется, поверь».

А тогда мои друзья, опуская головы, отворачивая глаза в сторону, единогласно проголосовали за мое исключение. Ведь официальное письмо предрешило вопрос.

Однако из техникума я почему-то не был исключен. Ведь исключили же в те горячие дни по таким же письмам из инстанций наших безукоризненных отличников — сыновей священников Тюльпанова и Филоменицкого. Слышал, будто бы взял меня на свою личную ответственность сам директор техникума Николай Васильевич Горлов — коммунист, бывший комиссар гражданской войны. Во всяком случае, в техникуме я остался, но в год крутой коллективизации с реквизицией скота, с арестами и ссылками оказался помеченным клеймом «кулацкого сына». Ребята отмечали, что я сильно изменился. Как же, неполноценный гражданин, которому уже никогда и нигде полного доверия не будет! Ежедневно думал об отце, сбежавшем вовремя, о матери и сестрах... Где они, что с ними?

Шел 1930 год. В конце февраля дирекция техникума начала отправлять студентов в колхозы Рыбинского округа для прохождения практики. Так я оказался с 1 марта по 15 мая в колхозе села Никольского.

Однажды теплым весенним вечером в чистую половину крестьянской избы, отведенной мне для постоя, вошел человек выше среднего роста, лет 40—45 на вид, с военной выправкой, в кожаном пальто и такой же фуражке. Он крепко пожал руку, представился уполномоченным Угличского райкома ВКП(б), участником гражданской войны, по профессии — учитель. Держался с уверенностью, с превосходством старшего над младшим и этим немало смущал. Он сказал, что по согласованию с райкомом и руководством колхоза я поступаю в его распоряжение на время коллективизации крестьян ближайших деревень. И до позднего вечера этот уполномоченный давал мне наставления, разъясняя наивному юнцу предстоящую завтра работу. Говорил он примерно так.

Повсеместно, как правило, мужики-середняки чураются колхоза, не хотят идти в него. Дело-то ведь для них новое, а психология мужика — дремучая, частнособственническая. И хотя он частенько мается впроголодь, но лишиться чувства хозяина на своей делянке не хочет. А вот, мол, у мужика-бедняка энтузиазм к жизни коллективной вполне может оказаться. Но и то не у каждого, хотя ему, кажется, терять нечего.

Колхозу нужны главным образом именно середняки, люди с орудиями производства, с лошадью, коровой и другой живностью, люди работящие и ответственные. Но они упираются, не идут. Москва же телефонными приказами требует ускорить коллективизацию, и никаких гвоздей! Конечно, райком, в свою очередь, того же требует от нас, уполномоченных - пятидесятитысячников,— ускорить, и все тут.

Ты, Михаил, конечно, понимаешь, насколько трудно будет переломить завтра сопротивление мужиков. И тем не менее мы обязаны это сделать любой ценой. Действовать будем так.

В клуб явимся за полчаса до собрания, приготовимся. Во время собрания на сцене будем только ты да я: ты — за председателя вроде бы, но ни единого слова тебе говорить не придется. Ведь опыта у тебя в нашем деле нет, и по молодости как бы чего ты не напутал.

Стул для меня поставим по торцу стола, налево от тебя, но сидеть мне не придется, буду говорить с залом. Перед тобой заранее положу мой наган и прикрою его командирской сумкой так, что его из зала не увидят. Я собрание открою и начну просвещать мужиков с общеполитического обзора, потом перейду к успехам коллективизации по стране. Затем выступят сельсоветчик и члены правления колхоза Никольского.

Собрание такое у меня не первое, и потому скажу тебе, как оно пойдет у нас дальше: середняки отказываются. Они нас — бурными эмоциями, мы их — фактами отличной работы местного колхоза. Они снова за эмоции, а мы их — опять фактами. И пойдет баталия. Вот тут-то ты, Михаил, и вступишь в игру-молчанку. Слушай внимательно. Все время ты будешь внимательно боковым зрением следить за мной. Как только крикуны перекроют глотками мою речь, я поверну голову вправо, вроде бы разглядывая правую сторону зала, то есть окажусь к тебе в профиль. Это и будет сигналом, по которому ты спокойно и медленно отодвинь мою военную сумку с нагана и, не глядя в зал, так же неторопливо и сосредоточенно, как в забытьи, начинаешь правой рукой потихонечку играть с наганом, как с карандашом. Глядя только на него, ставь его поочередно с рукояти на ствол и опять на рукоять. Орущие бестолковые, конечно, ничего не заметят, и гвалт будет нарастать. Но сидящие молчальники, подобные тебе, вскоре засекут твое баловство, и сосед начнет подталкивать соседа локтем. И вот уже весь зал сосредоточится взорами на тебе. Все разом смолкнут, и будет слышно, как над залом пролетает ангел согласия.

Тут я вновь заговорю увещевательно. Они снова загалдят. Я покажу опять тебе мой профиль... Ты снова за игру. И такое повторяться может многократно. Вот так, измором и «наглядным пособием», должны мы своего добиться. И добьемся. Не впервой. Москва считает путь коллективизации трудным, но предупреждает, что долгим быть он не может.

Все произошло точно так, как предвидел мой наставник. Струсил я, не посмел выразить свое естественное сочувствие крестьянам. Ни они, ни я не смогли преодолеть страх...

— Вот и вся игра! — подмигнув мне, довольно сказал наставник, и мы отправились к себе на ужин. Но «игра» имела удручающее продолжение. Ранним утром, еще до завтрака, к нам прибыл посыльный из сельсовета и сообщил, что уполномоченного вызывает к телефону Углич.

Вернулся мой наставник чем-то взволнованный. Сказал, что должен срочно выехать в райком, и, не завтракая, оставил меня. Прошли сутки. И вот утром под мое окно с гомоном пришли сильно возбужденные бабы. Первая размахивала газетой.

— Прочитай-ка нам, батюшка, мы-то неграмотные, а люди сказывают, будто бы в газетке этой пишут так, что выходит, зря нас силком загоняли в колхоз! Скажи, голубчик, как и что нам теперича делать?..

Услышал я это, и по спине пробежали мурашки. Скажут: кулацкий сын мстит за отца... Читаю в скромного размера угличской газетке десяток коротеньких строк столбцом: в селе Никольском уполномоченный такой-то, проводя собрание с крестьянами, вынуждал их записываться в колхоз, угрожая наганом, что противоречит принципу добровольности, и далее в том же роде. У меня захватило дух, ведь наганом-то играл я... Но пронесло мимо — не упомянули.

Закончив чтение, не глядя бабам в глаза, я посоветовал им за разъяснением обратиться в сельсовет. Шумно обсуждая услышанное, они устремились туда. Я протомился в неведении целый день, ежеминутно ожидая уполномоченного. К вечеру наставник явился. Не берусь описывать, как он в ярости ходил из угла в угол, задевая сапогами цветочные кадки с фикусами и геранью, какими непечатными словами сопровождал свои речи в адрес тех, кто недавно еще толкал его на «игру с наганом», а теперь обвинял его в этом, как возмущался он статьей Сталина «Головокружение от успехов»... «Перекладывать свою вину на других?! Я им все высказал, хамелеонам...» Он забрал свою командирскую сумку и быстро стал прощаться. Дальнейшая судьба его мне неизвестна, как и крестьян, разбежавшихся из почти организованного колхоза. С окончанием практики я вернулся в Борисоглеб, которому еще до войны суждено было, подобно сказочному граду Китежу, опуститься на дно морское, в Рыбинское водохранилище.

В том же 1930 году односельчане из Вороны мне написали, что с моего отца снято обвинение в принадлежности к кулакам и он может получить об этом справку. Но отец уже перебрался в Ленинград, наладил жизнь на новом месте и не решился снова появиться в родной деревне, опасаясь еще какого-нибудь подвоха...

М. ФРОЛОВ

Ленинград

ЧТО НОВОГО? ЧТО СТАРОГО?

Три научно-исследовательских института страны определены научными консультантами по вопросам застройки районов Армении, которые были разрушены землетрясением. В их числе — Ташкентский зональный НИИ типового и экспериментального проектирования, которому поручено подготовить проекты и документацию на 600 тысяч квадратных метров жилья. Разработки генерального проектанта школ, жилых зданий, детских садов, гостиниц в сейсмоопасных районах обеспечивают защиту от землетрясений силой более 9 баллов. Готовые дома не раз были испытаны на прочность самой стихией: в Ташкенте, Газли, Исфаре, Кайраккуме выдержали они сильнейшие подземные удары. Информацию об этом дала узбекская республиканская «Правда Востока».

В профессионально-техническом училище с пониманием отнеслись к новому мастеру: «афганца» Алексея Куркова поставили в льготную очередь на квартиру, с уважением слушали его рассказы о военных подвигах — у человека вся грудь в орденах. А что груб, порой «не сдерживается», так это прощали: нервы сдают, чего уж там. Но, видимо, крепко допек свою группу Курков — о выходках мастера стало известно за пределами ПТУ, в райкоме комсомола. Вот тогда и выяснилась правда: никогда Алексей в Афганистане не служил, наград и ранений не имел. Пять лет обманывал людей. А ведь даже при самой поверхностной проверке военного билета Куркова многие записи и печати вызывают сомнение. Почему же не возникли они у работников райвоенкомата? Элементарная безответственность — резюмирует автор публикации в «Комсомольце Кузбасса».

С интересными фактами нашей революционной истории знакомит «Правда Бурятии». Горно-Зерентуйская тюрьма в Бурятии была спешно построена в 1907 году, чтобы принять большой поток политкаторжан. Невероятно, но в те времена здесь заключенными революционерами был организован так называемый «тюремный университет». Политические ссыльные смогли отстоять здесь свои права: учебная работа велась во всех камерах, проходился общеобразовательный курс, изучались психология, политэкономия, иностранные языки, труды Маркса. В тюремном коллективе устраивались диспуты, выпускались рукописный журнал «Наше» и сатирические издания «Овод» и «Наше и Ваше», где помещались статьи, рассказы, стихи. Многие политкаторжане были выпущены в так называемую «вольную команду», жили вблизи тюрьмы в бараках и землянках. Ссыльнопоселенец Ромуальд Иосифович Малецкий сумел открыть в Горном Зерентуе школу. В простой деревенской избе умудрялись вести занятия одновременно трое учителей. За четыре года Зерентуйскую школу окончили более двухсот детей. Многие из ее питомцев блестяще сдавали экзамены на звание народных учителей.

В высокогорной Грузии расположено древнее село — крепость Шатили. По ущелью извивается единственная узкая дорога, связывающая Шатили с внешним миром. В старину, когда хевсурам что-либо угрожало со стороны иноземных захватчиков, они всегда были готовы к решительному отпору. Расположенные по краям обрыва дома-крепости возведены впритык друг к другу, создают единую оборонительную стену. Запоминающийся силуэт строгого замкнутого комплекса создают высокие монументальные жилые башни. Над узкими улочками-проходами сохранились остатки деревянных воздушных переходов: не выходя на улицу, жители Шатили могли пройти из конца в конец всю деревню. В течение ряда лет ведутся работы по восстановлению и благоустройству этого высокогорного села, построенного некогда на скалистых отрогах Кавказского хребта. Сейчас реставрационные работы подходят к концу, а в выложенных из черного сланца четырех хевсурских башнях расположились гостиничные номера. Рассказала об этом грузинская республиканская «Заря Востока».

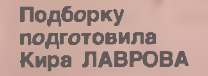
Новая политика требует новых людей. Семьдесят один процент партгрупоргов и шестьдесят процентов секретарей цеховых парторганизаций Череповца избраны путем альтернативных выборов.

Сейчас в людях исчезает равнодушие, партийные собрания нередко затягивались до глубокой ночи или даже переносились на другой день. Во время голосований шли настоящие бои за лидеров. Какие качества котировались в первую очередь? Человеческие. Потом уже деловые. Напрочь отвергается чванство, показушность, надменность. Такие свои наблюдения высказал в беседе с корреспондентом «Красного Севера» заведующий орготделом Череповецкого горкома партии Ю. Малков.

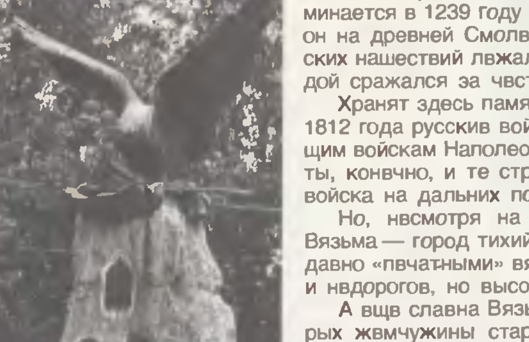
«Думай глобально, действуй локально» — таков девиз зеленого движения в Эстонии, которое активно способствует защите природы. Участники движения выявляют конкретные объекты загрязнения среды в регионе, в районе, в поселке, во дворе дома и берут их под контроль общественности. Группы и дружины защитников природы создаются на предприятиях, при домоуправлениях, в школах. На сессии международной организации «Друзья земли» в Кракове эстонское зеленое движение было принято в члены этой ассоциации. «Зеленые» ЭССР — первое формирование подобного типа в нашей стране, ставшее полноправным членом международного сообщества защитников природы, сообщает «Молодежь Эстонии».

Фото Александра ФИЛАТОВА

Подборку подготовила Кира ЛАВРОВА

Если верить летописцам, то впервые город Вязьма упоминается в 1239 году и, значит, как минимум 750 лет стоит он на древней Смоленской земле. На пути многих вражеских нашествий лежал этот городок и всегда верой и правдой сражался за честь и независимость нашей Родины.

Хранят здесь память о том, как в Отечественную войну 1812 года русские войска нанесли сильный удар отступающим войскам Наполеона в сражении под Вязьмой. Не забыты, конечно, и те страшные бои, которые вели советские войска на дальних подступах к Москве в 1941 году...

Но, несмотря на столь грозную историю, вообще-то Вязьма — город тихий и миролюбивый и славится давным-давно «печатными» вяземскими пряниками. Лакомство хоть и недорогое, но высоко ценимое детворой.

А еще славна Вязьма старинными храмами, среди которых жемчужины старинного зодчества — церковь Одигитрии Смоленской и Троицкий собор XVI века.

«Из 41 родильного стационара в области только 22 — типовые здания. Остальные — приспособленные под роддома и родильные помещения. Смертность матерей в подобных «медицинских учреждениях» по области — 3,7 на 10 тысяч населения. Уровень гнойно-септических заболеваний в роддомах области в 1988 году повысился по сравнению с предыдущим среди новорожденных на 10 процентов, среди рожениц — на 11 процентов» — такую вот «сухую» справку опубликовал волгоградский «Молодой ленинец», предварив ею статью под не менее красноречивым заглавием: «Роддом: мест нет!»

Сотрудники лаборатории социологических исследований Белорусского госуниверситета завершили работу, которая называется «Свободное время молодежи». Опрошено две тысячи человек — учащихся ПТУ, школ, техникумов, студентов вузов Минска. Многие из полученных данных вызывают тревогу. Например, пять процентов опрошенных не смогли назвать ни одной любимой книги, ни одного кинофильма. 45 процентов хотя и называют пять или больше книг, кинофильмов, но обращение к ним носит чисто потребительский характер. Что существенно: 17-летние читают книги, которые «под силу» гораздо более раннему возрасту («Три мушкетера», «Тайна двух океанов»). В числе «приоритетных ценностей» у трети опрошенных — карьера, деньги, рок-музыка, секс, фирменные вещи. Данные исследования, которое провели белорусские социологи, приводит минская газета «Знамя юности» в материале с характерным заголовком «И это все о нас».

Дорогу машине рыбинспекции, в которой находился известный браконьер по кличке «Боб», внезапно перекрыла «Волга». Вывалившиеся из нее пьяные ухари выломали дверь «уазика», решив освободить задержанного. Случай этот обошелся без трагических последствий только потому, что в составе группы рыбинспекторов был милиционер из специализированного подразделения ведомственной милиции по охране рыбных запасов.

Подобный отряд милиции был создан десять лет назад по инициативе «Камчатрыбпрома». Его трудами только в 1988 году к ответственности было привлечено 4277 нарушителей. Работа людей, которые занимаются охраной рыбных запасов, далека от романтики. Рыбинспекторам и работникам милиции приходится проходить не один десяток километров, часами сидеть под дождем в засадах. Работа начинается с апреля — с охраны молоди лосося — и заканчивается в январе — феврале, когда рыба отнерестится.

И вот новость: «Камчатрыбпром» отказался финансировать спецподразделение. Причина? В условиях хозрасчета полмиллиона в год на содержание отряда — это дорого, решили в объединении. Вопрос по спецподразделению закрыт, а водоемы для браконьеров открыты — такой вывод делает автор статьи в «Камчатской правде».

Во время уборки винограда на полях винсовхозкомбината «Ала-Тоо» работали студенты. Условия их труда и быта не отвечали элементарным требованиям порядка и санитарии, о чем и было рассказано в газете «Советская Киргизия». В ответ руководство комбината направило редакции весьма своеобразный ответ с отповедью автору статьи: «Если Вы истинный патриот и болеете за то, что где-то делается как не положено, на другой день выбери время и прими меры по устранению выявленных недостатков». Завершался ответ такой «остросовременной» сентенцией: «Перестройке нужна не писанина, а активные разумные действия каждого из нас» («Советская Киргизия»)

ТОЧКА ЗРЕНИЯ

ПРИМИТЕ УВЕРЕНИЯ

Василий СЕЛЮНИН, экономист

Интеллигенция с первых шагов поддержала перестройку и по сей день является, на мой взгляд, надежной социальной базой реформации общества. Это и понятно.

ХОТЯ ВСЕ ЧУВСТВОВАЛИ, ЧТО ТАК ЖИТЬ ДАЛЬШЕ НЕЛЬЗЯ, ИМЕННО ИНТЕЛЛИГЕНЦИЯ, БУДУЧИ МОЗГОМ НАЦИИ, ГЛУБЖЕ ДРУГИХ ОСОЗНАЛА КАТЕГОРИЧЕСКИЙ ИМПЕРАТИВ ВРЕМЕНИ И СРАЗУ ЖЕ ВКЛЮЧИЛАСЬ В ПОИСКИ ВЫХОДА ИЗ КРИЗИСНОЙ СИТУАЦИИ.

Очень скоро, однако, выяснилось, что смысл перемен мы понимаем по-разному. Тем, кто процветал в застойный период, показались чрезмерными и опасными уже первые, довольно робкие попытки сказать правду о положении в стране. Эти люди просто привыкли к тому, что они и только они призваны дозировать, сколько правды о нашей истории целесообразно сказать народу, определять, в каком темпе, в какой последовательности вести реформы и что это за реформы. Однако впервые события развивались не по их сценарию, и по логике вещей эти деятели встали в оппозицию самой перестройке — по их мнению, она зашла слишком далеко.

Нас все время призывают к единству, к совместной интеллектуальной работе, а не так, чтобы «стенка на стенку». Но вот один интеллигент говорит: «Если вытащить из нас все то, что связано с перестройкой, останется одна оболочка», другой перестройку уподобляет самолету, который взлететь-то взлетел, а где сядет, никому не известно. Как они поладят? Допустим, первый из них готов в приказном порядке обнять второго, да где его сыскать, когда тот давно катапультировался из самолета (и по-своему прав — не разбиваться же за компанию)? А найдет — на какой почве возможно примирение? По-моему, на единственной: «Да чтобы мы, интеллигентные люди, сцепились из-за какой-то перестройки? Пропади она пропадом». После чего соратники троекратно лобызаются и идут пить пиво в ближайший гадючник. Ибо куда еще можно идти после объединения на столь широкой платформе? Не на митинг же — там они опять поссорятся.

Я так думаю, что единогласия по коренным вопросам бытия больше уже никогда не будет. Хорошо это или дурно, вопрос другой. По моему разумению, неплохо: кладбищенское единомыслие и застой, в сущности, одно и то же. Если нам предстоят перемены действительно революционного свойства, то случившееся размежевание сторонников и противников перестройки не будет последним. Так происходило во всех революциях: одни удовлетворены переменами, другие хотят идти дальше. Предвижу, что и сегодняшние единомышленники могут разойтись не в мелочах.

Собственно, второе размежевание сил уже началось. Как единодушны, ах, как единодушны были сторонники основательных реформ еще пять лет назад! Мы узнавали «своих» по первой фразе в спорах, по намеку в публикациях. Но вот намекать больше не надо — пиши, что думаешь, в чем убежден, предлагай свою программу действий. Тут-то и выяснилось, что согласие промеж нас иллюзорно. Мыслитель, по книгам которого я учился думать, теперь на полном серьезе уверяет, будто дремучий корифей всех наук был и не марксистом вовсе, а поклонником не то Дюринга, не то Родбертуса, не то обоих вместе. Цель понимаю: нисколько не красиво, когда один марксист законопачивает на Колыму других — тень падает вроде бы на само священное писание. Только как насчет фактов? Читал ли Сталин приписываемых ему наставников? Немецким он, как известно, не владел, а по-русски они не издавались.

Или вот появилась целая плеяда блестящих, университетски образованных публицистов, которые убедительно объясняют конкретные причины наших исторических неудач. Сперва обстановка не позволяла достичь прокламированных целей, потом социальный состав партии был не тот, следом вредил культ, волюнтаризм, мафия... В общем-то нетрудно найти обстоятельства, препятствующие танцору показать свое искусство. А все-таки существует, быть может, более общая причина, породившая все частные препоны? Что, если ошибка в чертежах? Но едва вы поставите эти простые вопросы, как означенные публицисты запротестуют: э, нет, так нельзя, вы преступили границы дозволенного плюрализма мнений.

Сказать честно, я побаиваюсь неолибералов больше, нежели отпетых консерваторов. С *теми* все ясно — они духовно импотентны, для них будущее есть пролонгация прошлого. *Эти* подкупают нас критикой былых трагических ошибок, зовут к очищению и как бы намекают: столько лет страну мяли, топтали, насиловали, толкали в рай, но ее как-то не так толкали, мы вам покажем, как это надо делать по-новому, по-человечески.

Возможны ведь и альтернативы этим идеям. Так давайте спорить на равных, а не так, что ответ на жгучие вопросы жизни заранее известен. Не сойдемся — вправе размежеваться. Я лично не присягал единству любой ценой.

Что же касается культуры дискуссий, демонстративного уважения к оппоненту, то это такая подробность, которая вряд ли заслуживает чрезвычайного внимания общества и властей. Скажите, какая чувствительность! Давно ли дюжие дантисты в качестве первого и последнего аргумента в дискуссиях с разворотом хлестали по зубам? Впрочем, не скрою: много приятнее, когда оппонент не обзывает тебя гусаком, а завершает идейный спор классическим «Примите, милостивый государь, уверения в моем совершеннейшем к вам почтении». Что ж, давайте так, я не против.

Философ милостью божьей, Николай Николаевич Трубников практически не знаком широкому читателю, да и специалисты знают его гораздо меньше, чем следовало бы. Его зрелые, собственно «трубниковские» работы, по сути дела, не печатались при жизни (удалось издать лишь две-три статьи). Причины? Конечно, она — «застойность». Безликая, но не безличная. Представленная вполне конкретными людьми из числа чиновников от науки. Да, именно они, не терпевшие ничего мало-мальски неординарного, сыграли в его судьбе зловещую роль.

СЛОВО О НИКОЛАЕ ТРУБНИКОВЕ (1929—1983)

Черновики из будущего

Фото Нелли МУДРАГЕЙ

Апоначалу карьера Николая Николаевича складывалась вполне благополучно. Философский факультет МГУ, аспирантура, защита кандидатской диссертации, дружный коллектив, занятый проблемами теории познания и методологии науки. Подобно другим, он ходил на службу, брал обязательства сделать в течение предстоящего года то или иное философское открытие (и сделать не как-нибудь, а на столько-то процентов в первом квартале, на столько-то во втором), выполнял эти обязательства в срок и на должном уровне, «выдавал» плановые труды, публиковался и т. д. и т. п.

Но вот в конце 1970 года Трубников представляет на суд коллег доклад «Философия и методология науки». Странный, очень странный доклад... Начать с того, что еще вчера его автор наравне со всеми писал и печатал статьи по теории познания, сегодня же заявляет, будто она (и тем паче методология науки) вообще не составляет специфического предмета философии, а выступает лишь как средство решения фундаментальных философских проблем, к числу которых в первую очередь относит проблемы смерти и смысла жизни.

Ответом ему была критика, весьма резкая и по форме и по содержанию. Что же касается самих «фундаментальных проблем», то коллеги как бы и не заметили их. В публичном докладе говорить о смерти и смысле жизни — это по меньшей мере неприлично. Во-первых, для людей, созидающих коммунистическое общество, не может быть проблемы смысла жизни, он очевиден, он — в этом созидании. Во-вторых, над этими проблемами бились многие, не нам чета, однако так ничего и не разрешили; отсюда вывод: это псевдопроблемы, им не место в серьезной философии. Ведь общеизвестно, что и классики марксизма не занимались вопросами смысла жизни и тем более смерти... Почему-то ни у кого не возникало мысли, что классики жили и работали во вполне определенных условиях, они отнюдь не собирались давать окончательные ответы на все возможные или хотя бы важнейшие вопросы, не говоря уж о том, что и знать не знали, что будут классиками, и все, сказанное ими, для кого-то станет каноном, от которого отклониться — ни-ни...

И все же как мог он так внезапно и радикально измениться, изменить себе? Теперь, разбирая его архив, мы совершенно точно знаем, что на самом деле никакой измены и не было. Напротив, была удивительная, хотя и не видная постороннему взору верность себе. Проблемы смерти и смысла жизни глубоко затронули его еще в отрочестве и навсегда завладели им. Но тогда почему же, став профессиональным философом, он не занялся ими сразу? Причины просты. Прежде всего Трубников, как начинающий научный сотрудник, зачастую вынужден был писать сочинения на заданную тему. Но главное, конечно, в другом: до поры до времени ему просто еще нечего было сказать читателю. Ведь эти важнейшие проблемы — одновременно и сложнейшие, при самом могучем уме они требуют большой, кропотливой работы и, разумеется, времени. Кроме того, мало было найти что-то новое в самих этих проблемах, реальная ситуация вынуждала найти еще нечто новое и в себе, а именно: мужество, чтобы выступить по этим «не санкционированным классиками» и потому «не существующим» для нас темам. Он нашел и то, и другое.

Пусть это звучит несколько высокопарно, но во второй половине 60-х годов он проходил свою самую главную и трудную программу — учился «по классу искренности и мужества». Класс вели многие замечательные профессора, знатоки предмета — от М. А. Булгакова до В. С. Высоцкого. Искренне и с полным знанием дела говорили они горькую, порой невыносимую, но такую необходимую, такую целебную правду.

У этих наставников он учился не только искренности и мужеству, но и умению ставить и решать философские проблемы средствами искусства (конечно, просто «научиться» этому невозможно, если нет художественных задатков, а они, к счастью, были). И не случайно начальные опыты подхода к своим заветным проблемам он предпринял именно в форме художественно-философских произведений. Самым первым из них было литературно-философское эссе «Притча о Белом Ките» — своеобразный диалог-размышление с близким по духу человеком Г. Мелвиллом о смерти, о недопустимости убийства, о смысле жизни и о многом другом. Эссе было написано через полгода после того «злосчастного» доклада и обнародовано в кругу друзей. Оно покорило, потрясло до глубины души... Потом были прекрасные рассказы «Золотое на лазоревом, или Новый убор для св. Варвары» (1972), «Скальпель и кисть ретушера» (1972—1973). Писались и сугубо философские работы — плановые и неплановые. Их объединяла не только эта фундаментальная смысложизненная проблематика, но и полное отсутствие какого-либо снобизма в отношении к мыслителям прошлого — к тем, якобы ничего не разрешившим. «Пепел их живой мысли стучался, стучится и стучит в моем сердце»,— писал он. По крупицам, бережно собирается весь их опыт — и положительный, и отрицательный,— уточняется, очищается, дополняется, сводится воедино, обосновывается. В итоге он получает свои, оригинальные постановки и решения этих древних проблем.

Очень стара и широко распространена (особенно в XX в.— благодаря экзистенциалистам) концепция: жизнь бессмысленна в силу существования смерти; будучи абсолютно бессмысленной, смерть перечеркивает, делает абсурдной любую жизнь, сколь бы осмысленной она ни казалась. Он же утверждает прямо противоположное: жизнь может и должна иметь смысл, и залогом этого является существование смерти: «Надо просто по-иному понять смерть». Не вообще смерть, не чью-то уже случившуюся, но свою собственную, будущую. Понять не как начало, противоположное жизни, а как ее полюс и предел, столь же естественный и необходимый, как и другой полюс и предел — рождение. Понять, что только осознание этой предельности позволяет нам постичь великую ценность жизни. Мелвилловский герой Измаил постигает это «на практике». Чудом избежав смерти, он начинает совершенно по-новому смотреть на мир, принимать всякое мгновение бытия как бесконечное благо. Не как нечто необходимое и естественное, по священному праву рождения принадлежащее, но как редчайший, ничем не обусловленный дар. Но не значит ли это, что узнать подлинную цену жизни человек может, лишь самолично заглянув в лицо смерти?

Ответ, даваемый не столько каким-то отдельным высказыванием, сколько сутью всех работ, вполне однозначен: нет. Человека можно и нужно учить пониманию смысла жизни и смерти. Ведь сами по себе люди не любят размышлять о смысле жизни, а тем более о смерти. И тем не менее, а, вернее, именно поэтому и надо преподавать людям эту самую трудную, но совершенно необходимую науку: «Не бойся умереть, прожив. Бойся умереть, не узнав жизни, не полюбив ее и не послужив ей». Такая наука способна избавлять от заживо упокаивающего страха смерти и заменять его противоположным и благородным страхом бессмысленной смерти, или, что то же, бессмысленной, зря потраченной жизни. Но и это не предел. Человек может преодолеть и этот страх, если он сумеет наполнить свою жизнь смыслом. Именно наполнить, ибо «сама по себе» жизнь не имеет никакого предзаданного (кем-то или чем-то) смысла, но имеет лишь тот, который мы ей сообщаем своими помыслами и делами.

Отсюда ясно, как нам преобразовывать общество: утверждением и развитием достоинства личности, ответственности каждого за выбор идеалов и их реализацию. Ибо общество «есть в самой полной и непосредственной мере продукт наших «я», что-то делающих, куда-то стремящихся или топчущихся на месте и бездействующих, проживающих труды отцов и дедов. <...> В этом смысле подлинный импульс и смысл, сама тайна социальности прячется в личной человеческой деятельности, в нас самих. Мы есть кауза прима и кауза финалис общественной жизни».

XX век добавил к этому внешне похожую, но по существу принципиально иную проблему — проблему жизни и смерти человечества. Не в последнюю очередь она обязана своим существованием тем глубоким рассогласованиям, которые возникли в мире духовной культуры, в частности между наукой и нравственностью. Истины, которыми по праву гордится наука, «могут быть даже очень плохими, потому что при их помощи может быть построена очень хорошая с узко-научной или узкотехнической точки зрения цепь суждений от $E = m \cdot c^2$ до взорванной в Хиросиме бомбы». Однако дело обстоит куда сложнее, оно также и в серьезных рассогласованиях в самой нравственности, этой святая святых разума. Кажется, есть отчего прийти в отчаяние: «Я спрашиваю: как можно жить и испытывать чувство довольства собой в этом мире? Я спрашиваю: есть ли у кого-нибудь еще одна соломинка? Пусть он покажет ее. Только пусть она будет настоящей, чтобы можно было за нее схватиться!» И все-таки остается надежда, что люди станут, должны будут стать «Спасителями мира, как сумели, вкусив от древа позабывшего о добре и зле познания, стать его Погубителями. Должны будут стать не только Всемогущими и Всеведущими, какими почти стали, но и Всемилостивейшими, и помилуют не только дельфинов, <...> но и других, друг друга, себя».

Необходимо специально подчеркнуть, что его философия была принципиально оптимистичной. Не той жизнерадостностью неведения (детской, но иногда сохраняющейся и у взрослых), которую нередко принимают за оптимизм, но той, прошедшей через познание всей меры и всех образов зла и тем не менее сохранившейся верой в добро, которая только и есть оптимизм.

Сам он стремился подтверждать свои теории собственной жизнью, и если между ними возникало расхождение, делал все, чтобы его ликвидировать. Так, придя к выводу, что убийство есть абсолютное зло, перешел на постную пищу — в строгом значении этого выражения, то есть «пищу не животного происхождения»...

В августе 1975 года Трубников сдал в институтские инстанции рукопись своей книги о времени человеческого бытия, с чего и начались ее — и его — долгие злоключения (сразу же замечу, что в свет она вышла ровно через 12 лет — в августе 1987 г.). Она то подолгу лежала в институте, то уходила в издательство и лежала там, потом возвращалась назад и т. д. На ее пути встала масса самых различных людей — от директора института до «черных» рецензентов. Всех их объединяло одно: стремление доказать, что трубниковская философская концепция противоречит науке. Нелепое стремление! Идея книги — идея качественного отличия времени человеческого бытия от времени бытия биологических, а тем более физических объектов — непосредственно и явно вытекала из эйнштейновских положений об относительности времени и его тесной связи с материей. Оппоненты же настаивали на универсальности и, стало быть, абсолютности физического времени. Тем самым его, стоявшего на позициях науки и философии XX века, судили именем науки и философии века XVII! Дефицит познаний и интеллекта они компенсировали властью и свободой от каких-либо нравственных норм.

Только самые близкие знали, чего это ему стоило. Для других он всегда оставался прежним: невозмутимым, молчаливым, никогда ни на что не жалующимся. Дух его выдержал все. Увы, тело оказалось не столь всесильным. Он продолжал работать над статьями и одновременно над двумя книгами (фрагменты одной из них — о смысле жизни и смерти — мы представляем ниже), а в 1982 году, уже будучи безнадежно больным и знающим это, написал давно задуманную повесть «Зефи, Светлое мое Божество, или После заседания (из записок покойного К.)», чем-то очень булгаковскую (может быть, панорамностью, подачей человеческой жизни во всей ее многослойности, от низшего «звериного» слоя до высшего «божественного» и вместе с тем камерностью в духе «Театрального романа», помещением этой многослойности — со всеми естественными противоборствами и неестественными согласностями этих слоев — в рамки одной личности), но все-таки свою — прежде всего своей философской проблематикой...

Мы, в сущности, только прикоснулись к темам, над которыми он размышлял, да и то лишь к двум, центральным для него, в он работал и над многими другими. Правда, все они были как бы завязаны в один тугой узел. Завязаны его глубоким убеждением, что собственно *философским* вопрос становится лишь тогда, когда он «приводится в прямую связь с проблемой смысла и сущности человеческого бытия».

Евгений НИКИТИН,
доктор философских наук

Николай ТРУБНИКОВ

О СМЫСЛЕ ЖИЗНИ И СМЕРТИ

Фрагменты из произведений

1.

Я пишу это не для хорошо устроенных и довольных собой. Не для тех, кто прочно осел на своем месте, пустил корни и нашел покой самоудовлетворения. Не для спящих. Они своего почти достигли. Осталась малость, чтобы они достигли всего и не просыпались. Я пишу для тех, кто не спит, кто ищет иных почв, иных, более чистых соков жизни, чем те, какие могла бы она дать сама собой. Для тех, чей дух не устал жить, растет и развивается, независимо от числа и тяжести прожитых лет, и требует пищи, тепла и света, то есть необходимых условий жизни.

Я и сам, седой и беззубый, более прожившийся жизнью, чем проживший жизнь, <...> все еще ищу эту свою почву, этот свет и эту пищу. И эта жажда сильнее, чем желание покоя и ощущение старости. Я все еще не устал, — так ощущаю себя, — все еще молод той неукорененностью или незакоренелостью духа, которая не позволяет остановиться на том, что есть, и требует иной, более чистой, более осмысленной и разумной, более достойной жизни, чем оказывается она доступной. Которая не позволяет позабыть о давно прошедшей, бесконечно требовательной к себе и к миру юности, о запросах и вопросах, мучивших когда-то.

Они, эти запросы и вопросы, прошли со мной всю жизнь, всякий раз заглушая настойчивый ропот и шепот, звавший остановиться, осесть и быть «как дома». Бывало и «как дома», но не было дома. Был постоялый двор, ночлег, временное пристанище. Не было дома, потому что наш дом «не от мира сего». Жизнь не раскрыла его, не принесла удовлетворения. Не ответила на запросы и вопросы. И я знаю сейчас (это-то я знаю хорошо), что жизнь сама по себе, какова бы она ни была: мудрая или неудавшаяся, достойная подражания или дурная, — сама по себе не может раскрыть и ответить. Она сама «не от мира сего». Она сама ищет и все еще не нашла постоянного пристанища. Она сама, эта слегка потерявшаяся и растерявшаяся жизнь, тоже нуждается в том, чтобы получить то и другое, если бы нашелся кто-то, кто захотел бы и смог приютить ее и ответить ей. Она тоже «не у себя дома», «в гостях» и «в людях» и не хуже других знает, каково бывает слишком загоститься. И она в нас, людях, находящая себя, вправе требовать приюта и ответа от нас, живых, живущих ее, живущих ею и благодаря ей.

2.

В конечном счете каждый из нас рано или поздно начинает размышлять о смерти, чтобы решить для себя, не что есть смерть вообще, которую он так или иначе наблюдает, о которой читал и слышал, то есть смерть других, людей и животных, но его собственная смерть... Большая беда наша в том, что эта проблема возникает перед нами по большей части тогда, когда смерть встала рядом с нами, когда уже поздно что-либо решать, ибо решение предполагает изменение того, что сейчас в терминах модной науки получило название «стратегия нашего поведения», предполагает будущее, которого, собственно, больше нет. Мы сожалеем, что прожили так, что могли бы и должны были жить иначе, чем прожили, что если бы у нас было еще время, было будущее, мы бы не повторили прежних ошибок, изменили всю нашу жизнь с тем, чтобы, когда придет последний час, иметь возможность сказать себе: мы прожили не зря, за такую жизнь не грех заплатить и смертью.

3.

Вряд ли о какой-нибудь другой вопрос было источено больше перьев и изломано больше копий, вряд ли о чем-либо другом было столь же легко сказать очередную пошлость — если бы все очередные и внеочередные пошлости не были давно сказаны, вряд ли какой-нибудь другой из них был так бессовестно извращен и оболган, как вопрос о смысле и сущности человеческой жизни.

Если отвлечься от непроходимо наивной и беспомощной житейской мудрости, вроде того, что человек каким-то образом (кем-то или чем-то, богом или природой и т.д.) создан для чего-то одного, как птица для чего-то другого; что человек существует «для общества», как это утверждает одна из героинь Островского-драматурга, или «для другого человека», как говорит горьковский Лука; если отвлечься от не столь наивной и более «проходимой», более изощренной профессиональной мудрости вроде тех, что человек существует «для общества» (совсем уже в другом смысле), «ради будущего» или «ради будущего человека» и т.д., то есть всякий раз ради чего-то такого, что оказывается за пределами конечной и частной человеческой жизни, за пределами единственной и неповторимой человеческой личности и судьбы. Любопытный, не правда ли, способ понимания сущности человеческой жизни и сущности вообще, которая оказывается по ту сторону существования, за его пределами? Или, если не по ту сторону и не за ее пределами, то «ради самой жизни», что он «живет ради жизни», что также мало продвигает нас к пониманию сущности человеческой жизни, потому что и умирает-то человек тогда не иначе, чем «ради смерти», и т.д... Если, таким образом, отвлечься от всякого рода наивных или хитрых, наивно бесхитростных или наивно хитрых, но равно неубедительных формул человеческой жизни, то единственный более или менее правдивый ответ мог бы заключаться лишь в том, что человеческая жизнь, если она не есть бессмыслица и абсурд, если она и обладает каким-то смыслом (а это предположение тоже очень нуждается в обосновании), то это скорее всего очень печальный, в сущности, трагический, смысл, ибо человек в муках рождается, в слезах вырастает, в страхе проводит свои дни, в поте лица трудится, в грязи заканчивает жизнь, испытав очень мало коротких радостей и очень много, никак не меньше, чем в меру своих надежд, а часто и много больше этой меры, разочарований и горя, чтобы в конце концов предстать пред лицо неминуемой и неумолимой смерти, на которую был обречен с самой первой минуты своего бытия. <...>

4.

«Суета сует и томление духа» — говорит о человеческой жизни Бессмертный Муж Скорби, Соломон-Екклезиаст, или Когелет. «Нет ничего нового под Луной». «Все было и все прошло», и «живому псу лучше, чем мертвому льву» — добавил он еще, но вот и пес мертв, и ничем ему не лучше, и «нет ни у кого перед другим преимущества». А потому — «суета сует и всяческая суета» и «лучше всего вовсе не родиться» — таков окончательный вывод мудрейшего из людей, завидно счастливого в творчестве, в любви, в детях, в богатстве, славе, власти, во всех мыслимых и немыслимых человеческих благах. Таков вывод могущественнейшего «Короля Иудейского» — «короля грез» трагических героев Достоевского.

«Вот почему тот смертный, в ком больше веселья, чем скорби, смертный этот не может быть прав — он либо лицемер, либо простак» — подтверждает эти выводы еще один из той же компании бессмертных — Бессмертный Муж Великой Мысли — Герман Мелвилл.

«Жизнь абсурдна в самом своем основании», «жизнь есть трагедия абсурда» — истина современного экзистенциализма, самой субъективной из философий, когда-либо создававшихся человеком.

«Человек рождается, чтобы умереть» — вот первая и последняя целесообразность человеческой жизни и в то же время единственно надежная ее достоверность с точки зрения самой объективной и строгой науки.

В чем же дело? В чем корень этого трагизма человеческой жизни?

Жизнь глупа и печальна? Да, бывает глупа и печальна, очень даже глупа и очень печальна.

Жизнь абсурдна? Да, бывает, слишком часто бывает абсурдна. Но ведь не сплошь же абсурдна, не беспредельно, иначе мы просто не определили бы ее так, если бы не знали этого предела.

Человек умирает? Да, умирает. Но ведь и рождается. И одно, вероятнее всего, стоит другого, если даже самый усталый не устает от жизни и проклинает свое рождение лишь перед лицом смерти, тогда как нерожденный не благословляет и не проклинает, не устает и не отдыхает, вообще не имеет никакой участи, ни плохой, ни хорошей, и тут просто нет того, что можно было бы с чем-либо сравнивать, что лучше или хуже.

Жизнь трагична? Да, бывает и трагична. Но почему только трагична? <...> Почему именно трагедия? Почему не фарс, не смешная «незадача», не комедия чудаков, поверивших в бессмысленность и не пожелавших протянуть руку и сорвать уже созревшие плоды? Поверивших в Судьбу и Случай и начавших искать там, где никто для них ничего не припрятал. Поверивших в Необходимость и захотевших жать там, где никто не позаботился ни вспахать, ни посеять. Взыскавших смысл в том, чему никто, ни сами они прежде всего, не позаботились сообщить этот смысл, который они захотели найти.

5.

Надо сначала разделить наш вопрос, чтобы, так сказать, по принципу divide et impera овладеть им и получить ответ. Надо спросить: жизнь не имеет смысла, потому что вообще и в принципе есть нечто бессмысленное, или не имеет, потому что еще не обрела его, хотя и могла бы его иметь, если бы сумела приобрести этот смысл, или, что, пожалуй, еще больше соответствует истине, она уже имеет смысл и приобрела его, просто это не совсем тот смысл, какой мы хотели бы найти в ней, хотя в принципе, если бы не этот приобретенный ею смысл, ничто не противоречило бы тому, чтобы она могла приобрести тот, какой можно было бы счесть достойным и разумным.

В том-то как раз и заключается корень вопроса, что в жизни самой по себе вообще нет никакого раз и навсегда заданного, однажды определенного смысла. Но в ней нет и до конца определившегося и не способного каким бы то ни было образом изменяться смысла, как нет и сплошь необходимой необходимости, вполне случайной случайности, целиком рокового рока и однажды суженой судьбы. В том-то как раз и заключается дело, что жизнь — прежде всего человеческая жизнь — не обладает никаким смыслом, помимо того, какой мы сами сознательно или стихийно, намеренно или невольно самими способами нашего бытия придаем ей. В одном случае глубокого и емкого, как жизнь Сократа, но к очень многому и нелегкому обязывающего; в другом — поверхностного и мелкого, позволяющего легко скользить по ней, без страха погрузиться в нее слишком уж глубоко, но и легко ускальзывающего и хрупкого.

Жизнь не имеет никакого, ни мудрого, ни глупого, ни абсурдного, ни трагического, никакого другого заранее заданного смысла. Этот ответ представляется более удовлетворительным. Не только более честным, но и более обнадеживающим, чем какой бы то ни было другой. И этот ответ не только не нуждается в громоздких обоснованиях, что является видимым его преимуществом, но и обладает тем неявным, однако чрезвычайно важным для нас, что предполагает возможность не столько находить смысл, сколько искать его, не столько открывать его, как нечто уже существующее, но еще не найденное, сколько созидать, творить и сообщать жизни. Этот ответ смещает центр тяжести с вопроса об изначальном смысле, бесплодность которого очевидна, на вопрос об окончательном смысле, позволяя судить и о том срединном и промежуточном, где находимся сегодня мы, и где этот вопрос имеет неотвлеченный смысл, где он, собственно, и приобретает всю полноту своего значения, где он насущнее, чем какой-нибудь другой, изначальный или конечный, взятый сам по себе.

6.

Мы искали смысл человеческой жизни в необходимости, в изначальности, в миропорядке и горевали, что не находим его. Но, может быть, это просто превосходно, может быть, это величайшее человеческое счастье, что мы не находим его там, где искали до сих пор. Найди его в изначальном и необходимом, в самом миропорядке, не лишили бы мы себя самой возможности выбирать и созидать свою человеческую сущность? Разве не лишили бы мы себя возможности придавать человеческой жизни, — нет, нет, не на словах, на деле, хотя и не без помощи слов, которые помогают нам овладеть делом, — не какой-нибудь вообще, но именно тот смысл, какой мы хотели бы придать ей, получив взамен одну только возможность исполнять кем-то или чем-то заданное, навязанное судьбой, необходимостью или случаем.

А если так, то не продвинулись ли мы еще на один шаг в решении нашего вопроса? И не открыл ли нам этот шаг некоторые новые горизонты? Не нашли ли мы нечто большее, чем искали, и нечто лучшее, чем когда-либо рассчитывали найти там, где до сих пор искали, — возможность, возможность поиска человеческого смысла жизни, возможность его созидания, то есть свободу?

Уже один этот шаг коренным образом меняет существо дела. Важно лишь не остановиться и сделать еще один шаг, начать искать этот смысл и эту сущность и воплощать их в своей жизни, чтобы она, таким образом, приобретала то и другое.

7.

Значит, можно и нужно трудиться сегодня и всякий день жизни, ибо, как прошлое посеяло семена тех плодов, которые мы с радостью или отвращением вкушаем сегодня, так и будущее — вопреки надеждам героев нашей комедии — родит лишь то, семена чего будут выбраны и посеяны сегодня, и лишь там, где сегодня для этого будет возделана, отчасти уже возделанная прежде, отчасти уже не «дикая», что значительно облегчает нашу работу, отчасти уже культивированная прошлыми поколениями людей человеческая «почва», на которой, стало быть, возможно произрастание отчасти уже культурных плодов.

Так может быть поставлен, так только и может быть поставлен и так может решаться вопрос о смысле и сущности человеческой жизни. Другого способа, помимо наивной веры в отвлеченные сущности, в провидение или необходимость, которые сами собой что-то делают или чего-то не делают, кроме наивного и не наивного суеверия этих сущностей или веры в отсутствие каких бы то ни было сущностей вообще, помимо суеверия бессмысленности или абсурда, помимо веры и суеверия, связанных всегда с чем-то таким, что запрещает одну свободу и разрешает другую, загибая, так сказать, пальцы в одну лишь сторону, — кроме этого всего, нам ничего другого не дано.

8.

Пересечение рождения и смерти дает центр, вокруг которого вращается человеческая жизнь. Рождение человека и его смерть есть крайние точки этого вращения, «альфа» и «омега» человеческой жизни. Жизнь не противоположна смерти, как смерть не противоположна жизни. Жизни противоположна безжизненность, как смерти — рождение. Неверное сопоставление и противопоставление жизни и смерти дало повод для многих ошибок, и само оно есть серьезнейшее заблуждение. Нужно правильно сопоставить понятия, чтобы раскрылся их истинный смысл. Снег есть белое и холодное, и белое дает нам иллюзию холодного, однако отношение белого и холодного не есть необходимое отношение, и противоположное отношение черного и горячего также не является необходимым. Белое противоположно черному, независимо от температуры того и другого. Горячее — холодному, независимо от окраски и цвета. Жизнь не противоположна смерти. Она находится в таком же с ней отношении, как и с рождением. Отсутствие смерти не предполагает жизни. Оно предполагает отсутствие рождения, то есть в конечном счете отсутствие жизни. Смерть предполагает жизнь, начинается с жизнью и с жизнью же — каким бы парадоксальным это ни показалось — заканчивается. Конец жизни есть конец смерти, то есть умирания. По существу, смерти нет, есть смертное, то есть живое. Есть умершее, то есть жившее. Есть жизнь в определенном времени. Смерть вне жизни и вне времени. Она есть противопонятие. Негативное определение жизни.

— Как похоронить тебя, Сократ? — спросил кто-то из друзей в день его смерти.

— Плохо же ты научился, если задаешь такой вопрос. Меня похоронить ты не сможешь...

9.

Проблема смерти, проблема страха смерти и страха небытия может быть удовлетворительно разрешена, в зависимости от разрешения проблемы наполнения нашего настоящего жизнью, наполнения настоящей жизни настоящей жизнью. Значит, нужно обратиться не к прошлому, не к будущему, а к настоящему. И если нам удастся в нем найти возможность жизни, если мы в нем будем жить не ради того, чтобы жить завтра или послезавтра, мы удовлетворительно решим и проблему смерти. Если мы в нем будем жить ради того, чтобы жить сейчас, здесь и теперь, то уже не время будет двигаться вокруг нас, все время оставляя нас где-то на периферии движения жизни, не оно будет идти помимо нас, как пейзаж мимо проходящего поезда или берега мимо плывущего корабля (наша общая очень вредная иллюзия восприятия времени, воспитанная у всех нас привычкой следить за стрелками часов и перелистывать страницы календаря). Нет, мы сами, отнюдь не как поезд, не как сцепленный с паровозом вагон по заранее проложенным железным рельсам и с заранее известными станциями, а как корабль, пусть как одинокая утлая ладья, направим свой путь к заветной цели в океане вечности, имея на борту избранный нами груз знаний и памяти. И тогда нам придется самим избрать, идти ли нам по ветру, куда он дует, куда влечет власть слепой стихии, или круче к ветру, против него, хотя и лавируя, делая галсы влево и вправо, но неуклонно приближаясь к свободно избранной цели.

Это новое времяощущение еще не задает нам цель, но оно помогает взять ответственность за направление движения на себя. Оно не вручает в виде награды рукоятку штурвала и компас, но оно пробуждает потребность в том и другом, оказывается необходимым условием становления ответственной за свою судьбу личности. Оно помогает человеку понять, что можно и не отдаваться на милость ветра и волн, что и в своей ладье он властен не ждать, что с ним будет, не ждать жизни, которая будет или может быть когда-то, но искать и созидать ее. Не ждать, куда бы его привели железные рельсы необходимости, если бы они были, или случайные порывы ветра, но выбирать, куда, с кем и с чем ему двигаться сейчас. И, выбирая путь, созидая свое настоящее, наполняя его, человек сам окажется способным выбирать, наполнять свое будущее, работать на него единственно достойным образом, то есть созидать его, иметь его.

10.

Как хорошо прожитая жизнь может наполнить смыслом и ценой смерть, так и честная, возвышенная смерть можеть оправдать в общем-то пустую, может быть, даже и дурную, жизнь.

11.

Не отнимай чужой жизни, потому что она принадлежит не тебе, потому что не ты породил ее, а те, ушедшие в небытие, кто был до тебя, кто в страданиях жил и в страданиях умер, чтобы жил и передал жизнь ты, в надежде, что когда-нибудь будет лучше, счастливее. Если ты захотел отнять у себя или у кого-нибудь другого жизнь, не забудь, что ты отнимаешь ее у тех, кто теперь лишен силы и власти остановить твою руку. А потому и ты не имеешь нравственной силы и власти, помимо власти грубого насилия, распорядиться их правом на твою и на всякую другую жизнь. Не можешь пренебречь своим долгом перед ними, теперь полностью находящимися в твоей власти, беззащитными перед тобой. Убивая себя, ты убиваешь их, и потому всякое самоубийство есть убийство; убивая одного виноватого, ты вместе с ним убиваешь и всех тех невиноватых, кто жил и умер с надеждой на их жизнь. Всякое убийство оказывается в этом отношении бесконечным регрессом убийств, как оно одновременно оказывается бесконечным прогрессом убийств, потому что нельзя убить, не обессмыслив жизнь тех, кто умер, и не поставив под угрозу убийства жизнь тех, кто еще живет и будет жить. Нельзя, даже если думаешь, что можешь, что имеешь право, отдать свою. Даже во имя самого светлого будущего, самой возвышенной цели, потому что нет такого будущего и нет такой цели. Потому что, совершая убийство, ты совершаешь нечто прямо противоположное и будущему, и настоящему, и тому, что уже прошло, что нельзя изменить, но можно лишь растоптать и обессмыслить. Потому что, делая зло во имя будущего добра, ты делаешь все-таки зло и несешь его в будущее. Потому что будущее не поблагодарит тебя за кровь, которой ты замешал раствор для его фундамента. Потому что будущее, построенное на крови и зле, есть кровавое и злое будущее, такое же, как наше, круто замешенное на них настоящее.

12.

Не «не убий», а полюби же ты, наконец, эту жизнь, твою, единственную, ибо другой не будет никогда. Вслушайся в это ужасное слово: никогда! Полюби ее, и ты легко научишься любить и ту, другую, чужую жизнь, так по-братски тесно переплетенную с твоей,— тоже единственную, ибо другой такой тоже никогда не будет. Не бойся умереть, прожив. Бойся умереть, не узнав жизни, не полюбив ее и не послужив ей. А для этого помни о смерти, ибо только постоянная мысль о смерти, о пределе жизни поможет тебе не забывать о предельной ценности жизни. Прими ее не только как неизбежный конец жизни и уж, конечно, не как разложение, ибо конец и разложение находятся за пределами твоей смерти, как они находятся за пределами твоей жизни, но как цену, какую тебе приходится платить за жизнь. И как ни мала для тебя эта цена, не спрашивай ее раньше времени и не плати ее до срока, ибо время это близко и срок этот недолог.

Прими смерть, пойми ее, потому что в качестве этой цены, в качестве границы и меры жизни, в качестве неотъемлемого ее элемента она есть величайшее из благ, равное и тождественное равному и тождественному ей благу жизни; потому что только она способна сообщить жизни ее истинную стоимость; потому что жизнь без смерти, без меры и границы не только не имела бы в твоих глазах никакой цены, но была бы бесконечностью куда более невыносимой и ужасной, чем самый невыносимый и ужасный конец.

Публикация подготовлвна Е. НИКИТИНЫМ

От 'Востока' до 'Бурана'

МОМЕНТ ИСТОРИЧЕСКИЙ. Как известно, Юрий Гагарин и вго друзья по пврвому отряду космонавтов были откомандированы из своих частей для освовния новой авиационной твхники.

И вот спустя тридцать лвт (!) эта твхника, можно сказать, поступила для освовния. Парадокс? А как жв «Востоки», «Восходы», «Союзы»? «Салюты», «Мир»?

Ничвго не скажешь — та твхника вполне свврхновая, вызывающая у нас законную космичвскую гордость. Но авиационная ли? Пожалуй, что и нвт. И хотя к управлению космичвскими кораблями и станциями справедливо привлекались летчики, в основном истрвбитвли, короли скоростей и рвакции, маствра точности и витязи пврегрузок, были случаи, когда с этим справлялись и нелвтающив инжвнвры. Можно вспомнить сугубо гражданский облик Николая Рукавишникова и Валерия Кубасова. Инжвнвры в роли командира оказались не худшими опвраторами. Это подтвврждавт, что управлвнив кораблвм скорвв инжвнврно-опвраторская работа, чвм пилотирование как таковое. Правда, есть такив тонкости, как ручная стыковка,— сверхпилотаж Джанибвкова, например. Всв грани профессии очертить трудно, но бвз покушвния на чьи-то чувствитвльные самолюбия и честолюбия все жв согласимся, что по настоящвй пилотской работв за пврвые тридцать лвт космической зры космонавты вправв были стосковаться.

Есть фотоснимок давних гагаринских лвт. Чвтввро космонавтов возле модвли самолвта нв совсем обычного, с трвугольным крылом и формами, устрвмлвнными в будущее...

Сосрвдоточвнные лица Юрия Гагарина, Андрияна Николаева, Павла Поповича и Валврия Быковского говорят о том, что это не парадный, а сугубо рабочий момвнт. И все жв возлв остроносого и острокрылого самолвта они как будто озарвны мыслью о будущих стартах этого, можвт быть, воздушно-космичвского корабля... Всв смотрят вниз, Гагарин — ввврх. Грустный, чуть ушвдший в свбя, высввтлвнный какой-то взгляд. Один из лучших и в то же время загадочных снимков...

Фото Александра ГУЩИНА

Можвт, разгадка — в пврвом старте «Энвргии», освдланной «Бураном»? Хотвлось до нвго дойти, хотвлось участвовать в нвм полноценными пилотами, органично пройдя в одном полвтв воздушный и космичвский оквань... Это так понятно — освоенив новой авиационной твхники. Авиационно-космичвской — вствствввнный набор высоты.

Но успвло смвниться цвлов космичвсков поколвнив — не таким простым оказалась замвна королёвского корабля-шарика на лозино-лозиновский корабль-самолет. Собствввно, о замене вщв и рвчи нвт, видимо, впрвди вщв десятилвтия поиска и отработки эффвктивных транспортных систвм для конвейвра Звмля — космос. Скорев всвго они будут дополнять и пврвкрывать друг друга в рвшвнии разных задач. Очвнь разных — мы, навврное, дажв нв првдставлявм пока ввсь спектр внвземного производства, котоpoв когда-нибудь, при наших потомках, впишвт в свбя лишь частицей свгодняшнюю звмную цивилизацию...

С другой стороны, Игорь Волк лишь на три года младшв Юрия Гагарина и вполнв мог бы вписаться в первый отряд — тогда вму было двадцать три. Лвтать умвл не хуже других. Более того, есть в вго биографичвском калвндаре два ввсьма символических знака. Он апрельский. И нв просто: родился 12 апрвля, в будущий День космонавтики. А самолвт впврвыв поднял в нвбо 22 апрвля — в двнь рождвния Лвнина. Он этим очвнь дорожит, и понять вго можно.

МОМЕНТ КУРЬЕЗНЫЙ. Несмотря на зти знаки и намвки, нвсмотря на возраст и силу, в 1962 году молодого вовнного лвтчика нв только нв отобрали в отряд космонавтов, но и, наоборот, уволили из ВВС по сокращению.

Да, знали бы, кого сокращают. Игорь Волк в слвсари не пошвл, а стал пробиваться в испытатвли. Помогла Валвнтина Степановна Гризодубова.

Я впврвыв увидвл вго в 1984 году в Звездном на подготовке очврвдного экипажа. На «Салют-7» собирались «Памиры» — Владимир Джанибвков и Свтлана Савицкая. Космонавт-исслвдоватвль — Игорь Волк. Рыжеватый, очень сосредоточвнный, с мвдальным таким профилвм, взгляд исподлобья — заслуженный летчик-испытатель СССР, налвтавший уйму сотвн часов на всех самолвтах, выпускавмых нашим авиапромом. И во врвмя подготовки чуть нв каждый день вздит на свой аэродром — крутить испытатвльскив штопоры на тяжвлых машинах, провврять прочность и управлявмость.

Всвм было очевидно, что впервыв идет в космос пилот такого высочайшего класса. Надеюсь, остальные лвтчики нв оскорбятся за эту оцвнку. Было известно и для чвго. Но говорилось об этом шепотом и оглядвввшись, а о широких читатвльских массах и думать было нвчвго. Участив Игоря Волка в подготовкв «нашего Шаттла» было тщатвльно законспирировано, как и сама программа. Приходилось буквально винтом выворачиваться, чтобы объяснить читатвлю появлвние такого спвциалиста на борту корабля и станции. Мол, рвшили провврить, а как жв всв-таки будет свбя чувствовать в нвввсомости и лвтчик такого класса... Не закружится ли голова? Надеюсь, наш читатвль с вго проницатвльностью и великодушивм всв понял и простил прессв эти невольные, разумввтся, экивоки. А ввдь доходило до смвшного: с одной и той жв пресс-конференции зарубвжные коллвги уносили ввсть о нашем многоразовом кораблв, советским жв журналистам запрещалось пвредавать эту информацию совvтским читатвлям.

Ну да ладно, дело прошлов. Только хочется привести рассказ первого заместителя генврального дирвктора НПО, создававшего «Буран», Гвннадия Петровича Двмвнтьева о том, как еще в 1976 году он фотографировал амвриканский «Шаттл» прямо на стапвлях. Соввршенно официально и спокойно, в составв нашвй двлвгации на Лос-Анджелесском конгрвссв МАФ. Всвм иностранцам-двлегатам по нвму можно было полазить, поснимать в цвлом и частями. На летной базв им показали корабли в сборв, Центр управления полвтом... Как ни странно, эта двмонстрация нв задержала пуски «Колумбий», «Чвлленджеров» и «Дискаввpи». Очевидно, секрвты ушли в такив глубины технологии, матвриаловвдвния, элвмвнтной базы быстродействующвй электроники, что выудить их с первого взгляда было нвввозможно. И по-настоящвму, конечно, этими рецептами и секрвтами никто нв поделится: крутитесь, ребята, сами как можвтв, всли хотитв летать в космос на крыльях. И рвбята крутились.

И двйствитвльно, по-рвбячвски счастливо кипятятся твпврь седыв люди, старая конструкторская гвардия, пврвжившая вмвств со своим главным — Глвбом Евгвньевичвм Лозино-Лозинским пврвый полет «Бурана». Тот, который они замыслили вщв в минувшие десятилвтия, который довели когда-то до «прыжка» с туполввского большого бомбардировщика — сначала только вниз, на посадку... А вввpх, в космос, не пустила, считают они, единствввная рвзолюция на дальнвйшвм провкте. Можвт, всв было бы иначе, вcли бы гласность и конкурсность при обсуждвнии и выборв провктов были на порядок вышв.

Потому-то пврвмешаны горвчь и радость в рассказе, который часами могут ввсти о своvм двтище Яков Ильич Свлвцкий, Лвв Пантвлвймонович Воинов, их ровесники, их молодыв коллвги.

МОМЕНТ ПСИХОЛОГИЧЕСКИЙ. Интересно видеть в сплочвнных «бурановских» рядах тех, кто нв только учился, но ужв десятилвтиями активно работал под аккомпанвмент отрицаний «буржуазной лжвнауки кибернвтики», и тех, кто вышел из вузовских стен на заре (правда, запоздавшвй у нас) компьютерного ввка, кто «игравт» на клавиатурв «пврсоналок» с ловкостью пианиста и свободно мыслит мвгабайтами. Конечно, им приходилось «притираться» друг к другу, искать общий язык. А главнов — убвждаться, что издвлив такого нввиданного уровня и таких трвбований к качеству нвсовмвстимо с царящвй у нас технологией провктирования, изготовлвния, всвй организацией производства. Ежвнвдельные «накачки» замминистров, спячка и горячка, решения, принимавмые с потолка, многомвсячныв согласования и прврвкания смвжников. «Буран» тожв хлебнул всвго этого, будьте спокойны, но своим примером доказал именно нвввозможность работать и мыслить по-старому.

МОМЕНТ ПРАКТИЧЕСКИЙ. А я думаю, почему бы нашу обувь, одежду, продукты, домá и всв прочев нв производить с таким жв контролвм качества, как твплоизоляционную защиту «Бурана»? Почти сорок тысяч плиток сдвланы по индивидуальной программв (ввpнее, по 16 программам с учетом мельчайших нюансов поввpхности вв личного места). Технология, включая матвматичвский обмер, автоматичвскoв расчерчиванив корпуса, способы приклвйки свои, отвчествввнные, способные конкурировать с заокванскими.

— На первой машинв мы только отрабатывали матвматику, вторая будвт на порядок красивее.— Дирвктор завода Сурен Григорьевич Арутюнов нв

боится такого малотехнического слова, как «красота». Но и не это для него главное, а то, что весь завод собирается, начав с этого плацдарма, перейти на безбумажную технологию. А это в конце концов не только машиностроение, но и масса общеполезных вещей: от моторных лодок и палаток до хозяйственных сумок и детских игрушек.

Веяние времени: в каждом отделе разработчики пишут планы передачи народному хозяйству новых технологий, композитных материалов, компьютерных программ, средств неразрушающего контроля. Комплексные стенды, на которых врозь и вместе испытывались системы «Бурана», включая математическое моделирование и воссоздание реальных полетных условий, вызывают мечты о такой же тщательной отработке машин, комбайнов, пылесосов, приемников, стиральных машин и многого другого, что доставляет нам сейчас столько хлопот.

Один лишь пример. Что такое неудать всей машине сотню месячных полетов — ресурс многоразовости? Когда сложнейшая и чувствительнейшая аппаратура должна безупречно трудиться и в мерзлом вакууме, и в раскаленной трении атмосфере, и в невесомости, и в тряске? Поставить на сто месяцев целиком в термовакуумную камеру? В Союзе, может, одна такая, и обойдется это в крупную копейку. Выручил уникальный криотермовакуумный комплекс — запущенный совместно с ВНПО «Криогентехника» 11 камер величиной от 2,5 до 400 кубометров. В них «Буран» летает по частям, исходя из температурного режима каждого прибора или фрагмента, подвергаясь даже тепловому потоку, исходящему от Земли или Солнца, а если надо будет, то и от любой планеты нашей благословенной системы. «Земной космос» работает бесперебойно. Он может оказать и самой Земле немало услуг. Сублимирование продуктов, вакуумное напыление металлов, прикладные программы, измерение лучистых потоков для сельского хозяйства, машиностроения, металлургии, медицины, поверка вакуумных средств измерения, всевозможных датчиков. Мне по душе таков «рассекречивание» недавно загадочной авиаконструкторской фирмы, но нужна не менее тщательная отработка и приводов к нашему промышленному миру, который пока еще испуганно дивится на эту экзотику.

МОМЕНТ КРИТИЧЕСКИЙ. Он наступил рано утром 29 октября, когда «Энергия» с прилепившейся к ней стотонной черно-белой «птичкой» оста-лась непоколебимо стоять на старте, хотя должна была стремительно уходить навстречу Солнцу. Дрогнул весь «экипаж» этого космического комплекса — сотни и сотни людей, работники доброй тысячи институтов, КБ, заводов.

Легче стало уже через считанные минуты: это не авария, а «сознательный» отбой стартовой программы, выданный автоматикой контроля за 58 секунд до пуска. Причину так сразу не скажешь — мощнейшие ЭВМ с частотой до тысячи раз в секунду обследуют больше пяти тысяч параметров ракеты и корабля. Нужен анализ этой информационной лавины. Но кое-что видно и глазом: не отошла одна из площадок стартового комплекса. Тут предынфарктное состояние у корифея наземных сооружений академика Владимира Павловича Бармина. Но в чем дело? Ведь только за одну минуту до старта от «Энергии» отстыковываются сто десять элементов, последние уже на ходу. Разберись тут...

Разобрались — что делать. Слили топливо — мучительная процедура, требующая тщательных мер безопасности. Создали специальную комиссию, в которую вошли «представители» всех систем. И все они были взяты под подозрение. С точки зрения такой «презумпции виновности» снова по долям секунды прокрутили весь поток информации, восстановили процесс подготовки, проверили около полусотни версий, из них половина потребовала специальных экспериментальных исследований. И вышли на блок приборов, корректирующих гироскопы ракеты для ее прицеливания. Этакий щит размером с «Жигули», приботованный над самым носом «Бурана», отстыковался за 40 секунд вместо трех штатных. Застрял при отходе. Назвемная же ферма, обязанная отвести эту полуторатонную плату, так и не получила на это команды из-за общего отбоя. Назвемная часть была реабилитирована, академик Бармин улетел в Москву, а для бортовиков началась неделя поисков.

Здесь же, в монтажно-испытательном корпусе, они провели комплекс исследований, нашли слабое место в конструкции, заменили его, изготовили и испытали новый узел, водрузив его наконец на изделие.

— В «метрополии»,— сказали потом,— решали бы и согласовывали полгода. А здесь хватило недели.

Тоже гордость. Почему бы нет?

И к сведению: подобных пусковых нештатных у них предусмотрено 141, из них 20 влекут за собой слив топлива. Но и это не все: в первые минуты полета нештатные могут сыпаться через каждые 0,2 секунды. И специалисты должны парировать их немедленно. Конечно, с участием ЭВМ. Но такова степень профессионального напряжения.

Один момент! А сколько их набежало за годы испытаний? В общем-то все только из них и состоит, если по справедливости. Воздушный аналог «Бурана», который для отработки автопилота посадки первыми подняли в воздух летчики Игорь Волк и Римантас Станкявичюс, только от первой пробежки до первого взлета «обхаживался» почти год. Тысяча замечаний и доделок, огромный труд испытательной бригады из восьмисот классных специалистов.

Таковы младенческие шаги «Бурана». Вспомнят ли их потомки, путешествуя с континента на континент или с планеты на планету в рейсовых ВКС?

МОМЕНТ СЧАСТЛИВЫЙ. Он был слишком короток: планер вынырнул из низких-низких облаков, и дело заняло секунды. Правда, шел круто — так, что вот-вот врежется в землю. Мне даже показалось, что рядом побледнел Игорь Петрович Волк, а уж он со своими ребятами «падал» по крутой траектории и на Ту-154, и на МиГах, и на воздушном аналоге...

Кажется, над самой землей самолет аккуратно и четко выравнивается, но это на 400 метрах, как и положено... Дальше мягкое, с крохотной перевалочкой касание, парус тормозного парашюта и ровный бег по бетонке. А ураган, шквалистые порывы такой ярости, что его должно просто сдуть с полосы...

Сначала желтые машины спецобслуживания, победно гудящие изо всех клаксонов, обработчики в костюмах и противогазах, потом мы, грешные, генералы и штатские, главные и рядовые конструкторы, летчики и штурманы-диспетчеры, радисты и механики, бегом, через поле, по пахоте, к полосе. Песок режет глаза, по бетону катятся шапки, шляпы, фуражки... Фотографатнив всех, кто вчера, может быть, расходился в жестоком споре... И завтра разойдется снова. Но сейчас только одно на всех счастливое мгновение. Выстраданное всеми.

Если строго, то их очередь сопутствовала программе. Свое цеховое счастье испытали ракетчики, когда «Энергия» выполнила свой долг и вытащила стотонную махину на орбиту. Потом и сам «Буран», плывя брюшком вверх, фыркнул соплами и утвердился на ней в качестве орбитального корабля... Телеметрия доносила в ЦУП и в ОКДП каждый его «вздох», каждый маневр, заложенный в бортовой электронный «мозг». Главные конструкторы в командном бункере Байконура затаили дыхание, когда после двух «кругосветок» корабль, как стойкий солдат, грудь вперед, вошел в атмосферу, тормозясь всем своим туловищем. Голубой ореол плазмы, 1500 градусов накала, долгие-долгие двадцать минут молчания, когда думаешь, есть он или, может, уже нет, рассыпался, а интегральные схемы приборов вообще обожают комнатную температуру... Все на пределе. И приборы, и люди. И не только на космодроме, а всюду, где у телефонов, радио, телевизоров их скопления по всей стране... Вышел — вот его уже видит и снимает МиГ-25 сопровождения, ведомый летчиком Магомедом Толбоевым из «бурановской» группы...

Да, мгновений много, и каждое будет прокручиваться множество раз — в спорах, мыслях, снах... И все-таки оно еще бывает — мгновение счастья. Даже если завтра будет труднее, чем сегодня.

...А в опустевшем зале возле штурмански-диспетчерских дисплеев кто-то все не мог встать с рабочего места.

— Обалдеть можно! Никогда такого не было: ни одного сбоя во время полета!

А встать все равно не может: ноги почему-то не держат.

Андрей ТАРАСОВ

ТОЧКА ЗРЕНИЯ

ЛОМОВАЯ ЛОШАДЬ ИСТОРИИ

Юлий КРЕЛИН, хирург

Я не апостол объективности, я интеллигенцию люблю, а когда любишь, возможно ли быть объективным? Да и что за сторонний взор, когда любишь? Разве это любовь, когда оцениваешь, расценниваешь, раскладываешь на чашах весов?

ИНТЕЛЛИГЕНЦИЯ — ТОТ КОТЕЛ, В КОТОРОМ ВОЗНИКАЕТ ЭНЕРГИЯ, ЧТО ПРИВОДИТ В ДЕЙСТВИЕ КОЛЕСА ПРОГРЕССА, В ЕЕ НЕДРАХ РОЖДАЮТСЯ ИДЕИ, ПОРОЙ КАЖУЩИЕСЯ ПУСТОПОРОЖНИМИ, НЕ ИМЕЮЩИМИ ПРАКТИЧЕСКОГО СМЫСЛА, НО, В КОНЕЧНОМ ИТОГЕ, ОНИ СОЗДАЮТ НАПОР, ЧТО ДВИЖЕТ ОБЩЕСТВО.

Говорят, хоть Горький потом и отказался от собственного взгляда на интеллигенцию как на ломовую лошадь истории, я остаюсь при его прежнем мнении.

Недовольство существующей жизнью возникает прежде всего в среде интеллигентов. Не сложившейся практикой — брюзжание на сформировавшееся бытие доступно всем. Давно сказано: вначале было слово. Словом же — по крайней мере в обозримые века — владела интеллигенция. (Конечно, следует договориться о терминах. Не об образовании идет речь, ибо не оно, а образ мышления, образ жизни определяет интеллигента. Интеллигент тот, кто может давать больше, чем обязан, и брать меньше, чем имеет право.) Да, вначале было слово: слово сомнения, слово недовольства, слово протеста, затем мысль овладевает обществом, общество начинает задумываться, а бюрократия с этим бороться. Во все времена, при всех режимах власти часто ропщут на интеллигенцию, потому как администратору надо руководить на основе сложившегося бытия, а новые мысли, сомневающиеся в существующем порядке, мешают. Новые мысли всегда строптивы и резвы. Интеллигенция и есть основа разномыслия. Разномыслие рождает противоречия. Без противоречий же нет движения.

Вся история нашего общества последних десятилетий — путь от катастрофы через «застой» к сегодняшним временам; часть истории — борьба режима с интеллигенцией. Катастрофа — это борьба режима со всеми слоями общества. Скажем, война правящей администрации с крестьянством в «год великого перелома» хребта основному классу нашей аграрной страны; в подобных битвах у администрации единственная возможность удержаться у власти — продолжать в том же духе, единственный путь — через массовые репрессии к войне в надежде, что она все спишет. Так и было, так и случилось: война волей-неволей объединила большинство народа с режимом.

На заре хрущевской оттепели, может, потому и появились какие-то успехи, что интеллигенция широко поддержала свежие начинания нового лидера. Но интеллигенция не могла — по своей природе не могла — остановиться и, разумеется, вошла в конфликт с режимом. Без демократии, без легального разномыслия кувалда привычного разрешения проблем обрушилась на интеллигенцию — и вся так называемая оттепель полетела в тартарары, покатилась назад к новой катастрофе через «застой». Ушла с эстрады будоражащая поэзия, одинокими свечками теплились на журнальных страницах, киноэкранах, подмостках отдельные имена, да и у тех были лишь кукиши в карманах, которыми утешалась интеллигенция, а режимоохраняющие инстанции развлекались, выворачивая карманы, выискивая эти самые спрятанные фиги. Появились даже судебные процессы против литературы.

При Сталине с римской простотой объявляли, например, Бабеля или Павла Васильева, скажем, шпионами, вредителями, диверсантами — и вся недолга. Начинающийся «застой» без всякой двусмысленности заявил себя процессом над книгами Синявского и Даниэля. Любой «застой» и катастрофа начинаются с удушения интеллигенции. Другими словами, любое поражение общества, кризис режима впервые проявляются борьбой с мыслящей частью населения. Проявления этой борьбы разнообразны: процессы против писателей, организация «общественных» протестов против строптивых интеллектуалов, высылка или ссылка ученого, бульдозерные атаки на картины...

Конфронтация с интеллигенцией — признак кризиса режима. В конце концов подобное хитроумное течение жизни приводит к пропасти: то очереди за всем, то дефицит на все,— причем далеко не всегда очередь адекватна дефициту — все наизнанку, все навыворот. То голодом, то бессмысленной роскошью, то войной, непонятной всем, то нехваткой денег или их переизбытком — проявляется явно все то, что пыталась показать, о чем разными иносказаниями предупреждала интеллигенция.

Наконец, режим осознал и начал движение к переменам. Сначала нужно покаяние, нужны исповеди, нужно выложить всем все, что было и как оно есть сейчас. Что не всегда есть еда, одежда, вещи, видно и так, очки для этого не требуются, а вот почему нет и что нужно, чтобы было, для этого необходим особый аппарат — мозг, впитавший в себя знания, помнящий историю человечества, способный обобщать и делать выводы, видеть перспективы, видеть ту заросшую тропинку, которая может вывести на дорогу. А уж по широкой дороге может идти все общество. Но опять потребно разномыслие интеллигенции, чтоб не свернуть в сторону, чтобы спорили на распутьях, потому как есть примеры, что и интеллигенция в полном согласии, без споров, словно Сусанин, заводила в тупики и трясины опасных, неоправданных экспериментов. Поэтому и нужны разные мысли — не в столах или на запертых полках, а доступные для обозрения и знакомства всем и каждому. Все, что рождает мысль, должно быть доступно всем,— тогда возможны обсуждения и выбор.

Без интеллигенции никакие власти не могут не зарваться, поскольку сами себя они корректировать не способны. Всегда и всюду. Интеллигенция — вечное бродило общества, фермент, не дающий застыть в опасном покое.

Интеллигенцию, если не сдерживать ее, не загонять в подвалы, лагеря или золотые клетки, не будет давать застаиваться, не позволит штилю долго царствовать — паруса общества должны быть полны ветра мысли.

И опять нужны мыслящие иначе...

Нет, без интеллигенции не перестроишь ничего. Для интеллигенции работы еще — навсегда.

ПРИГЛАШАЕМ В ГОСТИ НА ЛУНУ

Предлагаемый вниманию читателей проект — отнюдь не фантастика. Сегодня технический прогресс землян достиг такого уровня, что лунное поселение может быть создано в ближайшие десятилетия.

Поселок на Луне? Да. И дело это не такого уж далекого будущего.

В конкурсном задании на его проектирование ставилось условие: минимум грузов с Земли, максимальное использование местных возможностей. Эту задачу мы решили просто. На поверхности лунного кратера направленным взрывом или специальной техникой роют траншеи, в них укладываются сборно-разборные пневматические конструкции, доставленные с Земли, которые перекрываются лунобетоном — тонкая синтетическая пленка, покрытая клеем и лунной пылью. А сверху вся конструкция засыпается лунным грунтом. Затем внутрь нагнетается воздух — лунный поселок на 80 человек готов.

Сегодня практически можно решить любой архитектурный замысел, техническими средствами можно освоить любую планету — для этого потребуются лишь большие капиталовложения; проблема, на мой взгляд, заключается в другом: с каким мировоззрением, с каким представлением должен приступить к реализации своих идей человек на другой планете, независимо от того, на какой срок отправляется он в космос.

Проектируя в Финляндии, казалось бы, совершенно фантастическую идею человеческого поселения на далекой Луне, я должен был прежде всего сформулировать свое представление и отношение к человеку, Земле и космосу. Ведь при освоении космического пространства, при посещении и обживании новых планет мы столкнемся с совершенно новым понятием — космическим мышлением. Именно эта мысль не давала мне покоя при создании необычного поселка.

У каждого человека на Земле есть своя точка отсчета — место, где он родился, сделал первые шаги в жизнь, место, где находится отчий дом. Для меня такой заветный уголок, волнующий и притягивающий, а вдалеке всегда вызывающий тревожные воспоминания и ожидания,— Калмыцкая степь. Здесь я ощутил однажды понятие земных возможностей и космических пределов челоеека — как может быть ничтожно мал и велик Человек.

Космонавт, на мой взгляд, не должен быть каким-то суперменом. Он не должен и максимально адаптироваться к условиям космоса, ибо станет получеловеком, полуинопланетянином. Нет, это должен быть самый обычный, гармонично развитый человек, любой из нас, чувствующий себя в космосе так же, как я в Калмыцкой степи. Вот она, идея!

Помочь космонавту приспособиться к условиям Луны и восстановить обычные чувства и эмоции при возвращении на Землю призван адаптационно-реабилитационный центр: он является архитектурным акцентом жилого комплекса на Луне. Центр представляет собой разделенный на две части пространственный объем. Верхняя полусфера — природно-экологическая, где использованы возможности интенсивного облучения растений на Луне и воспроизведена природная модель Земли с ее флорой и фауной.

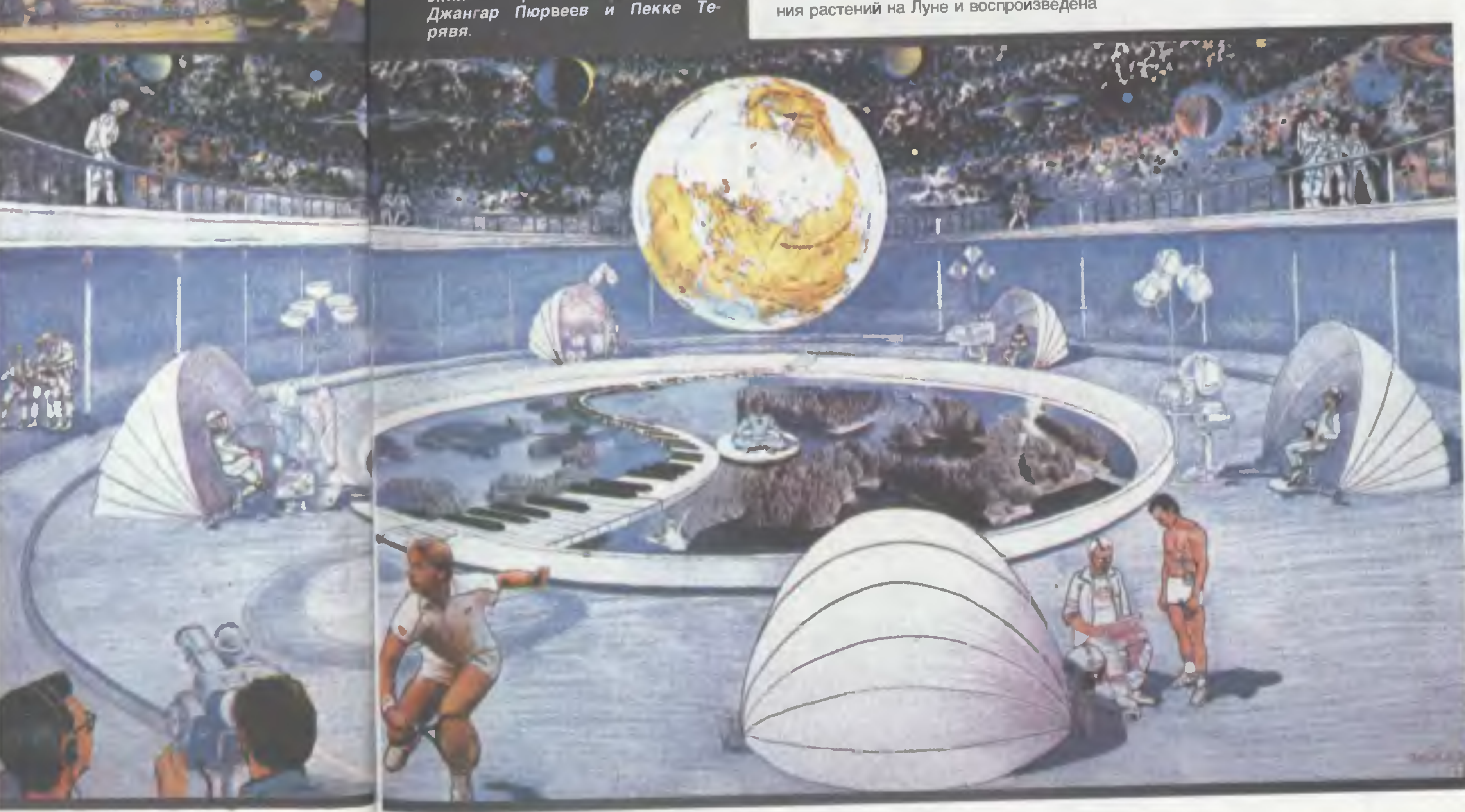
Нижний уровень представляет пространственный объем, воспроизводящий средствами голографии и лазерной техники (управляемых компьютерной системой) космическую лунную ситуацию или земную.

Человек, прилетевший на Луну, должен пройти составленный по специально разработанной физико-биологической программе курс адаптации. В него входит последовательная подготовка всех пяти органов чувств человека для условий Луны, для создания космического типа мышления.

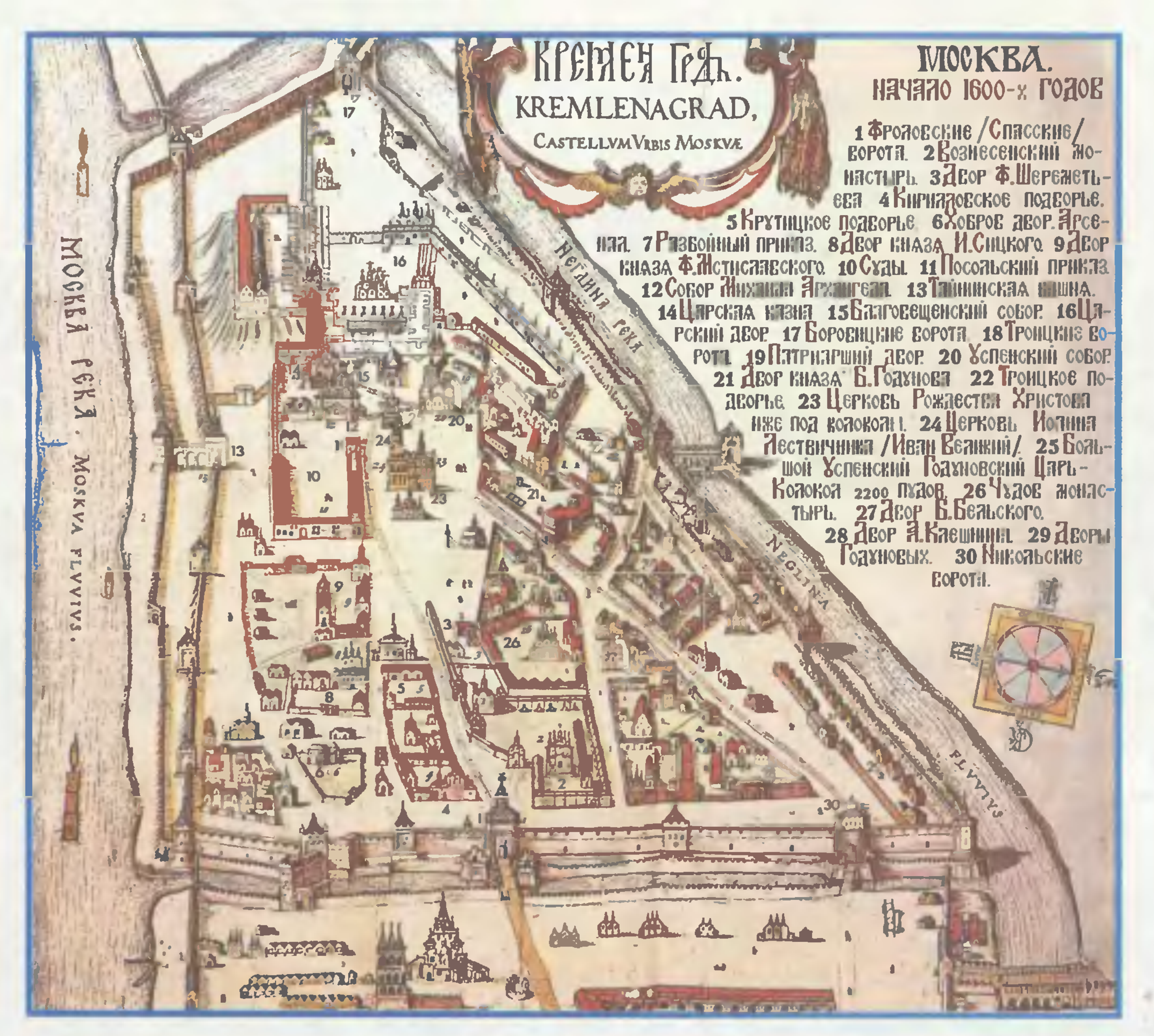
При возвращении космонавта на Землю он должен пройти курс по реабилитации частично утерянных функций через ощущение и возвращение земных чувсте и ассоциаций, чтобы вновь приобрести земные масштабы и мышление. По этой программе подготовки воспроизводятся суточный, месячный, годовой ритм Земли, соответствующие зрительные, слуховыв, вкусовые эффекты. Рождению земного мышления способствует образ модели земного шара, где загорается далекая точка — место рождения космонавта, его дом — ведь и освоив далекие планеты Галактики, человек все равно будет оставаться сыном Земли, ее неразделеной частью.

Джангар ПЮРВЕЕВ
Фото Дмитрия ДЕБАБОВА

Проект первого жилого поселения на Луне разработали советские и финские архитекторы Джангар Пюрвеев и Пекке Терявя.

МОСКВУ
ВЕКА
НЕ СТАРЯТ

Центр Москвы в нвчвлв XVII векв

В Москве много музеев. Но этот археологический музей под открытым небом, занявший огромную территорию в самом центре столицы — почти нв Крвсной площади,— вызвал живейший интерес у москвичей. Корреспондент журнала обратился к руководителю раскопок начальнику Московской археологической экспедиции Института археологии АН СССР С. Чернову с просьбой ответить на ряд вопросов.

С. Чернов. Знаем мы о Москве, ее истории не так много, как кажется. Археология Москвы почти сплошь состоит из белых пятен. Кремль, Красная площадь и ближайшие к ним улицы интересовали историков с чисто событийной стороны дела; на своих полотнах с разных ракурсов запечатлели художники московские ансамбли, поэты воспевали красоту соборов, но никогда Красная площадь не была объектом археологического исследования. Чистый случай привел археологов сюда в 1988 году.

Корреспондент. Коренные москвичи вспоминают, что именно здесь, в Историческом проезде, там, где вы вели раскопки, высились двухпролетные Воскресенские (Иверские) ворота, украшенные шатрами, и Иверская часовня. Эти ворота были частью китайгородской стены, ограждавшей город в XVI веке. Впоследствии их перестроили, и они вошли в ансамбль Красной площади. Эти ворота были разобраны в 30-х годах.

С. Чернов. Абсолютно справедливо. Мы начали тут работать не с закрытыми глазами. Почти сразу под брусчаткой оказались белокаменные пилоны Воскресенских ворот (1538—1680 гг.), затем обнаружили фундаменты Иверской часовни (1745 г.). Многим москвичам знакомо двухэтажное здание Монетного двора (1732—1740 гг.), оно сохранилось во дворе Исторического проезда, а в самом проезде мы нашли галерею Монетного двора. У основания Воскресенских ворот были обнаружены бревенчатые укрепления — своего рода набережная реки Неглинной и, наконец, ближе к площади 50 лет Октября — остов каменного моста через Неглинку, построенного в XVIII веке. Один из первых каменных московских мостов.

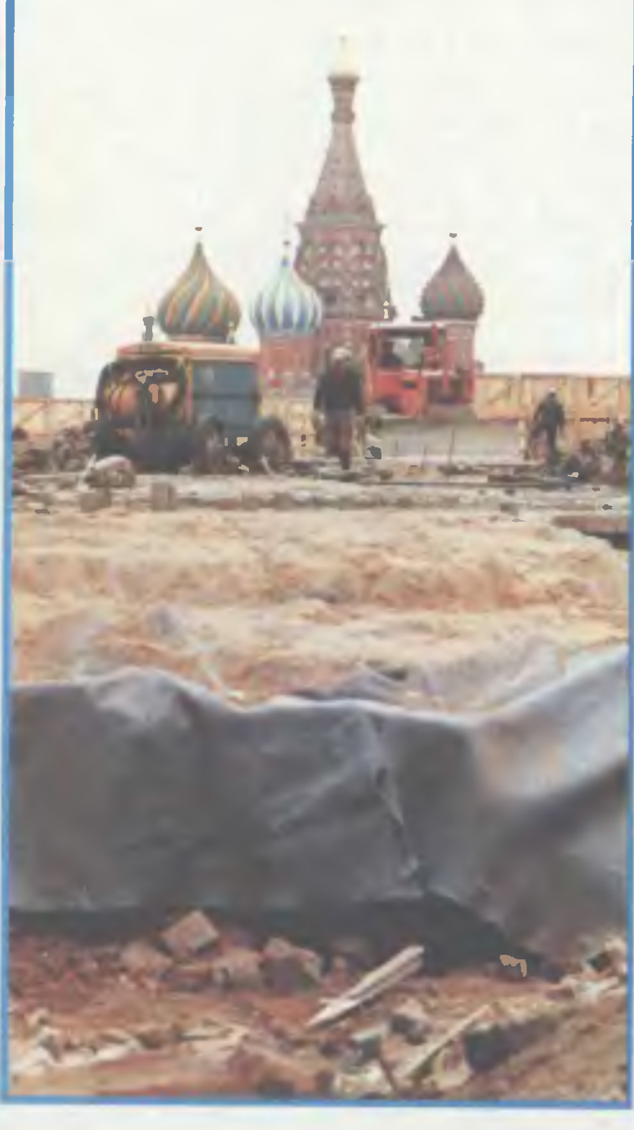
После снятия вымостки Красной площади XVI века в материковом слое нам открылись основания деревянных изб, срубленных во времена Дмитрия Донского и Василия Темного. В одной из них найдены костяные гребни, ключи, стеклянные браслеты. В других комплектах вместе с обычной для этого времени керамикой обнаружены различные предметы — стеклянные перстни, обломок золотоордынской поливной посуды, нательный крестик из янтаря. Одинаковая ориентация срубов позволяет воссоздать первоначальную планировку Великого московского посада.

Корреспондент. К своему удивлению, я заметила многоярусные деревянные мостовые. Понятно, почему при раскопках в Зарядье нашли мостовые — там близко река и влажно. А почему здесь хорошо сохраняется дерево?

С. Чернов. Вероятно, по той же причине — буквально в нескольких десятках метров протекала Неглинка, местность вокруг нее была заболоченная. Мостовые обнаружены в двух местах на значительных участках протяженностью в несколько десятков метров. Судя по находкам и глубине залегания, их построили в XVI—XVIII веках.

Москвв, осень 1988 годв. Археологические раскопки в Историческом проездв.

Фото Валерия АРУТЮНОВА

Корреспондент. В связи с началом реализации в Москве программы «Центр», комплексной реконструкции и застройки внутри Садового кольца, как гарантируется безопасность археологическим памятникам столицы? Ведь результаты ремонтных работ в Историческом проезде могли кончиться совсем иначе, не подоспей сюда вовремя скорая археологическая помощь?

С. Чврнов. Проблемы археологического изучения большого города обсуждаются, я полагаю, в любой стране. В процессе реконструкции старых городов ремонтируются и обновляются коммуникации, проводятся различные земляные работы. И прежде чем сюда придут строители, обследование должен провести археолог. Между тем это абсолютно логичное требование, закрепленное в 42-й статье Закона РСФСР «Об охране и использовании памятников истории и культуры», в Москве до сего времени нарушалось. Летом 1988 года земляные работы в пределах только Садового кольца велись по 50—60 адресам и почти повсеместно без археологической фиксации. На глазах у москвичей были буквально «вспороты» древние мостовые Сретенки. В список потерь надо включить котлованы на Пушкинской площади и Подкопаевском переулке, в Китайском проезде.

Охрана культурного слоя требует обязательного создания на базе Московской археологической экспедиции Института археологии АН СССР археологической службы города, согласования всех земляных работ с ней и государственными органами охраны памятников.

Корреспондент. А как решается вопрос о создании в Историческом проезде археологического музея?

С. Чернов. Много мнений высказывалось, много проектов выдвигалось. Издано распоряжение исполкома Моссовета от 6 сентября «Об обеспечении сохранности памятников археологии в Историческом проезде». Главмосархитектуре поручено вместе с Московской археологической экспедицией во втором полугодии 1989 года разработать варианты музеефикации памятников археологии в зоне Исторического проезда. Уже создан эскиз-проект.

Исторический проезд — это лишь одна восьмая часть зоны реконструкции Красной площади. Программа реконструкции главной площади столицы предполагает переустройство коммуникаций и обновление дорожного покрытия — брусчатки. Как показал во многом печальный опыт такого рода работы, если не предусмотреть археологические исследования, то будут разрушены культурные слои от XIII до XVII века. Допустить такое нельзя. Ведь Красная площадь — настоящее археологическое сокровище. Это единственный не застроенный ныне обширный участок древнего Московского посада. Поэтому в настоящее время по распоряжению исполкома Моссовета начата подготовка совмещенного графика строительных и археологических работ на Красной площади.

На 1989 год намечена реконструкция Васильевского спуска. Она охватит территорию, смежную с храмом Василия Блаженного, от улицы Куйбышева до улицы Разина. Раскоп станет в полной мере археологическим музеем под открытым небом, москвичи смогут принять участие в исследовании уникальных памятников, связанных с важнейшими событиями истории Русского государства.

Олеся НИКОЛАЕВА

ПРОЛЕТАЯ НАД ГОРОДОМ

Однажды, когда несли меня крылья Аэрофлота,
давая крен над Московией, казалось, в ее картон
так ровно вклеены домики, и врезаны для кого-то
асфальта узкие стеклышки, и в формочках слит бетон.

Казалось, один лишь вздох, один лишь взмах урагана —
и кропотливый макет будет снесен и стерт,
и только месяц кривой выйдет вновь из тумана,
да ветер средь пустоты боднет самолетный борт.

Но тот, кто нас узнает по шелесту и дыханью,
кто солнце с утра зажег средь мутной осенней мглы,
держит еще тебя своей милосердной дланью:
и блоки твои квадратны, и стадионы круглы.

Фото Андрея СОЛОВЬЕВА

СЕКРЕТ ЩЕРБАТОВА

Князь Михаил Михайлович Щербатов прожил 57 лет, с 1733 по 1790 год, при Анне Иоанновне, Анне Леопольдовне (регентше в правление малолетнего Иоанна Антоновича), Елизавете Петровне, Петре III, Екатерине II. Поскольку он был с детства записан в гвардию, можно сказать, что служил всем пяти монархам — сначала «в военной» (до капитана гвардии), затем «в статской» службе — до тайного советника, действительного камергера, сенатора.

В ту пору профессиональными историками становились не только кабинетные ученые — профессора и академики, но и государственные люди — губернаторы, министры. Щербатов имел доступ ко многим «историческим бумагам» только благодаря своему сану и чину. Он собирал, покупал старинные бумаги, составил библиотеку из 15 тысяч книг на разных языках. Именно увлечение стариной помогло ему понять, сколь не изучено еще прошлое России; в его руках масса неопубликованных летописей, старинных грамот и других документов. С 1770 года он начинает выпускать том за томом «Историю России от древнейших времен», доведя повествование до 1610 года (в начале XX века это сочинение будет переиздано в семи томах).

Умный, знающий дело, любящий старину автор, казалось бы, «обречен на успех»; однако вскоре выяснилось, что его труд, невзирая на богатейшие, впервые напечатанные материалы, плохо расходится, мало читается. В чем дело? Полагаем, на то было несколько причин. Во-первых, нашлись критики, указавшие на ряд ошибок, неточностей Щербатова (об одном из них, Иване Никитиче Болтине, разговор пойдет в следующих номерах). Другая причина неудачи — довольно тяжелый язык историка. Дело не столько в недостатке литературных дарований у Щербатова, сколько в не завершенной еще ломке, происходившей в российской словесности: древнерусский язык обновлялся, превращался в современный, литературный быстрее всего в поэзии (Тредиаковский, Ломоносов, Державин), затем в драматургии (Фонвизин), труднее и медленнее — в прозе, публицистике, философии.

И наконец, дело и в том, что российское общество еще не столь готово к серьезному историческому чтению, как это будет 30—40 лет спустя, после Отечественной войны 1812 года, в карамзинско-пушкинском веке.

Щербатову помешали привести свой большой труд к совершенству его любопытнейшие занятия не древней, а современной, недавней российской историей. Ему был открыт доступ к бумагам Петра Великого, в том числе даже к таким секретным, как о царевиче Алексее, об отношениях Петра и Екатерины I, о «всепьянейшем и всешутейшем соборе». Разбирать петровские бумаги трудно, и Щербатов жалуется историку Миллеру: «Вот что мне приходится выносить для того, чтобы собрать историю моей родины; я не знаю, выдержит ли мое здоровье все те труды, которыми я обременен; но я убежден, что изучение истории своей страны необходимо для тех, кто правит — и те, кто освещают ее, приносят истинную пользу государству. Как бы то ни было, даже если я не буду вознагражден за мои мучения,— надеюсь, что потомство отдаст мне справедливость».

Кроме материалов о Петре, в бумагах Щербатова (частично приобретенных после его кончины для Екатерины II) попадаются любопытнейшие записи, фрагменты, «заготовки» — очень похожие на анекдоты «Table-talk», которые полвека спустя станет собирать и обрабатывать Пушкин. Те самые живые бытовые черточки, детали, через которые неожиданно проступает потаенная, запретная «большая история».

Так, 28 августа 1769 года князь воспроизводит застольный рассказ графини Румянцевой о смерти своего деда Артамона Сергеевича Матвеева: «Когда Петр Великий внезапно велел позвать ее посреди церемонии коронования императрицы Екатерины (I) — она приблизилась, император же стоял на четвертой ступеньке лестницы, именуемой Красной. Он сказал: «Именно здесь твой дед был схвачен стрельцами и сброшен вниз».

Подобных записей у Щербатова немало...

Если его «легальная» История прочно забыта потомками, то другая, секретная, напоминавшая о своем, XVIII веке, обогащенная «мемуарами» о ряде царей, министров, придворных, с годами приобретает популярность.

Рукопись Щербатова под заглавием «О повреждении нравов в России» далеко запрятана от «любопытства власти» детьми и внуками историка (среди внуков — декабрист Спиридов и сосланный на Кавказ за «Семеновскую историю» Иван Щербатов, Наталья Щербатова, жена декабриста Шаховского, великий мыслитель Чаадаев).

Текст «О повреждении...» вышел из тайника через 68 лет после смерти князя и впервые был опубликован бесцензурной Вольной печатью Герцена. Несмотря на аристократический консерватизм Щербатова, идеализировавшего старинную допетровскую Русь по сравнению с «поврежденными нравами» XVIII столетия,— Герцен отметил в этом сочинении убеждения человека, несомненно благородного, порядочного, неравнодушного...

Отрывки из этого труда дадут читателям представление об эпохе, идеях и манере повествования примечательного историка, публициста, государственного деятеля позапрошлого века.

Николай ЯКОВЛЕВ

Михаил ЩЕРБАТОВ

О ПОВРЕЖДЕНИИ НРАВОВ В РОССИИ

Россия, через труды и попечения сего Государя (Петра I), приобрела знаемость в Европе и вес в делах; войска ея стали порядочным образом учреждены, и флоты Белое и Балтийское море покрыли, коими силами победила давных своих неприятелей и прежних победителей, поляков и шведов, приобрела знатныя области и морския пристанища. Науки, художества и ремесла стали в ней процветать, торговля начала ее обогащать и преобразовались россияне — из бородатых в гладкие, из долгополых в короткополые, стали сообщительнее и позорища благонравныя известны им учинились. Но тогда же искренная привязанность к вере стала исчезать, таинства стали впадать в презрение, твердость уменьшилась, уступая место нагло стремящейся лести, роскошь и сластолюбие положили основание своей власти, а сим побуждением и корыстолюбие к разрушению законов и ко вреду граждан начало проникать в судебныя места. Таково есть состояние, в котором (не взирая на все преграды, которыя собственною своею особою и своим примером полагал Петр Великий для отвращения от пороков), в разсуждения нравов осталася Россия по смерти сего великаго Государя.

Воззрим теперь, колико, при двух громких царствованиях Екатерины Первой и Петра Втораго, пороки сделали шагов, дабы наиболее утвердиться в России.

Женский пол обыкновенно более склонен к роскошам, нежели мужской, и тако видим мы, что Императрица Екатерина Алексеевна Первая, еще при жизни супруга своего Петра Великаго, имела уже двор свой; камергер у нея был Монс, котораго излишная роскошь была первым знаком, доведшим его до поносной смерти; камер-юнкеры ея были Петр и Яков Өедоровичи Балковы, его племянники, которые также при несчастии его от двора были отогнаны. Любила она и тщилась украшаться разными уборами и простирала сие хотение до того, что запрещено было другим женщинам подобные ей украшения носить, яко то убирать алмазами обе стороны головы, а токмо позволяля убирать левую сторону; запрещено стало носить горностаевые меха с хвостиками, которые одна она носила, и сие не указом не законом введенное обыкновение учинилось почти узаконение, присвояющее сие украшение единой Императорской фамилии, тогда как в немецкой земле и мещанки ею употребляют. А такое тщание не покажет ли, что если лета зачали убавлять ея красоту, то уборами, отличными от других, тщилась оную превозвысить. Не знаю справедливо-ли сие мнение было, и прилично-ли Государю ежечасно подобно как в маскарадном платьи перед подданными своими быть, якобы не доставало ему других украшений могущих его отличить. По возшествии ея на престол, довольно чудным образом воспоследовавшем; ибо Петр Великий не с тем ее венчал царским венцем, чтобы ее наследницею своею учинить, ниже когда того желал; но умирая, не назнача наследника,— вельможи, а именно: Кн. Меншиков, зная слабость Императрицы; Толстой, боясь мщения от сына Царевича Алексея Петровича, законнаго наследника, за привезение и за смерть отца его, вопрося Ивана Ильича Мамонова, подполковника гвардии,— надеется-ли он на согласие гвардии полков и получа утвердительный ответ, пред собранными полками ее самодержицею провозгласили. Тако взошла сия государыня на все-российской престол: действие недостатка основательных законов.

И Петр Великий еще не охлодел мертвый, а уже не воля его, не право наследственное и привязанность к крови, но самовольное желание вельмож решило важнейшую вещь в свете, то есть наследство его престола.

Возшествие ея таким образом на престол следующия действия над нравами народными произвело. Она была слаба, роскошна во всем пространстве сего названия; вельможи были честолюбивы и жадны; а из сего произошло, упражняясь в повседневных пиршествах и роскошах, оставила всю власть правительства вельможам, из которых вскоре взял верх Князь Меншиков. Пышность и сластолюбие у двора его умножились, упала древняя гордость дворянская, видя себя управляема мужем хотя достойным, но из подлости произшед-

Рисунок Геннадия НОВОЖИЛОВА

шим — а место ея раболепство к сему вельможе, могущему все.

Краткое царствование сей императрицы впрочем больших перемен не могло учинить, окроме что вывоз разных драгоценных уборов и вин весьма умножился, и сластолюбие сие во все степени людей проникло, умножило нужды, а умножа нужды, умножило искание способов без разбору, дабы оные наполнить...

Посем Петр Вторый начал править сам государством, естли можно назвать правлением правление юноши государя. Кн. Ив. Алек. Долгоруков друг и наперсник Государев, толь ему любимый, что даже на одной постели с ним сыпал, всемогущий учинился. Пожалован немедленно был в обер камергеры, возложена на него была андреевская лента, пожалован в капитаны гвардии Преображенскаго полку гренадерской роты и все родственники его были возвышены, правя поизволениям их всеми делами Империи; престали науки Государевы, министры лишь для виду были допускаемы; все твердое и полезное отгонялось от двора, и пользуясь склонностью Государевой к охоте, она всех важных упражнений место заменяла. Однако, что погубило Кн. Меншикова, то не устрашило Долгоруких; они употреблялись старание, дабы им родственицу свою Княжну Екатерину Алексеевну, дочь Кн. Алексей Григорьевича, сестру Кн. Ивана Алексеевича, за Государя обручить. И в сем обручении нечто странное было; ибо хотя обручение сие было в присутствии всех и всего двора, но во время обручения Государь и его невеста были окружены Преображенскаго полку гренадерами, которые круг их под начальством своего капитана, Кн. Ив. Алек. Долгорукова, баталион-каре составляли.

Кн. Ив. Алек. Долгоруков был молод, любил распутную жизнь, и всеми страстями, к каковым подвержены младые люди, не имеющие причины обуздывать их, был обладаем. Пьянство, роскошь, любодеяние и насилие место прежде бывшаго порядку заступили. В пример сему, к стыду того века скажу, что слюбился он или, лучше сказать, взял на блудодеяние себе между прочим и жену К.Н.Е.Т. рожденную Головкину, и не токмо без всякой закрытости с нею жил; но при частных съездах у К. Т... с другими своими младыми сообщниками пивал до крайности, бивал и ругивал мужа бывшаго тогда офицером кавалергардов, имеющаго чин Генерал-Майора, и с терпением стыд свой от прелюбодеяния жены своей сносящаго. И мне самому случилось слышать, что единажды быв в доме сего Кн. Трубецкаго, по исполнении многих над ним ругательств, хотел наконец выкинуть его в окошко, и естли бы Степан Васильич Лопухин, свойственник Государев по бабке его Лопухиной, первой супруги Петра Великаго, бывший тогда камер-юнкером у двора и в числе любимцев Кн. Долгорукова, сему не воспрепятствовал, то бы сие исполнено было.

Но любострастие его одного или многими неудовольствовалось; согласие женщины на любодеяние уже часть его удовольствия отнимали и он иногда приезжающих женщин из почтения к матери его, затаскивал к себе и насиловал. Окружающие его однородцы и другие младые люди, самым распутством дружбу его приобретшие, сему примеру подражали, и можно сказать, что честь женская не менее была в безопасности тогда в России, как от Турков во взятом граде.

Привычка есть и к преступлениям, а сей был первый шаг, которым жены выступали из скромности и тихова жития, которое от древних нравов оне еще сохраняли.

Отец его Кн. Алексей Григорьевич, человек посредственнаго разума и единственно страстен к охоте — для коронации Государя всегда бывают в Москве, то после оный и присоветывал ему там утвердить свое житие, оставя навсегда Петербург. Приехал двор в Москву, но распутство не престало; по месяцу и более отлучение Государево для езды с собаками остановило течение дел; сила единаго рода учинила, что токмо искатели в оном чины и милости получали, а другие уже и к грабежу народа приступали. Желавшие угодить роскошным Долгоруким юношам пиры, со всею знаемою для них роскошью, делали...

БИБЛИОГРАФИЯ

Щербатов М. М. Сочинения, тт. 1—2. Спб. 1896—1898.
Щербатов М. М. История российская с древнейших времен. Тт. 1—7. Спб. 1901—1904.
Щербатов М. М. Неизданные сочинения. М., 1935.
О повреждении нравов в России князя М. Щербатова и путешествие А. Радищева. Факсимильное издание. Издательство «Наука», М., 1984.

ВОПРОС — ОТВЕТ

Основателями первых декабристских обществ были Муравьевы, Трубецкой, Пестель и т.д. Однако приходилось слышать, что называют «первым декабристом» В. Ф. Раевского. Почему?

В литературе действительно можно найти такой своеобразный титул — «первый декабрист». Молодость В. Ф. Раевского напоминает судьбу многих других декабристов. В 1811 году он окончил Московский благородный пансион, затем воевал с Наполеоном, вступил в Союз благоденствия, а после его роспуска — в Южное общество. Раевский много писал, что тоже весьма типично для его окружения, причем сохранились весьма разнообразные сочинения— стихи, мемуары, политические рассуждения. Он служил в Молдавии, был адъютантом знаменитого деятеля Южного общества—М. Ф. Орлова — и действовал вполне согласно с идеями своего шефа: его усилиями учреждаются солдатские школы, функционирующие по известной ланкастерской системе, так пугавшей светское общество в «Горе от ума». Словом, обычная биография, если бы не последующие происшествия. 6 февраля 1823 года он был арестован. Следствие по его делу тянулось шесть лет. Понятно, что если сначала он мог рассчитывать на помощь остававшихся на свободе друзей по обществу, то после 1825 года эти надежды рухнули.

В то же время оказалось, что Раевский непосредственно не замешан в событиях декабря 1825 года, не сказал и не совершил многого из того, что мог бы. В результате и судьба его оказалась мягче, чем у многих его друзей. В 1827 году он был лишен чинов и дворянства и сослан в Сибирь на поселение. Так что свой титул — «первый декабрист» Раевский получил как первая жертва самодержавия среди декабристов.

ТОЧКА ЗРЕНИЯ

«МОТОР» ПЕРЕСТРОЙКИ

Инар МОЧАЛОВ, философ

Припоминаю, как в начале 70-х годов мой безвременно скончавшийся друг Игорь Михайлович Забелин, крупнейший натуралист нашего времени, в одном из очерков охарактеризовал интеллигенцию как особый и вполне самостоятельный класс. Боже мой, что тут поднялось! Еще бы, этот «отступник» осмелился, видите ли, поставить интеллигенцию в один ряд с нашим наиреволюционнейшим рабочим классом и вернейшим союзником его — колхозным крестьянством. Некоторые интеллигенты, дорвавшиеся до государственной кормушки, то бишь до политической и идеологической власти, особенно были возмущены кощунством Забелина, хотя ни один представитель рабочего класса или крестьянства, честь которых, казалось бы, была затронута в наибольшей степени, особого беспокойства по этому поводу не проявил.

ИСТОРИЯ ПОКАЗАЛА И ДОКАЗАЛА ПРАВОТУ И. М. ЗАБЕЛИНА: В ПЕРЕЖИВАЕМОЕ НАМИ ВРЕМЯ РЕВОЛЮЦИОННОЙ ПЕРЕСТРОЙКИ ВСЕХ СФЕР ЖИЗНИ ИНТЕЛЛИГЕНЦИЯ ВЫДВИНУЛАСЬ НА АВАНСЦЕНУ СОЦИАЛЬНОГО ПРОГРЕССА — КАК КЛАСС.

Как класс, производящий духовные ценности культуры, обладающий бесспорным правом собственности на них и щедро отдающий эти ценности другим классам и прослойкам нашего общества.

Если попытаться кратко определить квинтэссенцию перестройки, то я сказал бы так: революция Духа, а в качестве главного ее ядра выделил бы раскрепощение, всестороннее и глубинное освобождение Сознания от всех и всяческих пут и оков, догм, стереотипов, нелепых заданных канонов, какими бы привлекательными и самоочевидными они ни казались в прошлом. В силу этого интеллигенция призвана выступить в перестройке как ведущая революционная сила, одновременно сама все более революционизирующаяся по мере расширения и углубления процесса демократизации. Вряд ли стоит останавливаться на конкретных фактах, подтверждающих сказанное,— каждодневно средства массовой информации подбрасывают нам все новую пищу для размышлений в этом плане. Я хотел бы только обратить внимание на выполняемую интеллигенцией важнейшую конструктивно-критическую функцию, играющую роль своего рода мотора перестройки: если заглохнет мотор — остановится и вся машина.

Поэтому сетования некоторых прeдставителей власти на то, что иные интеллигенты забегают вперед, берут слишком круто влево или даже идут не туда, мне представляются либо проявлением традиционно подозрительного отношения верхов к исконно крамольному умственному пролетариату, либо при благих намерениях непониманием той важнейшей социальной роли, которую объективно вынуждена взять (а во многом и уже взяла!) на себя интеллигенция. Эта роль тем более ответственна, что она полностью гармонирует с переживаемым ныне процессом перехода биосферы в ноосферу и созидания на нашей планете качественно новой всечеловеческой цивилизации — процессом, принять в котором достойное участие наша Родина будет в состоянии, только став в полной мере страной обновленного социализма.

Остается фактом, что не кто иной, как именно интеллигенция, сумела правильно определить главных противников перестройки. Это административно-командная система и та обозначившаяся в ней элитарно-бюрократическая прослойка, которая непосредственно заинтересована в сохранении и упрочении этой системы, ибо является прямым ее порождением, а потому и самым последовательным и стойким защитником.

Бесспорно, одолеть этих противников будет очень и очень нелегко. Но борьба уже начата и идет, на мой взгляд, по нарастающей кривой. И опять-таки конечный успех в этой борьбе будет в решающей (в чем я абсолютно убежден) степени определяться тем, какую позицию займет наша интеллигенция, насколько сумеет она правильно определить стратегию и тактику этой борьбы, сумеет соединить все это со своей нравственной позицией, своими повседневными действиями, поступками.

В конечном счете это связано с внесением в самые широкие массы, во все классы, слои и прослойки нашего общества подлинно ноосферного начала, ибо только на этой основе возможно сплочение, возможна консолидация всех сторонников перестройки при всех имеющихся между ними личностных, профессиональных и прочих различиях. И можно быть уверенным, что в решении этой благородной задачи найдется место каждому интеллигенту, никто не останется безработным.

И последнее — о позиции нашей власти, то есть сравнительно небольшой части интеллигенции, которой волею судеб довелось стать у руля и от поведения и действий которой сейчас зависит если не все, то очень многое. Не будем лукавить — долгое время эта часть интеллигенции фактически находилась вне основной ее массы, парила над ней в некоем запредельном пространстве и неуклонно утрачивала свое интеллигентное содержание, вырождалась и перерождалась в нечто, по сути своей враждебное не только интеллигентности вообще, но даже и элементарной разумности. К счастью, ситуация сейчас начинает меняться к лучшему. Но процесс идет пока весьма неравномерно и противоречиво. И все же есть, как мне представляется, веские основания для оптимистического взгляда в будущее. Духовная революция продолжается, вовлекая в свою орбиту все новые слои интеллигенции, ее нижние, средние и верхние «эшелоны», а сама интеллигенция все более выступает как единое целое, как ведущая сила нашего обновления.

УТРЕННИЕ ГОЛОСА

Борис ЧЕРНЫХ

Летом по утрам снятся Юрке Смолинскому диковинные сны. Бугор за Ниловой пустошью будто проваливается в бездну, роща возле Церковного пруда теряет листву, и ветер несет снег, кладбище с черными крестами над могилами кочетовцев становится белым.

В избе тихо и сонно. Посапывают сестры, отцово место на кровати пустует. Ухватом громыхнула на кухне мать.

Все привычно: запахи, вещи, звуки — зыбкие знаки утра. Зачем, однако, белый снег посреди лета пригрезился?

Юрка с печи спрашивает мать:

— Зачем, мам, все белое снится?

— Чего-о? — удивленно смотрит на Юрку мать. Самой Антонине Петровне давненько не снится ничего — день проходит в колготне, ночь в забытьи.— А у бабки Домны поди расспроси, она разгадывать сны мастерица.

В домике на берегу пруда взрослыми шагами меряет горницу Серега Уваров, мужчина на двенадцатом году. Сереге в Ахматову лощину коров гнать на выпас. Холщовая сумка за спиной, кургузый армячок на плечах. Недлинный, но громкий — когда пугнуть надо — кнут, с крепким кнутовищем, под мышкой...

Серега Уваров третье лето подряд ходит в подпасках у Коляши, старшего брата. Так судьба распределила — всем мальчикам и девочкам в Большой Кочетовке спать до позднего утра, разгадывать цветную дрему, а у Сереги с Колей главные хлопоты летом и главный заработок.

Придет осень, они и осень прихватывают, пока за Серегой не явятся строгие учителя — в школу, дескать, пора.

Подвязавшись ремешками, братья выходят на улицу. Пруд дымится, рыбешка плескается. Сейчас самый клев, но братьям не до того. Рожок — Коляша ладно на рожке играет — поет над Кочетовкой: «На выпас, на выпас...»

Сереге эти утренние минуты нравятся. Коровы смирно идут по сухой дороге, кнута и окрика не требуют. Буренки здороваются друг с другом, трутся мордами.

Пыль пробилась из-под копыт. Стадо в сборе и мерно, с достоинством движется за деревню.

Серега на ходу проверяет, добры ли сегодня хозяйки. Две пол-литры парного молока, огурцы с теплой гряды, шмат соленого сала. У Коляши картошка, спички и махорка.

Дождя не будет, как не было его вчера и позавчера. Лето стоит злое — уже в десять утра сушь перехватывает горло, дышать нечем, полдень жжет босые пятки. Войдешь в болотце — оно по колено, обмелело, и вода кислая, в пузырях.

Подпасок в эти дни и часы отдыхает, спрятавшись в шалаш. Вот чем хорошо засушливое лето: сморившись под солнцем, стадо громко дышит, не желая идти в бега. Коровы выдыхали, селяне дуются на Серегу и Коляшу, а это уж не дело — быть в найме у сердитого хозяина.

Но уговор остается уговором — осенью получат братья по шесть рублей с головы и по рублю за гулиуниванье, за случку. Восемьсот рублей принесут в дом, мать купит им по костюму, справит обутки. В пятый класс Сергей придет ничуть не хуже других: в черном пиджаке и в новых ботинках на микропоре.

Однако прежде уроков будет застойная тишина летних вечеров. Деревенская гармошка, что бродит с весны вокруг клуба, теперь замолкла. Мужики хмуры и неразговорчивы — второй год нет урожая; женщины нервны и возбуждены. Одни дети остаются детьми, и я наблюдаю их забавы.

Так-то вот и познакомился я с Тоней Кудасовой...

Увидел ее впервые на лугу возле школы. Как и все, Тоня отдавалась игре, но раза два стрельнула в мою сторону тревожно и пристально.

Завезли в Кочетовку игру из Тамбова (а может, из Гамбурга?) «штандар-стоп», но добавили свое: выбирают женихов и невест.

Девочки в конце кона зажимают на руке пальцы, кто сколько, два или три, в разных сочетаниях. Например, мизинец и большой.

Смолинский угадывает:

— Указательный!

Выходит Тоня Кудасова, тоненькая девочка. Она загадала указательный, и Юрка выбрал ее в невесты. У Тони черная косичка на плечо упала, светлый бант готов, как бабочка, сорваться и улететь. Тоня нравится Юрке, но холодок в ее глазах и взрослость отпугивают мальчишек.

Играли прошлое лето за селом в прятки, но нынче боятся темноты. Я выпытываю у Сереги Уварова причину страха. Оказывается, Копузей-Копузей (кличка деревенского скомороха Николая Михайловича) рассказывал, что в посадках поселились тюремщики. Никто их, конечно, не видел, но Серега утверждает, что Копузей врать не умеет. Проверено, дескать, не раз...

Впрочем, по порядку.

Однажды Юра Смолинский позвал меня на рыбалку. Когда-то мальчиком проводил на пруду ночи Александр Андреевич, Юркин отец. Нынче пруд усох, камыш на обнажившихся берегах свиристит, будто жесть, но и этим летом пруд главная услада кочетовских пацанов. Здесь они играют в салки и в войну. На берегу место для сборищ с утра допоздна.

Прихватив ведро и котелок для чая, идем на пруд, делаем таганок, собираем дровишек.

Клев поначалу бойкий.

В сумерках братья Уваровы пригнали стадо из Ахматовой лощины. Подошел к нам Серега, высоким голосом обещал принести закидушку с колокольцем.

Густая темень потихоньку подступила к селу и накрыла его, окна на том берегу недолго горели — уставшие мужчины и женщины рано шли на покой. Костер наш, загоревшийся было, потух.

Я собирался задремать, положив под бок брезентовый плащ, но тут явился Серега, приказал встать:

— Надо размотать закидушку, наживку насадить и бросить. Умеешь бросать?

— Умею,— сказал я.— Уж как-нибудь брошу.

Я приноровился, сделал шаг вперед и зафуговал болванку, к которой крепился конец закидушки, в темноту. Серега похвалил меня, привязал к нашему концу лесы колоколец — он нежно звякнул в его руке — и молвил:

— Юра, я пойду до дому, а то Коляша раскричится. А вы утром, как запоет, не сразу вынайте.

— Да иди ты, иди! — сердито сказал Смолинский. Ему досадно,— малыш наставляет его, восьмиклассника, при постороннем.

— Я и пошел.— Серега вытолкнул уголек из костра, придымил бычок, невесть откуда явившийся, и исчез.

Мне не спалось и не лежалось. Небо было усыпано большими, с кулак величиной, звездами.

Незаметно я задремал и на заре сквозь дрему вдруг услышал мелодичный хрусталик. Он качнул тишину, захлебнулся, потом позвал, будто со сна, долго и тонкоголосо.

Колоколец то умолкал, то начинал новую песенку. Помня совет Сереги «не сразу вынать», я не торопился будить Юру.

Полоска света расползалась за темным пятном школьного сада.

Неожиданно от дороги послышался приглушенный голос Александра Андреевича Смолинского:

— Ордынцы, где вы запропастились?

Я отозвался.

— Не выдюжил я, Иваныч! Дай, думаю, на зорьке посижу. Эге, а Юрка-то мой спит?! — Александр Андреевич снял пиджак и накинул на сына, тот не очнулся.— Давай задымим, что ли? Знаешь ли ты, Иваныч, сколько я поработал на своем веку? За сына и за внуков, если они народятся! Не дай бог никому. В сорок первом батьку взяли на фронт. А мы остались. Мне одиннадцать, братке и сестре три и четыре года. Батьку как взяли, так и канул. В сорок третьем открытка пришла от Клевшина, вместе они уходили. Пишет, что эшелон въехал на станцию Мотыли чи Копыли, за Воронежем, а там немец. А они, наши-то, безоружные, их в часть везли, обмундировали, а оружия не дали. Ну, немец построил их поротно и погнал. Клевшин удрал с этапа, а батьки и след простыл. Матка меня главным в доме сделала, а сама все пропадала на поле да в коровнике. Шла раз домой через пшеницу, намолотила ладонями карман зерна, прямо со стебля. Ее и застукали. Да по военной статье и выдали...

Остался я за хозяина. Ни бабки, ни дедки. Деду еще до войны бадьей в колодце прибило. Знаешь, на порядке, где Илья Голодный живет, колодец повиликой обтянуло? Деду памятник. Чистил он этот колодец, и уронили ему бадью прямо на темя. Там ведь не увернешься, не прыгнешь в сторону. Как в танке.

Изба у нас была черная, тараканы бегают. Посадил я малолетних родственников против себя, говорю: пищать будете, посрываю головы. Они видят, матки нет, никто не заступится. Молчат.

Пошел по домам. Не попрошайничать! Кому сараюху вычистить, кому завалинку засыпать, кому картошку выкопать. Смотрю, день прошел — живем, два — не померли. Холода подходят. Дверь в пазах разошлась — сбил топором. Трубу глиной обмазал, вторые рамы вставил. Зимовать будем, говорю родственникам.

Про запас с деревенских беру и капусту, и картошку, и свеклу.

Вдруг тетка городская приехала, с бумагой. Кличут меня в детдом. Как же, щас штаны сниму! У меня самого воспитаннички — не отдавать же их в приют. Не отдал. И сам не пошел. Три года отдубасил. Крышу перекрыл, козу завел и доил...

Помню, как-то стою во дворе и вижу — матка моя идет, не идет, а бежит. Я в избу, кричу: «Сойдите на улицу, жалуйтесь матке, плачьтесь, где вас обидел... Больше не родитель я вам! Спать лягу, до утра не встану, не поднимете. В школу пойду, книжки читать научусь — не оторвете меня от книжек».

В школу так и не пошел. Сеял и косил, печи клал и навоз вывозил в поле. После трактор освоил... Теперь Юрка ткнется к машине иль к рубанку, я как шугану его: «Марш на стадион, за меня поиграй, за батьку своего, за детство его окаянное».

Наш утренний улов невелик, полведра. Я доволен. Смолинские — нет. «Разве это улов?» — разочарованно сказал Юрка.

Приближалась пора занятий в школе, но даже ночи не приносили прохлады. Похоже, и осень отстоит под солнцем. Оно вроде и ничего, если думать об уборочной, да урожай-то нынче какой? Не уродилась капуста, завяли на кусту помидоры и огурцы. Иные хозяева спасали огороды с пруда, но и пруд совсем обмелел...

В один из августовских дней пришли женщины к школе, сильно шумели, потом разошлись по классам, запахло свежо и резко гашеной известью, и пахло долго.

Шестнадцатого сентября на рассвете застучало в крышу, будто кто-то в сапогах стал бегать по ней. Я вскочил, вышел на улицу — дождь сек округу и сад! Легкий туман курился над пашней и огородами.

Натянув плащ, пошел я к школе, миновал ее, побрел к пруду. В избах на берегу зажглись огни.

Бабка Домна вынесла Божью матерь, с непокрытой головой стояла на улице. Возле других домов тоже были люди. Все молчали. Только дождь, большой и высокий, долдонил все громче и настырнее, потом разом остановился, как по команде.

В школе объявили праздник. Директор сказал на линейке:

Продолжение на стр. 56

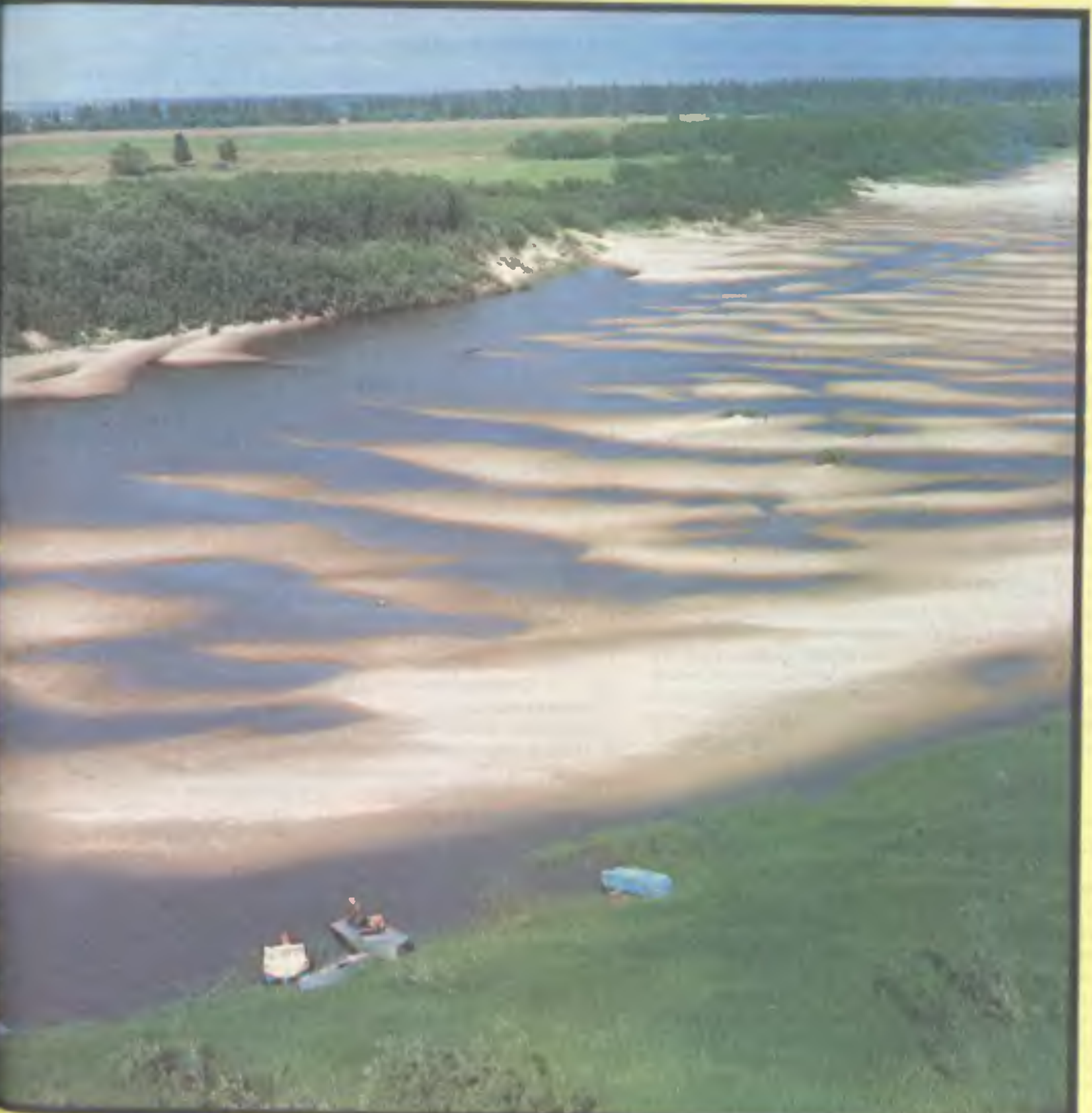

Перед самым рассветом бывает удивительная минута, когда все в природе замирает. Хотя еще темно, но уже исчезло тревожное таинство ночи с ее невнятными шорохами и неясным движением невидимых ночных обитателей.

Замерли травы, деревья. Умолкло все. Даже самый малый из ветерков угомонился где-то в тяжелых от росы камышах.

Но вдруг словно хрустальная капля упала в серебряный кубок. И грянул хор — утреннее приветствие солнцу!

УТРЕННИЕ ГОЛОСА

Начало на стр. 52

— Надо жить сегодня по-особому. Сто тридцать дней засухи миновали. Будем писать сочинение «Первый дождь в Кочетовке»...

У меня урок в восьмом классе. Так получилось. Школьный историк заболел, и директор, мой старый товарищ, зазвал меня вести уроки с четвертого по восьмой класс: «Поживешь еще в Кочетовке — и тебе, и нам польза». Что ж, я согласился. Наступила такая пора в моей жизни, что торопиться вроде некуда, и крестьянские дети угрели мое сердце, истомившееся по родному углу, по всамделишным нравам, пусть нравы эти далеки от совершенства...

Не торопясь ищу журнал. Слышу запах прибитой дождем пыли — окно в учительской открыто; вижу, как ходят по сырой дороге грачи. Звонит звонок, трель гуляет по двору, вкатывается в коридор. Гомон недолго стоит в коридоре. Иду в класс.

Ребята встают, я здороваюсь.

— Посмотрите на улицу,— прошу,— откройте окна. Послушайте, подышите.

Клен с надломленной вершиной стоит в палисаднике умытый, мы видим чистую бронзу его листьев. Ветра нет, облака медленно плывут в небе...

Наверное, это первое сочинение в их жизни, когда нельзя припомнить строчку из учебника, а приходится брать ощущения прямо из жизни, из утра, и писать их.

Я наблюдаю. Шариковая ручка Юрки Смолинского летает над бумагой, сам он весь ушел, врос в парту. Сосед Юркин, шалун несусветный, сосредоточен и тих. Потом я прочитаю в его неровных строчках, как он кормил свежей травой кроликов: «Кролики хрустели и просили еще добавки. Я давал им понемножку, и они смеялись. Я чуть не опоздал в школу».

Отказалась писать сочинение Тоня Кудасова. Тихо просидела два урока, сдала пустую тетрадку.

В учительской я спросил:

— Тоня не захотела писать про дождь. Как это понять? Два урока о чем-то дальнем думала, и вот результат...

Мария Филипповна, старая литераторша, полистала ее тетрадку и вздохнула.

— Причина серьезная.

Вот уж не гадал, что пройдет три месяца, и мы сойдемся крепко с Коляшей, старшим братом Сереги Уварова, на праздники будем пить вино и рассуждать о политике.

У Коляши забота — жениться и Серегу довести до ума. Должность пастуха, правда, малопочтенная нынче для молодого парня, но прибыльная. Коляша частенько навеселе, в клубе затевает драки. Два раза его били легко — «учили», в третий раз схлопотал посильнее и отлеживался. Приходил к нему начальник колхоза, мужик тугодумный, усовещал, на Серегу показывал: «Плохой пример подаешь». Коляша хотел стерпеть, но вдруг закричал:

— Никитке ноги ломать буду, дай подняться!

Председатель плюнул и ушел, но, видно, передал Никите Копылову, допризывнику, остерегаться. Никита поймал возле школы Серегу и велел наказать брательнику в клуб не ходить одному.

Узнал я об этом, беседовал с братьями и уговорил замириться. И точно — на седьмое Коляша и Никита пришли ко мне в обнимку...

А в школе симпатии мои отданы Юрке Смолинскому и Сереге. На уроках из пестрой толпы Серегина взрослость проступила явственней, а Юркина инфантильность как бы притухла. Оно и неудивительно: нынче редкая семья в Кочетовке без отца, а в полных семьях достаток уничтожил раннее становление характера.

Однажды Серега Уваров пришел в школу сердитый и нахохленный. Молчал, в точку глядел. Я из духа противоречия решил вызвать его. Он встал, к доске не пошел.

— Не учил, что ли? — спросил я. Молчит.

Я спросил его по прошлому уроку — память у Сереги цепкая, уж что-нибудь да ответит. Снова молчит.

Я рассердился и поставил двойку. Событие из ряда вон — никогда не ставлю двоек, чтобы не породить ненависти к истории. А тут поставил. Но что-то покоя не давало — наведался домой к нему.

Мать вздохнула:

— Да ведь Дозор сдох у него. Щенок любимый, белошерстный. Сдох ни с того ни с сего.

Пришлось мне извиняться на уроке перед Уваровым.

У Юрки Смолинского таких переживаний никогда не было, нет и, наверное, не будет...

С первым снегом ушла на вечный покой бабка Домна, хоронили ее всем селом.

— Вот и сны твои дурные сбылись,— сказала Юрке мать, но Юрка уже и сны забыл, и рыбалку нашу с колокольцем, а о бабке отозвался простодушно:

— Старая была, чего жить-то дальше? — схлопотал от отца щелчок. Через час я видел Юрку веселым, как прежде. Он задирал ребят, егозил. Одним словом, вел себя обычно.

Когда объявил я чтение книжек вслух, Юра пришел одним из первых, но хорохорился: неинтересно-де. И все-таки история Белого Бима — Черное ухо, бесхитростно рассказанная Гавриилом Троепольским, взяла в полон и Юрку: сидел не шелохнувшись. Свет потух — терпеливо ждал, когда лампу семилинейную заправим. Пришла на чтение и Тоня Кудасова. Я обрадовался, не знал, куда и усадить ее.

— У вас один журнал, а у папы весь «Бим» в подшивке,— обмолвилась она.

Действительно, мы раздобыли в районо лишь начало, продолжение я решил искать в деревне. Попросил Тоню принести, но она замялась и не обещала. Пришлось идти самому.

Морозы уже заковали церковный пруд, и грязь застыла на дорогах. Василий Васильевич сидел дома, валенки подшивал.

Я спросил:

— А где же Тоня дотемна гуляет? На дворе хоть глаз выколи.

— А Тоня со мной не живет,— сказал Кудасов.— Тоня с матерью живет, неподалеку.

Я прикусил язык, попрощался и ушел. Приезжему не сразу открывается потаенное.

Поссорившись с женой, Василий Васильевич оставил ей дом и хозяйство, а сам женился на монашке. Чем взрослее становится Тоня, тем все труднее видеть ей старика отца (а Кудасову скоро шестьдесят стукнет) рядом с монашкой. На одной улице живут, через пять домов, а смотреть в глаза друг другу не могут...

Вскоре довелось познакомиться и с Тониной мамой. Позвала меня в гости сама Тоня. Странно както позвала, будто чего не договаривая. Но настойчиво. Я не посмел отказаться.

Сели мы за стол, чай пили. Тоня молчала.

— Помогаешь ли ты маме? — спросил я по-учительски строго и дежурно.

— На ферме я не нуждаюсь в ее помощи. А домашнее хозяйство вместе ведем. Игорь баловнем растет, а Тоня девочка серьезная. В школе, правда, обижаются за ее характер, но я-то знаю, она участливая... Когда суд приехал в Кочетовку и все говорили, что меня посадят, одна Тоня сказала: «Ты мама, не виновата, поэтому будь спокойна». Спокойной я не сумела остаться, но суд не признал меня виновной в том, что темные люди, взломав замок, ограбили сельмаг... Я была продавцом. Ездила к родне на Волгу, вернулась, а магазин настежь. Вот вы новый человек в деревне, скажите мне: до каких пор будут меня звать воровкой?

Тут Тоня опустила плечи. Игорь молча смотрел на меня.

— Пошла я учетчиком на ферму. А там доярки в молоко воду льют, за надои борются. Я говорю: «Негоже, девчатки вы мои милые». А они мне: «Молчи, воровка»... Как жить дальше? Потом стали следить за мной. Я в Токаревку, они за мной. Я в Тамбов, они за мной...

— Кто они? — спросил я.

— А это уж вам лучше знать,— пряменько, но поверх меня и далеко глянула Александра Васильевна.

— Мама,— попросила Тоня,— не надо, мама.

— Надо, дочка!.. В поезде следят... Я везу сувенир, а это не сувенир, а ключ от магазина...

Александра Васильевна встала и принесла ключ всамделишный, но из бронзы, в стеклянной шкатулке. Вязью выведено слово «Волгоград».

— Они сувенир хотят отобрать у меня...

Я молчал, постигая в отчаянии всю трагичность положения этой девочки и этого малыша, живущих с полубезумной, хотя и доброй мамой.

Скоро Тониной маме стало плохо. Пришла в школу, к директору, говорила бессвязные речи, поймала за рукав меня в коридоре, сказала шепотом:

— Сувенир-то закопала... В палисаднике землю топором разняла, ямку вырыла и в ватку укутала ключик, никто не увидит, не выведает... А они что решили: раз магазин сгорел, то я подожгла его... А если на коровнике пожар?

Среди вздора вдруг выклик исстрадавшейся души:

— Заберут меня, Тоне с Игорем елку на Новый год сделаете? Поставите елочку, а?

Александру Васильевну отвезли в Тамбов, в больницу, Тоня осталась одна. Мы уговаривали ее перейти в интернат при школе, она наотрез отказалась:

— Сама проживу!

— Ну, хоть Игоря давай поселим в интернате.

— Не дам. Пусть дома живет. Картошка и капуста у нас есть, а из муки я оладьи умею печь.

На миру, без войны, родилась в Кочетовке новая семья сирот при живых родителях. Одно утешение — жизнь для Тони, как и для Сереги Уварова, явилась всеми сторонами сразу, и они выдюжат, как выдюжил в свое время Саша Смолинский, Юркин отец. Но утешение это горькое.

Не вытерпев, я зашел как-то к Тоне в гости. Она стирала. Игорь кастрюлей носил воду из колодца. В избе было чисто. Топилась печь.

Через день привезли зеленые елки к колхозному клубу. Я вел урок в пятом. Ребята повскакали с парт, загалдели. Я велел всем одеться — пальтишки висят прямо в классе,— повел их к грузовику, на котором стояла колючая роща.

Серега Уваров хозяйственно осмотрел елки и прицепился:

— Рубля три, не меньше, стоят.

Перед самым моим отъездом женился Коляша, в жены взял молоденькую учетчицу. На свадьбе гуляло полдеревни. Мать Юрки Смолинского выводила дробь возле правления колхоза:

Теща на свадьбу
Пирог пекла...

И женщины подхватывали:

Пирог пекла,
Стекла натолкла.
Угощала:
Ах, милый зятек,
Проглоти чуток,
Не жевамши!..

Тут же крутились дети, бедокурили, насмешничали.

Серега Уваров сидел в кошелке, был слегка выпивши, на брата и невесту его смотрел преданно, как собачонка. По всему видно было: и гордился событием, и жалел, что кончились Коляшины веселые денечки. Может, и в Ахматову лощину больше не гонять им деревенских коров, не жечь костры на болоте, не спать, раскинув руки, в тесном шалашике под металлический звон комаров...

Тамбовская область

Что помнит горожанин о деревне? Летний отдых. Поход за грибами. Загорелых ребятишек. Жаркий июльский полдень в цветущих лугах. Но деревня еще и труд — каждодневный, без выходных и отпусков.

Фото Сергея ВЕТРОВА, Александра ЗЕМЛЯНИЧЕНКО и Василия МИШИНА

Мария ЧЕМЕРИССКАЯ

КОГДА ПРИДУМЫВАТЬ ПОБЕДЫ СТАЛО НЕВОЗМОЖНО

О ЦЕНЗУРНОЙ РЕФОРМЕ В РОССИИ СЕРЕДИНЫ XIX ВЕКА

В 1855 году в России слово «весна» стали употреблять не только в буквальном смысле. Казалось, обновление переживала не одна лишь природа, но и общество. Появление весной того года рассказа Л. Н. Толстого, правдиво повествующего о военных событиях в Севастополе, было воспринято как событие прежде всего политическое. Хотелось думать (тем, кто не отвык еще думать), что новый царь желает знать правду.

Проигранная война обнажила основу всех бед страны — техническую отсталость, коррупцию, рабство. Правителям — новому царю и его окружению — необходимо было искать выход из катастрофической ситуации. И тут обнаружилось, что те, кто правит огромной империей, не только не знают решения вопросов и не очень представляют себе их суть. На кого опереться, с кем посоветоваться?! Для этого надо было предоставить народу возможность высказываться. Российские подданные практически были лишены этой возможности.

В конце царствования Николая I цензурный гнет дошел до полного абсурда. Верноподданнейшему Ф. Булгарину попало за замечание о том, что в Петербурге плохой климат. Сообщения о событиях в других странах буквально просеивались, дабы не было аналогий. В начале Крымской войны печатались лишь победные реляции, а когда стало невозможно выдумывать победы, тогда и вовсе запретили упоминать о военных действиях, даже в художественной литературе. Публикация «Севастопольских рассказов» вселяла надежду.

В декабре 1855 года отменяется так называемый «бутурлинский комитет», осуществлявший фактически жандармский надзор за литературой. В распоряжении прямо указывалось, что притеснение печати может быть опасно для самодержавия, поскольку ведет к росту подпольной литературы.

Для таких наблюдений были все основания. С 1853 года в Лондоне начинает работать Вольная русская типография. Открывая ее, Герцен обратился к соотечественникам с таким призывом:

«Отчего мы молчим?
Неужели нам нечего сказать?
Или неужели мы молчим только оттого, что мы не смеем говорить?

. . . .

Открытая вольная речь — великое дело, без вольной речи — нет вольного человека. Недаром за нее люди дают жизнь, оставляют отечество, бросают достояние. Скрывается только слабое, боящееся, незрелое. «Молчание знак согласия»; оно явно выражает отречение, безнадежность, склонение головы, сознанную безвыходность. Открытое слово — торжественное признание, переход в действие».

Однако не сразу издания типографии (прокламации, брошюры) нашли в России своего читателя. Только после смерти Николая I, с появлением первых выпусков «Полярной звезды», которая провозгласила своим лозунгом «Освобождение слова от цензуры», положение изменилось.

Война породила в самой России другого рода бесцензурную литературу — не столь революционную, в большинстве своем патриотическую, часто ортодоксально-монархическую (М. Н. Погодин), но в ней содержались собственные взгляды авторов на события. Началось особое оживление литературы, посвященной прежде всего проблемам войны. Одни (славянофилы) ратовали за продолжение войны во что бы то ни стало, другие (например, граф М. С. Воронцов) требовали скорейшего заключения мира. Эти произведения расходились в списках. Слово становилось поистине неуправляемым.

Правительство понимало, что перемены в области цензуры необходимы. Отошли в прошлое случаи, когда поваренная книга выходила с помарками, а сообщение о повышении извозчичьей таксы вызывало переполох в цензурном комитете. Появились журналы «Русский вестник» (либерально-западнического направления, редактор М. Н. Катков) и «Русская беседа» (славянофильского направления, редактор А. И. Кошелев). «Современнику» разрешалось печатать корреспонденции с театра военных действий. В начале 1856 года «послабления» по отношению к печати стали еще заметнее. Но законодательно они никак не были оформлены. Продолжал действовать цензурный устав 1828 года.

Цензура в целом находилась в ведении министерства просвещения. Существовали также особые цензурные комитеты по различной тематике (духовная цензура, военная цензура). Местные цензурные комитеты, формально подчинявшиеся центральному, зачастую проявляли собственную запретительную инициативу. Строжайшая регламентация сочеталась с почти неограниченным произволом.

Невозможность дальнейшего существования такой системы понимали многие, в том числе и те, кто входил в цензурный комитет. Членом комитета был князь П. А. Вяземский. Известный поэт, в прошлом друг Пушкина и декабристов, хотя к тому времени во многом отошел от убеждений молодости, но у него не было сомнений в том, что печати должна быть предоставлена бóльшая степень свободы. Он, например, резко возражал против запрещения статьи, сопоставлявшей положение Франции и Голландии, в которой его коллеги по цензурному комитету усмотрели намеки на Россию. В обязанности цензора, говорил он, входит наблюдение за тем, что написано, а не за тем, что намеревался сделать автор.

Сторонником преобразований в цензурном ведомстве был и министр просвещения А. С. Норов, в прошлом участник Отечественной войны, переводчик, автор записок о путешествии по Сицилии, Сирии, Палестине, брат декабриста. Как человек умеренных взглядов, он понимал, что аномальность ситуации с цензурой была слишком явной.

Сторонниками расширения гласности выступали так называемые «либеральные бюрократы» (они же «просвещенные») — С. И. Зарудный, А. П. Заблотский-Десятовский, братья Милютины и другие. В самом начале царствования Александра II к этой же когорте принадлежали П. А. Валуев и А. В. Головнин. Думающих представителей бюрократии беспокоила невозможность эффективной деятельности аппарата в условиях излишней централизации и всеобщей коррупции. Бороться со злом, не вскрывая его, было невозможно. Сохранились записки П. А. Валуева «Дума русского. 1855». Отличительные черты отечественного государственного управления, как он утверждал, состоят «в повсеместном недостатке истины, в недоверии правительства к собственным своим орудиям и в пренебрежении ко всему другому. Законы не соблюдаются, и канцелярские формы не могут предупредить растрат».

Эти записки, ходившие по стране в рукописи, стали известны великому князю Константину Николаевичу и вызвали его живейшее одобрение. Автор получил приглашение сотрудничать в «Морском сборнике». (Напомню читателю, что брат царя, возглавлявший в то время морское министерство, первым подал пример гласности — подготавливаемую реформу флота он поставил на широкое обсуждение.) В «Морском сборнике», издававшемся министерством, сотрудничали виднейшие публицисты того времени, люди зачастую достаточно далекие от чисто флотских проблем. Среди авторов был Н. Г. Чернышевский. Тут обсуждались вопросы о казнокрадстве, произволе, палочной дисциплине. Вслед за «морским» появился «Военный сборник», достаточно правдиво рассказывавший о проблемах русской армии, которая долгое время считалась непобедимой и тем не менее потерпела позорное поражение. Откровенный разговор шел по традиционно наиболее «закрытым» проблемам. Однако в 1858 году издание сборников было прекращено, а комитет военной цензуры распущен «за мягкость». В ответ появились два новых цензурных комитета. Они взяли под контроль произведения, посвященные Сибири и Кавказу, и все проблемы, затрагивавшие так или иначе судьбу этих областей.

Подготовка реформы цензурного законодательства началась с 1857 года. Она шла медленно, хотя в 1856 году Александр II заявил о намерении отменить крепостное право сверху, пока его не отменили снизу. Однако до 1858 года обсуждать крестьянский вопрос в печати было запрещено. Когда же наконец последовало разрешение, то его сопровождала оговорка: статьи не должны порождать неосновательных надежд, а также возбуждать вражду между крестьянами и помещиками.

В 1857 году в Лондоне стал выходить «Колокол». Его и другие издания Герцена читали практически все грамотные люди России, от студентов и мелких чиновников до самого царя. Но упоминать фамилию Герцена, пусть даже негативно, запрещалось.

Н. Г. Чернышевский в «Современнике» высказывался по самым злободневным вопросам и достаточно резко. Однако попытка опубликовать изложение работы П. Я. Чаадаева «Апология сумасшедшего», написанной в 1837 году, осталась нереализованной. Циркуляр 1857 года запрещал осуждение всех мероприятий прошлого царствования. Первоначально запрещалось даже простое одобрение правительственных рескриптов. Правда, некоторые либеральные издания попытались «протащить» критику в виде комплиментов действиям вновь назначаемых деятелей. После чего вообще запретили обсуждать назначения.

Наиболее сурово следили за публикациями, относящимися к особам царствующей фамилии. Все, связанное с домом Романовых после смерти Петра Великого, подлежало запрещению, хотя читатели могли почерпнуть интересующие их сведения не только из публикаций Герцена, но и из произведений зарубежных историков.

До чего доходила цензурная неразбериха, можно судить по такому факту. В 1860 году в «Санкт-Петербургских ведомостях» появилась благодарность полиции за умелые действия на похоронах популярного актера Мартынова. Эта заметка вызвала неудовольствие генерал-губернатора, посчитавшего, что редакция не имеет права ни порицать, ни хвалить полицию.

Фактически гласность сводилась к обличению мелких чиновников, отдельных помещиков-деспотов и общим рассуждениям о необходимости честности и гуманности. Подобные сюжеты заполняли либеральные журналы и вызывали насмешки (тем более что многие опусы были достаточно беспомощны литературно) у радикально настроенной молодежи — Н. А. Добролюбова, братьев Курочкиных и других. На страницах «Свистка» и «Искры» появлялись едкие пародии на псевдообличительную литературу, язвительные куплеты о неумеренных восторгах по поводу минимальных общественных сдвигов:

«Если взятки еще не пропали,
То теперь получать-то их стали
Осторожно, без грубых манер...

. . . .

Ой ты, милая русская гласность,
Все приведшая в полную ясность!
Тра-ла-ла, тра-ла-ла, тра-ла-ла!»

Иной была реакция Герцена: «Мы сами очень хорошо видели промахи и ошибки обличительной литературы, неловкость первой гласности; но что же тут удивительного, что люди, которых всю жизнь грабили квартальные, судьи, губернаторы, слишком много говорят об этом теперь. Они еще больше молчали об этом!»

Не следует предполагать, что представление о необходимости гласности, о расширении свободы печати не встречало противодействия. Высказывалось, например, мнение, что в России не нужна гласность, так как нет общественного мнения.

Известен меморандум О. Пржецлавского. Ренегат польского освободительного движения, еще в 1831 году приговоренный заочно польской эмиграцией в Париже к смертной казни, он составил документ, из которого явствовало, что в России гласность невозможна. Если в Западной Европе правительство может в парламенте отвечать на обвинения, то в России это невозможно. Значит, проступки и даже преступления администрации могут наказываться только свыше, а дело печати сообщать о принятых правительством мерах.

Самодержавие стремилось, видя все возрастающий авторитет печатного слова, подчинить литературу своему контролю. 24 января 1859 года был создан негласный комитет по делам книгопечатания.

Одним из первых результатов деятельности комитета был циркуляр, согласно которому материалы, снабженные «надписью» одного из членов комитета, подлежали обязательному напечатанию. Циркуляр вызвал возмущение среди русских писателей и журналистов.

В 1860 году организован комитет по вопросам печатной гласности в составе министров просвещения, юстиции и шефа жандармов. Этот триумвират становился координатором действий цензурных комитетов, что, впрочем, не способствовало наведению порядка. Неразбериха продолжалась.

Что определило важнейшие особенности нового этапа, в который вступила Россия на рубеже 50—60-х годов? Полагаю, не собствен-

но реформационные начинания правительства (это бывало и раньше), а то, что в их обсуждении принимали или стремились принять участие «заинтересованные лица», литераторы и журналисты.

В появившемся тогда интересном документе — коллективной записке русских литераторов — выражена точка зрения литературной общественности. Ее авторы — люди самых различных убеждений, от Каткова до ведущих сотрудников «Современника», предлагали, чтобы периодика издавалась под ответственность редактора. Специально оговаривалось, что если редактор усомнится в допустимости публикации того или иного материала, он может по собственной инициативе обратиться в цензурный комитет. Особо отмечались неудобство и вред специальной цензуры. Публицистика, вместо того, чтобы быстро реагировать на события и проблемы дня, ожидала мнений духовного, финансового, кавказского, сибирского и других комитетов. Приведя выдержку из статьи, опубликованной в официальном органе МИД, о том, что с тех пор, как в России дано больше простора выражению мысли, русская печать заняла место в Европе как новый элемент всеобщей гласности, авторы с горечью отмечают: «К сожалению, эти прекрасные мысли остались на словах». На самом деле всем известные вещи скрываются, а печати предлагается свободная дискуссия по проблемам почтового ведомства. Необходимо, чтобы цензура приняла судебный характер. (Вопрос о судебной форме был в то время одним из самых насущных, и представители печати ясно понимали, что реформа цензуры неотделима от преобразования суда.) Если же правительство считает необходимым применять те или иные меры против печати, то следует это делать открыто, а не посредством секретных циркуляров. Хотя всем известно, что есть цензура, «тем не менее приняты все меры скрыть существование цензуры и запретить всякий намек на ее присутствие в печати». Нельзя написать, что статья не пропущена цензурой. •Даже простое отточие воспрещено как намек.

Многие представители прогрессивной печати, включая даже Н. Г.Чернышевского, связывали надежды на кардинальные преобразования в области цензурной политики с именем министра просвещения А. В. Головнина, слывшего либералом. В свое время он был редактором «Морского сборника», затем перешел в министерство просвещения, а с декабря 1861 года стал министром. Однако Головнин никогда не отличался твердостью, его обещания носили расплывчатый характер, и довольно скоро он предпочел отстраниться.

В 1862 году в Петербурге начались пожары. В чем была их причина, до сих пор не выяснено. Скорее всего они носили случайный характер. Однако этим поспешили воспользоваться «консерваторы», чтобы обвинить в несчастии «нигилистов», прежде всего передовую журналистику. Были приостановлены издания «Современника», «Русского слова», начались обыски и аресты. Чернышевский арестован, а впоследствии отправлен в ссылку, в Вилюйск, другие пострадали меньше, однако всем стало ясно, что либеральные обещания правительства не составляют никакой гарантии для нормального функционирования сколько-нибудь свободной мысли.

«Мысли,— с горечью писал публицист Громека,— опять грозит застой и усмирение». Он подчеркивал: цензура должна понять, что скрывать от правительства опасения всей России (имелись в виду опасения перехода к реакционной политике) — не услуга. «Лучше ей (цензуре.— М.Ч.) иметь дело с нашим скромным выражением мысли, чем остаться потом вовсе без работы, когда русская литература переместится за пределы Европейской и Азиатской России».

10 марта 1862 года упразднили Главное управление цензуры. Наблюдение за печатными материалами возлагалось на министерство внутренних дел. Публикации, вызывающие возражение, передавались на рассмотрение: по общим вопросам — в министерство просвещения, по религиозным — в Синод.

Председателем комиссии по выработке нового закона о печати с 60-х годов стал князь Д. А.Оболенский (1822—1881), по образованию правовед, он был членом так называемого кружка великой княгини Елены Павловны, средоточия либеральных бюрократов. С 12 мая 1862 года стали действовать высочайше утвержденные временные правила для цензуры. Практически первые преобразования в цензурном ведомстве привели к усилению произвола. Часть материалов могла идти без предварительной цензуры, но на редакцию могли налагаться карательные взыскания: не в судебном порядке, что, впрочем, было и невозможно до преобразования суда, а в чисто административном.

В октябре 1862 года комиссия князя Оболенского завершила свои работы. В представленном проекте, в частности, говорилось, что «попытка разделить цензуру на предупредительную и карательную, оставив первую в ведомстве министерства народного просвещения и подчинив вторую министерству внутренних дел, оказалась совершенно несостоятельной. Проект был встречен с неодобрением. Министр А. В. Головнин отрекся от своего участия в составлении данного документа.

10 января 1863 года по докладу Головнина цензура была передана из ведения министерства просвещения в министерство внутренних дел. Головнин аргументировал это тем, что цензурные обязанности не согласуются с основными задачами министерства просвещения. В докладе, в частности, говорилось, что министерство просвещения, находясь ближе к литературе, чем всякое другое ведомство... не может быть ее строгим судьею».

Практически в стране устанавливался двойной режим. На территории империи продолжал с небольшими обновлениями действовать устав 1828 года, мвстная печать отдана во власть зачастую невежественных или сводящих с редакторами личные счеты цензоров. Периодические издания в обеих столицах по желанию редакторов могли освобождаться от предварительной цензуры, но они не освобождались от возможных различных наказаний — предупреждений, штрафа, приостановки издания и т. д. вплоть до тюрьмы; от предварительной цензуры освобождались оригинальные произведения объемом 10 листов и переводы — более 20.

Настроение редакторов и вообще представителей прессы после объявления новых правил хорошо выразил Н. А. Некрасов:

«Тисни, тисни, есть возможность,
А потом дрожи суда.
Осторожность, осторожность,
Осторожность, господа!»

Правительство явно затянуло с цензурной реформой. Ведь общественный подъем давно закончился. Не было той прессы, которая при всем разнообразии точек зрения готова была даже в эмиграции поддерживать прогрессивные начинания царя и его окружения. Непоследовательность реформы 1861 года у многих вызвала разочарование. Репрессии 1862 года озлобили передовую интеллигенцию, особенно молодежь. В среде прогрессивной интеллигенции шел мучительный процесс возникновения новых социально-политических установок, однако на страницах легальной печати это почти не находило отражения. В сущности, правительство снова оказалось отрезанным от страны.

ЛЮДИ И ВРЕМЯ: ДОКУМЕНТ БЕЗ КОММЕНТАРИЕВ

Тов. Постышев, Вам близки просвещенческие дела. Я хотела бы обратить Ваше внимание на две вещи.

Первое — **библиотечное дело.** Таких вопиющих безобразий, как на этом фронте, кажись, нигде нет.

Материальное положение библиотекарей прямо ужасное. Все квалифицированные работники бегут с библиотечного фронта. Прилагаю одну красноречивую открытку. Таких писем немало.

Но это одна сторона дела. Другая — так называемая «чистка». Завели последнее время фонд «Н. Д. М.» — «не давать массам» — куда отправляют «подозрительные» издания: «устаревшую» брошюру Ленина о продналоге, «Коммунистический Манифест» с разъяснениями Рязанова, книжки по философии Гегеля и т. д. и т. п. Рабочие массы, колхозные массы трактуются, как несмышленыши, которым надо давать лишь злободневные агитки и переводные романы, а решает кто какие книги давать — библиотекарь. Детские библиотеки сейчас уничтожены и разбазариваются по школам.

Я в Наркомпросе отравила всем жизнь, скандаля по поводу библиотек, но толку из этого решительно никакого.

Теперь новая беда — библиотеки переводят на хозрасчет и посему целый ряд книг изымается на предмет продажи. Теперь уж Книжная палата разаппетитилась — и желает получить право изымать из библиотек ценные книги и ими торговать.

Ведь прямо стыд и срам — в стране строящегося социализма такое состояние библиотечного дела.

В Наркомпросе у нас на библиотечном деле — две девицы и парень. Бьются как рыба об лед, но никто их не слушает.

Второе дело — **положение ребят в колхозах.** Дети колхозников — форменные лишенцы — не говоря уже о том, что вообще положение ребят в колхозах тяжелое. Недавно объявились тут председатель и секретарь одного колхоза моего имени из Ц. Ч. О. — хлопотать о мануфактуре для ударников. Делают доклад. Хвастают, как все хорошо. Колхоз животноводческий. Молоко все сдают куда-то, в Маслоцентр, что-ли. Вспомнила я Ильичево «обеспечить каждому ребенку бутылку молока» и спрашиваю: «А вы оставляете для детей-то молоко?» — «Нет, все до капли сдаем». И половина населения из колхоза сбежала.

Но это так, попутно.

А я вот о чем хочу сказать. Дети колхозников закидывают письмами — их не пускают из колхоза учиться, ибо они нужны, как рабочая сила. От ребят старше 12 лет (кончивших 4-летку) требуют трудодней, и ребята вынуждены бросать школу. Весной — все ребята ШКМ'овцы были мобилизованы (школьные каникулы не согласовываются с периодами страды) и им пришлось в ряде колхозов бросить учебу, т. к. с них требуют трудодни. Мы стремимся сблизить деревню с городом, и именно в деревне, в колхозах ставим свирепые рогатки, делающие невозможным для ребят, кончивших 4-летку, дальнейшую учебу. Дети единоличников учиться вольны, а дети колхозников не вольны. Получается недопустимое противоречие. Прилагаю письмо девочки пионерки, которая не знает, что ей делать, хочет учиться, а ей учиться не дают. Писать в колхоз я не могу, конечно. Но нужно общее какое-то постановление.

Колхозцентр линии тут не имеет.

В прошлом году труд детей шел под контролем школы, в это лето школа отстранилась от этого дела, постов охраны детского труда нет, и детский труд эксплуатируется сверх меры. Уборка свеклы идет на детском труде. Какая уж тут учеба.

Думается, к 15-летию существования советской власти надо бы изменить положение библиотекарей, запретить растаскивание и изничтожение библиотек, наладить их снабжение. ЦК надо бы в это дело вмешаться.

И другое, к 15-летию надо бы урегулировать вопрос с детским питанием и детской учебой в колхозах.

С коммунистическим приветом Н. Крупская

И еще один вопрос. Необходимо поддерживать инициативу мест по культурной линии. Много лет я уж добиваюсь того, чтобы мы не топтали в грязь того, что создается на местах, а поддерживали бы эту инициативу. Американцы на этот счет очень ловки. У них практикуется такая вещь — население создает какое-нибудь учреждение — скажем — детский сад, правительство выдает субсидию в том же размере, какое затратило на дело население. Конечно, это принцип неправильный, ибо попадает больше на те учреждения, в которых заинтересованы богатые. Мы должны идти другим путем, премировать инициативу в развертывании массовых учреждений, а мы часто премируем лиц, а дело, создаваемое ими, топчем. Прилагаю письмо тов. Захаровой. Оно очень характерно. Конечно, ей я напишу и детскому саду как-нибудь поможем, но надо, чтобы поддержка была не со стороны Бубнова, Крупской и др., а была введена в сметы, была бы нормирована. А у нас так бывает: избу-читальню построили крестьяне, а РИК распоряжается помещение взять под склад, выстроят крестьяне школу, а им в школу учителя не дают: не по плану-де. По плану-де через 2 года только в это село полагается учитель. Надо в культурной области развязать инициативу, поддержать ее. Тут также нужно указание ЦК.

Надо бы было также объявить библиотеки, избы-читальни, клубы, школы и пр. общественным имуществом и запретить их разбазаривание кем бы то ни было, а то одной рукой строим, другой разрушаем, часто под предлогом... реорганизации.
1932 г.

Публикацию подготовила Елена КИРИЛЛОВА

ПОЛИТИЧЕСКИЙ ДИАЛОГ

ПЕНСНЕ ДЛЯ ФЕМИДЫ

Взаимодействие закона и власти, противоречия и преодоление их на пути становления правового государства — об этом беседуют журналист Александр АФАНАСЬЕВ и генерал-лейтенант юстиции в отставке Борис Алексеевич ВИКТОРОВ

— И прокуроры, как известно, были когда-то детьми. Даже те из них, что достигли генеральских звезд. В связи с этим «обстоятельством», Борис Алексеевич,— ваши первые, детские и юношеские представления о власти. О государстве, в котором мы живем.

— Мне было восемь лет. Помню, на станции, где жила наша семья, однажды зимой загудел паровоз. Гудел он долго, истошно и страшно. Мама сказала: «Умер новый царь».

— Царь?

— Да, я думаю, она так сказала, чтобы было понятнее... Но и то важно, что новый. Тогда именно, в январе 24-го в трагический день смерти Ленина, я в первый раз осознал, что живу в каком-то новом государстве.

— И ведь что-то предвещал тот гудок...

— Но ни я тогда, ни даже взрослые не знали, как сложится дальше. В четырнадцать лет я стал работать, строить железную дорогу. Чуть подрос — вступил в группу содействия прокуратуры (ГСП). Были такие, да... В семнадцать меня заметил районный прокурор и сделал, хоть и не имел я образования, народным следователем. Шел уже 33-й год. Я с большим энтузиазмом взялся «ловить» преступников.

— Тридцать третий год?

— Да, тот самый, голодный. Причем, я вам скажу, голодали не только на Украине. Но и в Черноземье, и под Москвой. Мне приходилось довольствоваться хлебом пополам с лебедой. А уж как сами крестьяне бедствовали...

— Понимали причины?

— Нет.

— Почему?

— А вы бы поняли, если все вокруг дружно, охотно и искренне путали экономическую причину с судебным следствием? Крестьянин не хочет отдавать хлеб по бросовым ценам? Не хочет много сеять, не верит? Кому не верит? Советской власти? Значит, он враг.

— Декларации об «отмене», как таковой, экономики не могли не означать, что отныне толкование всякого, даже бытового или хозяйственного конфликта неизбежно станет сползать к толкованию политическому.

Этот документ родился во времена сталинщины. Письмо Генеральному прокурору СССР написано на обрывке тюремной робы, бумаги зекам иметь не полагалось...

«Диктатура означает... неограниченную, опирающуюся на силу, а не закон, власть».
В. И. Ленин.
Март 1906 г.

«Государство — это учреждение для принуждения... Мы хотим организовать насилие во имя интересов трудящихся».
В. И. Ленин.
Ноябрь 1917 г.

«...Диктатура предполагает и означает состояние придавленной войны, состояние военных мер борьбы против противников пролетарской власти».
В. И. Ленин.
Январь 1918 г.

«Наше теперешнее государство таково, что поголовно организованный пролетариат защищать себя должен, а мы должны эти рабочие организации использовать для защиты рабочих от своего государства...»
В. И. Ленин.
Декабрь 1920 г.

«Часто: не нам принадлежит этот аппарат, а мы принадлежим ему!!»
В. И. Ленин.
Декабрь 1922 г.

— Это, я думаю, от нехватки культуры утверждалось такое вульгарное толкование.

— Только ли, Борис Алексеевич? Нехватка культуры, по-моему, лишь усугубила и ускорила процесс вызревания и окостенения административной системы. Первопричина же, видимо, в другом. В определенный момент сразу была введена принципиально новая ценностная схема, подорвавшая традиционные, выработанные за века критерии. Это и предопределило все последствия, вплоть до сегодняшнего дня... Бухарин, развивая ленинскую мысль о нэпе, оценит происшедшее ясно и последовательно: «если наше прежнее представление о развитии социалистического строя заключалось в том, что немедленно после (установления.— **А. А.**) *диктатуры пролетариата мы уничтожаем рынок и тем самым сразу уничтожается капиталистическое хозяйство и сразу проводится плановое хозяйство,— то тут мы ошиблись».*

— Правда, признание ошибки постфактум не означает, что ее захотели бы и смогли вовремя избежать.

— Не совсем понятно...

— Видите ли, введение диктатуры предполагает насилие объективно, автоматически.

— Следовательно, либо диктатура, либо закон?

— В каком-то смысле так.

— Но потом был 21-й год, нэп... Чем объяснить крутой поворот, предпринятый Лениным от той политики, что осуществлялась раньше? Была ли тут эволюция взглядов или что-то другое? Ведь иначе все начиналось. Вот, например, серьезнейшая, судьбоносная, как мы сейчас говорим, ситуация. Выносить ли вопрос о власти на съезд Советов (где большевики были в меньшинстве)? Или взять власть и прийти на съезд победителями? Понятен великий социальный смысл совершившегося, а как бы вы квалифицировали ситуацию с точки зрения правовой?

— Диктатура пролетариата арестом Временного правительства отменила в одну ночь не только прежнюю власть, но и сам закон. Петр Иванович Стучка, один из первых наркомов юстиции, впоследствии писал: «Революционный суд судил не по закону, а по своему убеждению. Интеллигенту это показалось несуразностью, он больше находился в путах правового мистицизма. Он не мог сразу преодолеть старой идеологии права как творчества векового ума человечества». Надо заметить, что этот интеллигент (в данном случае имелся в виду А. В. Луначарский) очень быстро освободился от «пут правового мистицизма» — всего за одну ночь... Так было в момент революции... А к 21-му году сложилось чрезвычайно своеобразное положение. Власти много. А экономическая база слаба. При этом, говорит прямо Ленин, к весне 21-го года мы потерпели поражение в попытке «штурмовым способом» перейти к социалистическим основам в производстве и распределении.

— Арест, отменивший закон и его следствия... Несколько лет спустя Ленин только констатирует поражение, Бухарин определяет это уже как ошибку. Разные вещи?

— Естественно. Но посмотрим дальше. Положение неустойчивое до такой степени, что «пока,— сообщает Ленин своим единомышленникам по Ко-

минтерну на III конгрессе о тактике РКП,— большие уступки и величайшая осторожность...»

— То есть нэп как «большая уступка» пока слаба экономически? А ведь была, кажется, и еще одна сторона, Борис Алексеевич. В том же 21-м Ленин пишет по поводу Кронштадтского мятежа, участники которого выдвинули лозунг «свободной торговли»: за событием угадываются эсеры и белогвардейцы. Но вместе с тем здесь есть «нечто новое». Ленин, размышляя, ставит случившееся «в связь со всеми кризисами»: «...тут проявилась стихия мелкобуржуазная, анархическая и всегда направленная против диктатуры пролетариата». И «это настроение сказалось на пролетариате очень широко»: и в Москве, и в провинции. Стало быть, имела место не только экономическая, но и политическая причина?

— Потому-то, вероятно, возникшая тогда ситуация и была «более опасна, чем Деникин, Юденич и Колчак, вместе взятые».

— Причины серьезнейшие. Корни, выходит, более глубоки, чем представлялось всего несколько лет назад. Но вот вопрос, который заслуживает сейчас, по-моему, особого внимания: чем был нэп — все же «пока уступка», тактика? Или больше оснований понимать это как политику «всерьез и надолго»? Чтобы не упрощать историю, обратимся опять к III Конгрессу Интернационала, который проходил в июле того же 21-го года, то есть через несколько месяцев после объявления новой экономической политики. Ленин, обращаясь к иностранным товарищам, подробно и откровенно объясняет тактику РКП(б): «Диктатура есть состояние обостренной войны. Мы находимся именно в таком состоянии. Военного нашествия в настоящий момент нет. Однако мы изолированы. ...Пока нет общего окончательного результата, будет продолжаться состояние ужасной войны. И мы говорим: «На войне мы поступаем по-военному: мы не обещаем никакой свободы и никакой демократии. Мы объявляем крестьянам совершенно открыто, что они должны выбирать: или власть большевиков,— и мы сделаем тогда всевозможные уступки до тех пределов, в которых возможно удержание власти, а затем поведем их к социализму,— или же буржуазная власть». Коротко говоря: состояние изоляции, хоть война и кончилась, все равно приравнивается к войне. Это означает по-прежнему чрезвычайное положение, диктатуру, отсутствие демократии. Плюс «пока — большие уступки» крестьянам.

— Это «пока» можно толковать, как вы понимаете, достаточно широко исторически. К тому же обратите внимание: акцент ставится на международную изоляцию.

— Но ведь, как известно, и позже этот акцент «давил» постоянно на внутреннюю политику! Вопрос вопросов, Борис Алексеевич: как отличать ситуации, когда отказ или отступление от общемировых правовых эталонов диктуется действительной исторической необходимостью, от ситуаций, когда «необходимость» есть результат искусственного напряжения, дабы не упустить личную власть?

— Я думаю, это вопрос для политика.

— А политик, по-вашему, захотел бы отвечать на такой вопрос?

— Ну, хорошо. Я попробую ответить как юрист. Любая диктатура стоит над законом. Диктатура же в интересах трудящихся, по замыслу, должна ставить сама себя и удерживать саму себя в рамках закона. Поскольку в противном случае она может быстро перестать служить интересам трудящихся и начнет служить самой себе. В этом сложность, парадокс, если хотите, драма: диктатура нужна для подавления сопротивления эксплуататорских классов, но если она сама себя (ведь при диктатуре других равных сил нет и быть не может!) вовремя не ограничит законом, то последствия могут оказаться почти непоправимыми и для самих трудящихся.

— Но как? Как на деле ограничить?!

— Образованнейший человек, воспитанный на римском праве, Владимир Ильич Ленин видел и понимал опасность не хуже нас с вами. Именно поэтому он, как юрист, в последние годы жизни постоянно, последовательно настаивал на соблюдении законности.

— Но ведь закон был отменен, отброшен?

— До 22-го года использовалось, по настоянию Ленина, царское законодательство.

— Царское?

— Да, от 1864 года. То есть того, которое было принято при либеральном Александре II, убитом народовольцами. По тем временам это было законодательство довольно прогрессивное, демократичное. (Кстати, именно суд присяжных оправдал Веру Засулич, признав ее революционеркой, а не уголовной преступницей.) За счет колоссальной настойчивости Ленина, его соратников огромная власть, насколько это было возможно, удерживалась в рамках закона. В 22-м Ленин лично взялся за формулировку одного из центральных понятий советского уголовного кодекса: «контрреволюционное преступление». В его понимании таковым являлось всякое действие, направленное на свержение Советской власти и рабоче-крестьянского правительства... Ленин был жив, а в эту формулировку в 23-м уже внесли принципиальный «довесок»: не только свержение, но и подрыв.

— А существенно ли это, Борис Алексеевич?

— Еще бы! Это давало простор для широчайшего толкования. Коль имела место подготовка к свержению, значит, должны быть весомые улики, серьезнейшие доказательства. Свержение к тому же предполагает осознанное действие.

— А подрыв?

— Как подрыв можно квалифицировать все что угодно. Арест мог последовать за брак, халатность, прогулы, аварию... Невыход на работу приравнивали к саботажу. В итоге мог быть расстрел.

— Следовательно, круг, которому не давал сомкнуться Ленин, все-таки сомкнулся. Не закон стал силой. А сила легализовалась окончательно, войдя в закон.

— Ну, до этого еще было далеко!

— А не кажется ли вам, Борис Алексеевич, что и первая формулировка не совсем идеальна?

— То есть?

— Ведь правительство, по существу, приравнивалось к Советской власти. То есть — в перспективе — и сталинское правительство? Но могло ли означать свержение сталинского (если разобраться, то по многим проявлениям антинародного) правительства свержение самой Советской власти? Скорее наоборот!

— Имелось в виду рабоче-крестьянское правительство!

— А что, Сталин разве переменил название? Перекрасил флаги? Объявил официально, что он Советской властью называет диктатуру личной власти?

— Не знаю, я бы не стал подвергать сомнению...

— Но ведь у нас нет и, как говорят, не было культа личности Ленина? А коли так, то зачем же требовать от его глубокого, всеобъемлющего, но нацеленного всегда и в первую очередь на конкретный исторический момент ума дара провидения?! Идеального соответствия всем временам?! Ведь не в 30-е, а в 20-е годы появились ***тройки, враги народа****, в 22-м запретили независимые издания, выслали ведущих деятелей культуры,— знать бы тогда, чем кончится!.. Догматическое толкование приводит к курьезам, даже толкает в тупики: дескать, до революции Ленин говорил одно, а после другое, едва ли не противоположное. Естественно! Ведь сказанное вчера о том, что будет сегодня или даже пять, двадцать, пятьдесят лет спустя, есть не более чем гипотеза, прогноз, смелое предположение. Выверенная и не подтвержденная практикой гипотеза, какой бы грандиозной или фундаментальной она ни представлялась, если рассуждать по-марксистски, должна быть решительно отложена в сторону или же существенно уточнена... Так что одни «противоречия», судя по всему, объяснялись эволюцией взглядов. Другие — требованием поддерживать определенную последовательность в политике. Третьи — сиюминутной, временной необходимостью.*

— Что ж, может быть. Во всяком случае, мы слишком долго жили под гипнозом сталинского мифа, будто вожди знают все и смотрят «сквозь века».

— Борис Алексеевич, а вы лично в 30-е годы знали о политическом завещании Ленина?

— Его оглашали на съездах партии,

но не публиковали. А разговоры, конечно, шли...

— А какое значение имело то, что это завещание было фактически дезавуировано?

— С учетом последующих событий роковое. И не только для судеб лидеров партии, страны. На последние ленинские работы как бы бросили тень: что-де поделаешь, Ленин был серьезно болен...

— То есть «позднего» Ленина тем самым как бы поставили под сомнение, отменили? Истинным признавались прежде всего дореволюционное ленинское наследие и работы первых революционных лет?

— Не совсем так. Не сразу. Сначала стремление избежать раскола в партии — потому ссылка на болезнь Ленина. Постепенно пропала привычка и охота цитировать вообще позднего Ленина. А нэп, по выражению Сталина, в конце концов послали «к черту»...

— Борис Алексеевич, а семнадцать лет, конечно, трудно разобраться в жизни. Но неужели невозможно было заметить, что вокруг творится неладное?

— Я и замечал. В качестве следователя ездил по деревням, видел и разорение, и недовольство. Если в 28—29-м годах люди, вступая в колхоз, еще надеялись, то к 33-му у большинства было подавленное состояние, радужные настроения рассеялись... Мы же, посланцы законной власти, заставляли крестьян засевать последнее зерно. Мучился непониманием. Сознание раздирало противоречие: почему не сходятся концы с концами? Ведь я, как и многие, не знал, что деревня сознательно принесена в жертву. Но надо представить, каким я тогда был. Случай типичный. Образование минимальное. Назначение свое поначалу определял просто — ловить преступников... Наставник, прокурор Никифоров, списанный из МУРа по ранению, познакомил с ленинскими документами. Для меня настоящим откровением оказалось, что прокурор должен защищать (!) граждан, а не только карать и обвинять. Конечно, низкий образовательный, культурный уровень людей, призванных решать судьбы себе подобных, был общей бедой для всего предвоенного времени (и удачей для сталинского режима). Например, в 23-м году из 58 губернских прокуроров лишь 18 имели высшее образование, в 23 даже низшее. Не хватало вообще людей, не то что специалистов. Из 788 должностей помощников прокурора были замещены лишь 423: почти половина помощников с начальным образованием. Разумеется, для них, хоть и искренне верящих в революцию, но не имеющих ни малейшей культурной базы, революционная законность во многих случаях сводилась к эффектному «шмону» бывших — без затруднений в доказательствах. А ведь они своей массой составляли основу механизма, который должен был провести страну прихотливым руслом нэпа, когда и сфера деятельности ЧК сужалась... Когда же начался откат от нэпа, они не могли не испытать облегчения и воодушевления — картина мира становилась знакомой и ясной, задача — доступной, как приказ: обострение классовой борьбы. Значит, бери за основу могучий социальный признак, все остальное — детали. Так что ничего особенного не пришлось менять и ломать в машине для подавления сопротивления. Машина была наготове. Драма заключалась в том, что карающий меч диктатуры ко второй половине 20-х годов в принципе уже не мог находиться в руках независимо мыслящих людей — слишком редки были они.

Сотни статей написаны, как сверху насаждалось администрирование. Но мало признать лишь это. Непримиримость была не только железным законом, идеологией, но и модой, поветрием, конъюнктурой. На этом поприще делали карьеру, имя. И не только прокуроры. Но, смею заверить, писатели, журналисты, режиссеры. Вполне допускаю, что Гладков, Шагинян, Эренбург, Катаев писали тогдашние свои произведения искренне, не по принуждению. Тем сильнее деформировалось массовое сознание: перечитайте, к примеру, «Цемент», «День второй» или «Время, вперед!». Везде ожесточенное сопротивление врагов, сверхбдительность чекистов, в принципе, если верить книгам, не способных ошибаться. А ведь «ошибки» нарастали, становясь системой. Жутковатая, на нынешний взгляд, неписаная идеология формировалась у работников органов. Ее усваивали легко: «Лучше перебдить, чем недобдить»...

— Извините, Борис Алексеевич, а вы лично были причастны к этому?

— Мне, считаю, «повезло». Занимался я делами уголовными. После призыва в армию оказался в военной прокуратуре, занимался общевойсковыми делами. Конечно, не скажу, что по молодости и по незнанию не допускал ошибок. Я бы и некоторые приговоры, тогда вынесенные,— будь у меня нынешняя голова и опыт — смягчил...

— Вам уже, Борис Алексеевич, приходилось рассказывать о прокурорах, которые восстали против произвола. Нельзя ли поподробнее хотя бы о некоторых из них?

— Военный прокурор Черноморского флота Войтко Павел Станиславович. Его арестовали и обвинили в том, что он был участником антисоветской заговорщицкой организации и скрывал вражескую деятельность Командующего флотом Кожанова и члена Военного Совета Чугина. (Они тоже были арестованы.) На самом деле никакой такой организации на флоте не было. Просто все трое — Кожанов, Чугин и с ними прокурор флота Войтко — решительно выступали против необоснованных арестов Особым отделом НКВД ни в чем не повинных командиров и политработников флота. Характерно, что Войтко арестовали после двух обращений НКВД к Прокурору СССР Вышинскому. Войтко отказался санкционировать арест некоего Чвюка, арестованного по личному указанию Ежова... Военный прокурор Забайкальского военного округа бригвоенюрист Суслов Григорий Григорьевич арестован за «создание контрреволюционной организации в прокуратуре и за вредительство в области прокурорско-следственной работы, выразившейся в противодействии в борьбе с врагами народа». А дело вот в чем. Сотрудники Особых отделов Заб. ВО развернули такую кампанию, что в течение двух лет необоснованно арестовали 700 военнослужащих в частях округа, против чего и восстал прокурор Суслов. Хотя ему и не удалось предотвратить незаконные аресты, но в 1939 году, после снятия Ежова, начальник Особого отдела Заб. ВО Видякин и ряд сотрудников этого отдела были арестованы и осуждены за произвол. Суслов же был реабилитирован только в 1956 году... За противодействие массовым арестам офицеров в ОКДВА на Дальнем Востоке был арестован заместитель главного военного прокурора Красной Армии диввоенюрист А. С. Гродко.

Берия начертал резолюцию: «Арестовать и допрашивать крепко». Что это означало — понятно. Гродко был ни за что расстрелян...

— А следствие, судопроизводство по уголовным делам, как оно велось?

— Как ни парадоксально, но нарушений по этой части было куда меньше, чем, скажем, в 70—80-е годы!

— То есть право было более справедливо к действительным преступникам?

— Наверное, так. Правда, тут был один нюанс: «специалистам» не составляло большого труда «разглядеть» и в уголовном преступлении политическое дело, и тогда оно автоматически перекочевывало в другие кабинеты.

— В учебниках истории, по которым мы учились, серьезнейшие явления толковались как отдельные перегибы и недостатки. По прежним критериям, мы были «всегда правы». А «они» (классовые враги) «всегда виноваты». Так было еще, когда М. Тухачевский подписывал приказ: Вперед! На Берлин! На Варшаву! Сейчас говорят: первые ошибаются чаще. Но ведь пора извлекать уроки. Почему великая утопия разрешилась великой трагедией — и не только у нас? Причина в исполнении? В самой идее? Раньше мы читали в учебниках, что на рубеже 20—30-х годов угрюмые личности из обреза стреляли в селькоров, разоблачавших тех, кто не хотел отдать хлеб государству. Недавно нам разъяснили причину, почему крестьянство хлеб придерживало: были введены «ножницы», взвинчены цены на промтовары, снижены на хлеб.. А как это выглядело сквозь призму права?

— Я, к сожалению, не располагаю сейчас статистикой по всему периоду

коллективизации. Но вот 27-й, и, главное, 28-й, показательный год. Сталин из поездки по Сибири начал наступление на крестьянскую страну. В результате число терактов удвоилось. Если в 26—27 годах 17 дел, то в 28-м — 36. Более всего в ЦЧО, в Уральской, Западной областях. Место совершения преступления в основном — деревня. (Из 55 дел за два года — 50 здесь.) Причины? Лишение избирательных прав, обман при хлебозаготовках, с другой стороны, сокрытие посевной площади, объектов обложения — всего 17. На почве «налогового обложения» — 12... Любопытно, что большинство терактов совершалось действительно против селькоров. На втором месте — председатели сельсоветов. На последнем — милиционеры. Чрезвычайно важно посмотреть, кто преступники по социальному составу. Здесь тогдашние статистики, по-моему, несколько натянули «одеяло» ради торжества классовой политики. Кулаков разместили в одной строке с нетрудовыми элементами (люмпены, безработные, возможно, уголовники и т. д.). Таковых общим числом 64. Но даже общее это число не затеняет солидное количество середняков — 55. Бедняков — 32. Даже рабочие есть — трое... Весьма расплывчатая дифференциация — организаторы, исполнители и пособники. Даже если представить, что все кулаки — организаторы, то непонятно, почему умный и состоятельный середняк стал лишь исполнителем «в результате экономической зависимости или идеологического влияния кулаков», как это толкуется статистиками.

— Почему непонятно, Борис Алексеевич? В противном бы случае пришлось признать, что политика, вызывавшая преступления, была направлена не только против кулаков, но и против середняков. А как вело себя крестьянство в подобных ситуациях уже в колхозах?

— В 32-м году П. Постышев на совещании приводил такой пример: утайка хлеба от сдачи целыми колхозами.

— Это уже серьезнее...

— Да. Соответственно возникла проблема: как быть? Ведь органам юстиции приходится сталкиваться в таких случаях уже не с отдельными крестьянами, а с целыми коллективами, нарушившими советскую законность.

— И как поступали?

— Ну, тут даже сталинская юриспруденция не смогла решиться на репрессии против целых коллективов. В ином случае следовало бы признать: государство борется уже и с колхозами. Как тогда доказывать, что оно народное? Поэтому рекомендовалось вычленить, «обнаружить классового врага».

— Отдельно можно, наверное, говорить, Борис Алексеевич, о законе и власти в годы войны?

— Сложная тема. Война она и есть война. Опять же чрезвычайное положение. Хотя, и тут я согласен с Н. С. Хрущевым, война поставила Сталина в такие условия, когда он не мог, если бы и хотел, творить произвол в прежних масштабах.

— Что вы можете сказать о приказе № 227?

— Конечно, мера жестокая. Абсолютно же беззаконна та часть приказа, где назначались репрессии против жен, родственников виновного. Мотивировка — от закона 34-го года — в назидание, в устрашение. Явное нарушение и по формальным параметрам: приказ подписан Ставкой. А каков ее статус? Неясно. ГКО вроде бы осуществлял верховную власть, и это понятно — война. Но не ГКО подписывал. И Президиум не был распущен — а его подписи там тоже нет. Если же подойти просто с общечеловеческих позиций, то, скажем, в условиях правового, именно правового государства, никакая Ставка неправомочна лишать человека жизни!

— А как вы относитесь к концепции «войны без пленных»?

— Я, как заместитель главного военного прокурора в 50-е годы, открыл для себя эпоху реабилитаций именно с дел военнопленных. Должен сразу сказать: тысячи судеб в войну и сразу после нее были искалечены. В свое время мы не подписали соответствующих международных документов по линии Красного Креста о военнопленных. Сталин говорил: таких нет, есть изменники Родины. То есть их жизни заведомо перечеркивались. Не хочу сказать, что подписание документов сильно бы облегчило их участь в фашистских застенках. Но какая колоссальная сила — моральная поддержка! Расцениваю это тоже как своего рода акцию против собственного народа. Столь же антипатриотичную, как и раскрестьянивание, как и уничтожение лучших кадров в 30-х годах. Когда завершалась война, и люди стали возвращаться на Родину, их здесь ждали опять лагеря — ведомство Берия энергично заработало. Когда же стали разбираться, то десятки тысяч оказались без вины виноватые. Я возьму на себя смелость сказать даже, что многие и к Власову пошли, чтобы вернуться домой. Не вступив в боевые действия, они бежали, переходили линию фронта. И попадали в лагеря...

И после войны в дисциплинарном уставе остался «рецидив» приказа 227, в виде статьи седьмой. Командир до начала 60-х (!) имел право стрелять за неповиновение, невыполнение подчиненным приказа. Мы целые бои выдержали, чтобы убедить тогдашнее руководство министерства обороны: надо изменить статью.

— Скажите, а с каких пор у нас в законодательстве появилась презумпция невиновности?

— Увы, сравнительно недавно, впервые в 77-м году. А до той поры эта презумпция считалась чисто «буржуазным» понятием. Нам еще предстоит многое осмыслить заново и в собственном, и в мировом опыте. Вот, например, та же процедура ареста. Мы не представляем, как сложно получить разрешение на арест в той же Швеции, скажем. И выдает его не прокурор.

— Почему?

— Потому что прокурор назначается. Выдает независимый, действительно выборный судья. И решение его можно в принципе с успехом оспорить. Мне как-то попался анекдот времен Екатерины II. Прочитал я и подумал, в чем отличается от тех ветхозаветных годов эпоха Брежнева? Вот послушайте. Екатерина осуществила ряд мер: издала «Городовое Положение», «Устав благочиния». И однажды в кругу знати императрица похвалялась тем, что теперь перед законом все равны. В спор с ней вступил граф Нарышкин: «Ну вряд ли, матушка, так». «А я говорю, что так. Если ты или твои люди сделают ослушание полиции, то спуску не будет». На это Нарышкин ответил: «Ну вот завтра увидим, матушка». Наутро он оделся в парадный мундир, а поверх надел изношенный сюртучишко своего истопника и пошел на рынок. Купец торговал курами: живая — 1 рубль, а битая — 50 копеек. Нарышкин приказал двух живых забить, ощипать и заплатил за них 1 рубль. Возник спор, скандал. Купец позвал полицейского. Он стал угрожать Нарышкину: «Плати два рубля или в кутузку». Тогда как бы невзначай Нарышкин расстегнул сюртук, и полицейский увидел ордена, ленты и обрушился на купца. На следующий день Нарышкин в салоне Екатерины все это рассказал. Хохот... только Екатерина сидела хмурая. Позвала оберполицмейстера и сказала: «А я вижу, у вас в полиции все по-прежнему? Расстегнут — прав, застегнут — виноват...»

А ведь точно так и было при Брежневе... Завершая разговор, хотел бы подчеркнуть, что процесс демократизации должен «смягчать нравы», совершенствовать право. Но это вовсе не означает, что будут отменены суд, арест, следствие.

— То есть не отменяет наказание за действительное преступление?

— За преступления опасные и тяжкие...

— И, главное, наверное, Борис Алексеевич, чтобы преступления эти были всегда доказаны?

— Разумеется.

— Слушаю вас и думаю, Борис Алексеевич, сколь еще много предстоит перестроить в Отечестве, чтобы не только крупные столоначальники не лихоимствовали, не злоупотребляли властью, но чтобы, скажем, и бдительная дежурная в гостинице не нарушала наших прав, чтобы телефонистка не вмешивалась с непримиримыми оценками в наш служебный или личный разговор. И чтобы еще были такие суды, которые, коли уж случится конфликт, принимали бы иски, рассуживали и с телефонистками, и с дежурными... Просто, знаете, хочется, очень хочется быть не ответственным квартиросъемщиком Родины. А хозяином и полноправным гражданином.

ИЗ ЗАБВЕНЬЯ

ЧЕТВЕРТЫЙ «ОБЪЕДИНИТЕЛЬНЫЙ»

Четвертый съезд РСДРП имеет еще название «объединительный», так как основной его целью должно было стать, по мысли организаторов, объединение меньшевиков, большевиков, польских, литовских социал-демократов и Бунда в единую партию. Идея эта родилась в классовых боях 1905 года, когда на баррикадах первой русской революции социал-демократы России сражались плечом к плечу, отбросив прочь теоретические расхождения и национальные амбиции.

Но требование объединения родилось в низовых ячейках партии большевиков под их нажимом. Уже в ноябре 1905 года ЦК РСДРП меньшевистскому центру (организационному комитету), образованному после Женевской конференции, предложили провести объединительный съезд.

Однако собрался он лишь в апреле 1906 года в Стокгольме. Время было крайне напряженное, в самое главное, было не очень-то ясно, пойдет ли после разгрома Московского вооруженного восстания революция на убыль или нужно ожидать нового подъема движения. Большевики полагали, что в любом случае необходимо быть готовыми к новому вооруженному столкновению, а, следовательно, учесть уроки прошедших боев как в политическом, так и в техническом и военном аспектах. Меньшевики же призывали оставить мысли о вооруженной борьбе и принять как можно более деятельное участие в выборах и работе Государственной думы, которая по высочайшему манифесту должна была стать совещательным органом при царском кабинете министров.

Собственно говоря, не стоит пересказывать перипетии съездовских дебатов, нюансов политических платформ, об этом можно достаточно подробно прочитать в книге **М. Н. Лядова «25 лет Российской коммунистической партии (большевиков)»**, изданной Нижегородским губкомом РКП(б) в 1923 году. Эта книжка недавно вернулась в открытый фонд Государственной библиотеки СССР имени Ленина из спецхрана.

М. Н. Лядов, активный участник IV съезда, дал очень квалифицированный, исторический обзор развития борьбы партии за 25 лет ее существования.

Однако здесь стоит оговориться, что, просматривая книги и работы, посвященные IV съезду РСДРП, на котором удалось добиться лишь формального объединения двух основных течений российского социал-демократического движения, приходишь к довольно печальному выводу: историк, взявшийся за изучение «объединительного» съезда, будет знать мнение о происходивших событиях лишь с одной стороны. На эту мысль наводит, к примеру, работа **Л. Каменева «Меньшевики в первой русской революции» (М.—Птг., 1923).** Сама по себе брошюра эта крайне любопытна хотя бы в том отношении, что объединяет под одной обложкой две статьи, опубликованные в нелегальной большевистской газете «Пролетарий» в 1909 году. Статьи носят общее название «Ликвидация гегемонии пролетариата в меньшевистской истории русской революции». И здесь хочется привести небольшой отрывок из предисловия к брошюре, написанный Л. Каменевым в 1922 году:

«В печатаемых ныне критических очерках характеристика меньшевиков в революции 1905 года и в предшествующую эпоху дается на основании меньшевистской же оценки первой русской революции. Эту оценку меньшевики дали в коллективном пятитомном сборнике, начавшем выходить в 1909 году — в самый разгар Столыпинской контрреволюции — под названием «Общественное движение в России в начале XX века», под редакцией наиболее ответственных представителей меньшевизма Л. Мартова, А. Потресева и А. Мартынова. Сборник этот представлял попытку рассмотреть и осветить с меньшевистской точки зрения не только борьбу классов в 1905—1906 гг., но и весь процесс общественного развития и политической борьбы за период конца XIX и начала XX веков и превратился, таким образом, в своего рода «меньшевистскую энциклопедию...»

Не правда ли, любопытно было бы сегодняшнему исследователю познакомиться с таким фундаментальным трудом теоретиков и лидеров меньшевизма. Но, увы, сегодня в открытом фонде библиотеки находятся, например, воспоминания таких белогвардейских вождей, как Деникин и Колчак, в одно из крупнейших дореволюционных изданий русской социал-демократии остается не только неизвестным широкой читающей публике, но и труднодоступно для специалистов.

И почему-то вспоминается здесь имя В. Невского — большевика-историка, о великолепной книге которого «Очерки истории РКП(б)» мы рассказали в первом номере нашего журнала. Будучи в 1935 году директором Государственной библиотеки имени Ленина, В. Невский запретил изъятие из главного книгохранилища страны «неугодной» политической литературы, несмотря на личное письменное распоряжение Сталина. В. Невский был арестован. Так и не увидел свет второй том его «Очерков», и только потому, что он считал негодным способом борьбы умалчивание и забвение, пусть ошибочных, пусть даже враждебных мыслей, книг, статей, ибо одностороннее или необъективное освещение исторических событий отучает людей мыслить, искать истину. Опасное заблуждение — делить мир на черное и белое, в чем мы уже не раз убеждались.

Современному читателю будет небезынтересно познакомиться с работой **Г. Зиновьева «История Российской коммунистической партии (большевиков)», Ленинград, 1925.**

Мы рекомендуем это издание по нескольким причинам, и прежде всего потому, что подобная книга вольно или невольно отражает взгляд ее автора, крупного партийного деятеля, на процессы, предшествовавшие Великой Октябрьской социалистической революции. Книга написана в жанре популярных очерков и посвящена комсомолу. В этом плане любопытен сам литературный стиль работы. Как и многие партийцы, прошедшие работу в подполье, печатавшиеся в нелегальной и полулегальной печати, Зиновьев обладает, как говорится, «легким пером», умеет доходчиво и живо рассказать о сложнейших перипетиях революционой борьбы, теоретических споров. И сегодня, когда мы хотим приобщить к историческим знаниям наше общество, нелишне познакомиться с теми приемами лекторской и пропагандистской работы, которыми так великолепно владели революционеры «дооктябрьского призыва». Еще один аспект в этой книге, на который стоит обратить внимание. Сейчас в печати разгораются страсти вокруг «Ленинского призыва» в партию. Даются противоречивые, порой резкие оценки его роли в истории партии. Так вот, работу предвосхищает большая статья Г. Зиновьева «Новый «Ленинский призыв» и новая глава в жизни нашей партии». В разгар сегодняшнего спора читатели, думается, с интересом прочтут размышления одного из инициаторов «Ленинского призыва».

Сигурд ШМИДТ:

«БЕЗ ЛЮБВИ К МАЛОЙ РОДИНЕ, К ЕЕ ПАМЯТНИКАМ И ПРИРОДЕ НЕВОЗМОЖНО ПОЧИТАНИЕ И РОДИНЫ БОЛЬШОЙ»

Краеведческих музеев, скучных, скудных, одинаковых, видели мы немало. Краеведов — бескорыстных энтузиастов! — склонны были считать едва ли не чудаками. Но только недавно стали узнавать, кто повинен в печальном состоянии краеведения. Да, к скорбному ряду наук, в свое время неугодных и гонимых (генетика, кибернетика), следует добавить и скромное краеведение. Только поставить его не в конец, а в начало ряда, ибо краеведы были ошельмованы и сосланы еще в начале 30-х годов. То, что теперь мы символизируем «1937 годом», наступило для них уже тогда.

Термин «краеведение» появился не так давно — словарь Даля и энциклопедия Брокгауза и Ефрона еще не зафиксировали его. Но краеведение в России существует не первый век, родившись одновременно с появлением профессиональных ученых-исследователей. Комплексные академические экспедиции XVIII столетия, в которые входили географы, историки, биологи и т. д., были настоящими краеведческими экспедициями. В конце прошлого века и начале нынешнего в России успешно действовали ученые Русского географического общества и губернские ученые архивные комиссии. На окраинах империи и в ее глубинках краеведами часто становились политические ссыльные.

Вместе с новым — двадцатым веком входили на русскую землю и новая техника, и новая технология, и новые социальные катаклизмы, и войны, и разрушения. И трудолюбивые краеведы настойчиво и кропотливо старались успеть спасти, зафиксировать то, что составляло гордость или своеобразие края, что помогло бы впоследствии потомкам не быть иванами, родства не помнящими. И тем самым помочь родному краю занять достойное место в новой жизни.

— Понятие «краеведение» воспринимается ныне как многозначное,— говорит председатель Археографической комиссии АН СССР, профессор Московского государственного историко-архивного института Сигурд Оттович Шмидт.— Это и наука, знание, и научно-популяризаторская и общественная деятельность.

Краеведение — это всегда воспитание историей, обретение исторической памяти. Это важнейший путь формирования и воспитания экологической культуры. Согласитесь, как это важно сейчас, именно в наши дни, воспитывать уважение к исконным началам.

В начале XX века в краеведном движении участвовали люди разного уровня образованности, возраста, различной социальной принадлежности. А в первые годы Советской власти — годы коренных социальных преобразований — оно стало массовым научно-культурным движением. Краеведная работа органично вошла как важная составляющая в культурно-просветительскую политику партии большевиков.

Ею руководили в масштабе страны те же люди, которые определяли деятельность Академии наук, я бы назвал прежде всего академика С. Ф. Ольденбурга. Именно краеведение стало школой научной работы для многих знаменитых позднее ученых. К примеру, мой учитель академик М. Н. Тихомиров, организатор Археографической комиссии (в 1956 году), начинал по окончании Московского университета с организации музея в городе Дмитрове, написал книгу и статьи о Дмитровском крае, а также и о Самарском крае. Н. К. Крупская особенно заботилась, чтобы любовь к краеведению прививали еще в школе. Краеведы стали организаторами множества музеев, способствовали собиранию архивов, памятников культуры. Период 1917—1927 годов был поистине «золотым десятилетием» краеведения.

— Какие же причины, Сигурд Оттович, привели в дальнейшем к разгрому краеведения?

— Знания. Да, да, ведь в этой отрасли человеческого знания сфокусированы селекция, отбор, народные приметы, словом, все, что наиболее значимо и характерно для данного региона, что выдержало испытание временем, проверку практикой поколений. Краевед — лучший знаток не только местных памятников и преданий, но и вековых обычаев, которые помогают местным жителям выжить и в тяжелых климатических условиях, справиться, например, с недородом, засухой...

А вот с наступлением эры коллективизации в деревне, когда крестьянин превращался из хозяина в работника «куда пошлют», вопрос «когда и что сеять» стали решать в районе люди, порой весьма далекие от сельского хозяйства. Поднялась высокая волна миграций из сел в города, и новоиспеченные горожане утрачивали связь со своим местом рождения, а потом подчас боялись своего крестьянского происхождения.

Разгром краеведения привел к тому, что была уничтожена связь между «большой наукой» и подпитывавшей ее основой. Многие ученые были ошельмованы и сосланы. Прекратилась практика издания краеведческих трудов (хотя давние краеведческие наблюдения продолжали использовать в академических трудах). Были прерваны народные памятникоохранительные традиции, которых придерживались Ленин и Луначарский в первые послереволюционные годы.

— Многим читателям, я чувствую, покажется надуманной такая прямая зависимость между прорехами в экономике и плачевным состоянием краеведения. Но эта связь, видимо, действительно существует: был утрачен корпус советников, компетентных знатоков. Не так ли?

— Да, конечно. Краеведов в свое время даже включали в состав губпланов — губернских плановых комиссий, а краеведческие конференции и заседания были заметными явлениями в общественной жизни. Общественное мнение прислушивалось к голосу краеведа. Наступление эпохи всеобщей нивелировки означало гибель для всех, кто во всем выявлял своеобразие, ведь краеведы предостерегали от попыток унификации приемов хозяйствования без учета местных особенностей — природных и социальных. И массовая насильственная коллективизация, естественно, повлекла репрессии в отношении знатоков сельской жизни. А наступление на промысловую кооперацию оказалось трагическим для тех, кто эти промыслы изучал и популяризировал. Да и в более поздние годы подсказки краеведов оказались ненужными. Ну, скажите, какой уважающий себя и влюбленный в свой край ученый мог бы позволить разрушение родного города, природы, вековых ландшафтов?

Без любви к малой родине, к ее памятникам и природе невозможно почитание и Родины большой. Если сам, на опыте родных и собственном, убедился, что на этой земле ради твоего будущего кто-то пролил пот и кровь, ты не посмеешь кощунствовать и рушить памятники (заметьте, что массовое разрушение храмов совпало по времени с преследованием краеведов; и это симптоматично!), не бросишь «свою» землю в беде, не станешь бездумно «перестраивать» природу даже ради покорения Севера. Недаром краеведение называли родиноведением, отчизноведением. Вот почему одно из действенных средств спасения природы, памятников старины я вижу в возрождении краеведения, службы памяти.

— Службы памяти?

— Да. у нас должна быть служба того, что мы не можем забыть. Здесь государственным архивным и музейным учреждениям, библиотекам должны оказать всемерную помощь энтузиасты. Собирать сведения о событиях и людях, фиксировать средствами кино и фотографии, а также описаниями все мало-мальски ценное, нестандартное, традиционное: дома, улицы, города, ландшафты и, конечно, сведения о людях, их личных архивах. Небытие есть небытие — оттуда ничего не вернешь.

— Причем говорить надо не только о службе памяти, но и о реконструкции памяти. Это уже нечто иное: поиск исторической истины, проверка и уточнение данных о прошлом.

— Иногда мы повторяем непроверенные «исторические» слухи. А надо, чтобы наша память была свободна от вредных примесей. По сути дела, это вопрос честности в науке. Сплетня не должна утверждаться ни в окружающей нас жизни, ни в истории, точнее, в ее воспроизведении.

Непременно следует помнить и о том, что нужно хранить память о самих краеведах, называть их именами музеи, создавать в музеях уголки краеведов, издавать о них книги, буклеты. Помнить, кому мы обязаны сохранением исторической памяти.

— История и краеведение. Каково соотношение этих отраслей знания?

— Прежде всего элементы краеведения всегда входят в историю, о чем бы мы ни писали,— ведь история конкретна во времени и в пространстве, а краеведение всегда является и историей, показывая связи настоящего с прошлым, даже когда цель отразить новое, особенное. Ведь новым оно может показаться лишь по сравнению с прошлым, а особенным — по сравнению с распространенным...

Краеведение — это всегда еще и краелюбие. Краеведы хотят познать прошлое, чтобы современники его не только ценили и уважали, но и использовали в сегодняшней жизни.

И они не ограничиваются напоминанием лишь о тех, кто украшен наградами или был ранее уже широко известен. Они выискивают имена, скажем, мастеров на все руки, любимых школьных учителей, знатоков лечебных трав, хороших пчеловодов... В этом уважение к труду человеческому, главной и истинной нашей ценности. Такие люди — носители доброго начала в истории. Но надо напоминать и о зле, о страданиях, чтобы этому противостоять, чтоб это не повторилось.

— На Всесоюзном семинаре-совещании по актуальным проблемам развития краеведческого движения в декабре прошлого года первый заместитель Советского фонда культуры Г. В. Мясников назвал родиноведение первым шагом к культуре человека, к его осознанию себя не только личностью, но и звеном в цепочке поколений: «Человек, который живет и не знает свое прошлое, напоминает дерево, которое вроде бы и цветет, и имеет листья, но, к сожалению, не имеет корней, и не на что ему опереться, не на чем держаться...» Кстати, Георг Васильевич в бытность секретарем Пензенского обкома партии явился инициатором восстановления исторического облика областного центра... И Советский фонд культуры, и республиканские фонды проявляют сейчас особый интерес к развитию краеведения. Уже созданы десятки клубов и объединений во многих городах страны. Не правда ли, это уже сила, плацдарм для того, чтобы краеведение отвоевало для себя более заметное место в обществе, чем это ему было позволено ранее?

— Да, когда более двадцати лет назад возникли республиканские общества охраны памятников культуры и истории, столь много впоследствии сделавшие для восстановления статуса краеведения, положение было иным. Сейчас краеведение занимает заметное место и в вузовском, и в школьном образовании. Уверен, что краеведческие факультативы были бы желательны во всех вузах. Ведь даже история самого высшего учебного заведения — это тоже краеведение.

— Последний вопрос, Сигурд Оттович. В одном журнале я прочла телеграмму, которую археолог и этнограф Г. А. Бонч-Осмоловский направил 18 октября 1921 года заведующей музейным отделом Наркомпроса Наталье Ивановне Троцкой:

«Севастопольские памятники нашел накануне полной гибели. Мировые ценности Херсонеса охраняются одной женщиной. Крыши текут. Исторический бульвар, Братское кладбище вырубаются, были случаи разбивания гробниц. Служащие от голода разбегаются. Во имя ответственности перед культурой человечества... прошу принять чрезвычайные меры».

Ответственность перед культурой человечества... Не меньше. Не этот ли завет должен стать основой для возрождения нашего краеведения на новом уровне?

— Старые краеведы, они ведь сами ощущали: то, что они собирают и хранят, передают другим, является частью общечеловеческой культуры. Если я люблю свою березу, то я допускаю, что есть человек, который любит свой кипарис, и я уважаю чувство и вкус этого человека. Общность уникальных национальных и региональных культур и есть общечеловеческая культура, а краеведы — истинные, преданные слуги, и хранители, и строители.

Наша задача — помочь обрести конкретную форму (в именах, событиях, датах, так сказать, привязке к местности) историческим и экологическим представлениям. И, конечно, прежде всего о новом и новейшем времени — еще недавно эти представления были искаженными или перегруженными абстрактными схемами, а о скольких людях и событиях память вытравляли?!

Возрождение краеведения, а точнее, тяга к нему — показатель демократизации нашей жизни, нашего мышления и деятельности, поощрения местной инициативы, стремления к конкретным делам на конкретном участке жизни, участке земли. И ученые призваны помочь этому движению обрести научную основу.

Беседу вела
Татьяна КОРСАКОВА

Случилось так, что русская культура распалась на два потока. Один из них шумел и бурлил на родине, другой бился о пороги жизни в чужих странах.

В числе тех, кто не по своей воле оказался за границей, был и Михаил Андреевич Осоргин (1878—1942). С группой писателей, ученых и общественных деятелей он был выслан из Советской России весной 1922 года по инициативе Л. Д. Троцкого. Все годы эмиграции он прожил с советским паспортом. С просьбой о содействии возвращению Михаил Андреевич многократно обращался к Горькому, с которым его связывало давнее знакомство (с 1897 года) и постоянная переписка. В тридцать шестом году Осоргин — Горькому: «Мне скоро исполняется шестьдесят лет, из них сорок два года я печатаюсь, а для кого это я делаю?

Эмиграция мне чужда, как и я ей. Вы это достаточно знаете». За годы изгнания писатель создал девять книг (романов, очерков, рассказов), и еще четыре были опубликованы после его смерти в пятидесятых годах. В наши дни наследие замечательного русского писателя Михаила Осоргина начинает возвращаться на родину. Сегодня мы публикуем фрагменты из его писем другу в Россию.

Письма к старому другу в Москве

Париж, 12.5.36.

Под свежим впечатлением твоего письма отвечу если не очень толково, то достаточно пространно. В том, что ты пишешь о «гуманизме», новости для меня нет, об этом говорено, переговорено и будет еще говориться без конца. Вообще имей в виду, что здесь, на нашей невольной воле, слышно все, что где-нибудь говорится и думается,— никаких для этого границ и застав не существует и я, конечно, вполне в курсе и российской действительности (хорошего и дурного), и новой идеологии, которой ты как живой человек отдаешь законную дань! Но дело в том, что «нового под луной» вообще мало. Каждая эпоха считает себя и важнейшей, и необыкновенной, уверяя, что такого «не бывало», каждое поколение считает себя правым и самым мудрым! И однако мудрость говорит, что было и это, было и большее, а люди не поумнели и не стали счастливее. Жизнь всегда требовала «жертв искупительных» и всегда требовать будет: можно с этим мириться и можно против этого восставать — результат будет один. Ты под «гуманизмом» понимаешь какую-то слащавость («проливать горькие слезы»). В основе гуманизма настоящего не жалость, а гордость, уважение к человеку, и к себе, и к другому, вообще к человеческому достоинству. Человек должен быть целью, но средством быть не должен. «Историческая перспектива», будто бы иногда оправдывающая то, чем гуманизм возмущается, подобна всякой перспективе, в том числе и зрительной: она уменьшает отдаленное и преувеличивает близкое; и получается, что настоящее может оправдать прошлое. Для обывателя это достаточно, для философа слишком мало; мы обычно останавливаемся посерединке. Но свободный человеческий дух не мирится ни с постоянными, ни с временными узами, ни с вредным, ни с «полезным» насилием. Вот ты пишешь о фашизме. Сейчас фашизм во всех его формах — величайшее зло и огромнейшая сила. Зло — потому что отрицание человеческого достоинства, личной и общественной свободы, давление на совесть, возвеличение кулака и оружия. Сила — потому что он увлек народные массы, главным образом молодежь. И Гитлер, и Муссолини опираются на подавляющее большинство населения, и паразитического, и трудового; фашизм воспитал в людях скотское, тупое подчинение, свободу от мысли (думает вождь) и от решений (решает вождь). Все идет к черту — да здравствует спорт; к черту наука — да здравствует техника; к черту гуманизм — да здравствует моя раса, моя нация, моя страна. Фашизм гораздо страшнее и самодержавия, и буржуазного строя (с которым он только внешне соприкасается, но от которого весьма отличен). Недаром и Мус[солини], и Гитл[ер] оба называют себя революционерами, причем первый был, а второй и сейчас считается «социалистом»...

Так вот я и говорю, что против фашизма, положительно захватывающего прямо или косвенно всю Европу, бороться можно только проповедью настоящего гуманизма (если вообще какая-нибудь борьба возможна): чистого, без всяких ограничений и изъятий! Когда к ясному принципу начинают делать поправки и поправочки, идеи больше нет! В идее святости, то есть независимости, достоинства, неприкосновенности человеческой личности, никаких оговорок быть не должно. Моя «бесперспективность» принципиальна, я никогда не изменял идее ни по каким расчетам и соображениям. Ты пишешь: «гуманизм в наше время неизбежно должен выродиться в слезливую слащавость, сентиментальность или в лицемерное ханжество. Время сейчас боевое, а на войне как на войне надо занимать место по ту или иную сторону баррикады». Я отвечу на это, что пусть он лучше выродится в сентиментализм, чем в свою противоположность — в отрицание человеческой личности (как это и случилось везде). «Время сейчас боевое» — да! Правда, оно всегда боевое, потому что гуманизм всегда под угрозой. Мое место неизменно по ту сторону баррикады, где личная и свободная общественность борется против насилия над ними, чем бы это насилие ни прикрывалось, какими бы хорошими словами ни оправдывало себя. Муссолини уверяет, что он защищает свободу внутри и вне Италии! В фашистском гимне поется «спасение нашей свободы — в фашизме». Эфиопию раздавили «во имя борьбы против рабства». Гитлер на своем знамени пишет ту же свободу. «Свобода, равенство, братство» от великой революции докатились до тюрем и монет: стали надписями. Дальше покатились по всем «культурным» странам, и теперь этими словами (во всяком случае, двумя первыми) прикрывается всякое варварство, всякое насилие. Муссолини говорит от имени своего, своей страны и пролетариата (его последняя речь). Гитлер также говорит от имени пролетариата. У обоих с уст не сходит слово «свобода», оба твердят о социальной справедливости, о праве на труд, о принадлежности государства трудящимся, о представительстве профессиональных организаций в деле управления страной, о величии момента, о строительстве, о мире всех народов, об уничтожении рабства во всех видах, в том числе экономического. И все вожди лупят кулаками и подошвами несогласных с их выкриками, называя их насильниками и защищая от них страну, которая им аплодирует. У всех вождей один язык — только произношение различно. И идея одна: строить крепкую государственность, подавляя личность гражданина. Если вы думаете, что в Европе царствует капитализм и буржуазия,— глубоко заблуждаетесь! Это было и прошло; над Европой реет знамя так называемого «государственного социализма», который в переводе означает тоталитарное государство: власть — все, личность — ничто, народ — стадо, которому нужен пастух и погонщик. Слово «социализм» — для красоты и для услады слуха дураков. При таких условиях выбора нет — гуманист знает о своем поражении и остается умирать на баррикаде «свободы без оговорок», «права личности без ограничений», уважения к человеку не в будущем, а в настоящем.

Ограничение гуманистической идеи «условиями времени» есть, по существу, чистейший либерализм и оппортунизм. В свое время у нас кадеты тоже допускали с ограничением условий во времени и тепленькую свободу, и легонькую конфискацию недвижимости, и постепенное участие народа в управлении. Мы же, революционеры, просто и без ограничений говорили, что человек должен быть свободным, совесть его не стеснена, личность его неприкосновенна, жилище его недоступно наглому вторжению, право на труд обеспечено, продукт этого труда не должен принадлежать капиталисту, как и продукт обрабатываемой им земли. За это люди боролись и умирали. И то были не сладенькие гуманисты, а истинные гуманисты, пусть наивные. Кое-чего эти люди добились, а теперь удовлетворенный обыватель, ссылаясь на «обстоятельства времени», просит их пообождать с дальнейшим, а несогласных переводит в разряд «искупительных жертв». Как отвратительна фраза Некрасова, никогда жертв не приносившего, и лишь ковавшего денежки на «гражданской скорби»! Как видишь, мой гуманизм не сладенький, а боевой. Но встает вопрос более страшный: стоит ли вообще все будущее, любой обещаемый земной рай одной пролитой капли крови ребенка (или итальянского солдата в Эфиопии, если так говорить проще)? Мой гуманизм не знает и не любит мифического «человечества», но готов драться за человека. Собой я готов пожертвовать, но жертвовать человеком не хочу и не могу. Лучше пускай идет к черту будущее, в которое я, как мыслящий, верить не могу — не зря же мы учили и учим историю! Но тут мы уж никак не согласимся. Я идеи прогресса не принимаю ни в природе, ни в человеческом обществе. Может быть, с этого было правильнее начинать — и говорить было бы не о чем. Идея прогресса для меня не обосновывается ни научно, ни логически, ни даже метафизически. И «приносить себя в жертву» можно не во имя будущего, а лишь по невозможности мириться с настоящим. Очень завидую тем, у кого есть в перспективе царство небесное и золотой век Астреи, но я в данном случае реалист. Поэтому и нет и не может быть у меня «исторической перспективы». Если я говорю о проповеди чистого гуманизма, то потому, что не могу не кричать против насилия; если поминаю павших в борьбе за человеческое достоинство и за свободу личности, то в них я уважаю и ценю не пожелавших жить под игом, хотя могу ценить и мечтателей, даже если и не разделяю их мечтаний. Поскольку мне свойственно творить, я готов строить — пусть даже для будущего, я не о себе забочусь,— но строить Хеопсову пирамиду на человеческих костях не хочу. Мне шелудивый Ванька дороже его благородных потомков.

Твой Мих. Ос(оргин)

Париж, 6.8.36

В отношении к нашей стране между нами не может быть различия. Я люблю Россию не наивной любовью человека русской культуры, созданной поколениями идеалистов и реалистов. Я прожил за границей почти четверть века. Проклинаю и благодарю за это реалистов русской политики, по праву власти калечивших мою судьбу. Я не стал европейцем, просвещенным мещанином, крохоборцем и служителем полицейского культа. Но я знаю Европу, и потому люблю Россию: ты любишь ее, потому что не знаешь Европы, но зато ты, конечно, лучше меня знаешь СССР.

Почти двадцать лет вы живете за китайской стеной, не имея представления о том, что произошло в Европе в пореволюционный период. Я читаю все советские газеты с их процеженными сквозь цензурное сито сведениями, как стыдно, что вы малолетние! Я живу в стране, где пресса коммунистическая совершенно свободна, как и партия, как и все остальные газеты и партии. Это тем хорошо, что я могу быть беспристрастным в оценках. И потому я радуюсь, когда вижу, что жизнь нашего Союза идет к расцвету, к материальному и духовному богатству. Во всем мире нет другой такой страны, в этом не может быть сомнения. Но при всем необычном темпе развития наша страна еще страшно отсталая; ее прекрасный новый человек лепечет склады. Больше всего поражает научная отсталость; за немногими (прекрасными, изумительными) исключениями русские ученые — типичные гимназисты. Я просматриваю академические издания, отчеты о лекциях, восторги «достижений» и поражаюсь их малости и их наивности.

Ты, честный труженик, которого я знал свободным мыслителем, социалистом, даже анархистом, ты своими оговорками если не защищаешь, то извиняешь насилие, поешь в хоре рабов голосом раба — чего мне еще ждать и на что надеяться! Стереги свою яблоню, мой старый и дорогой друг, стреляй из ружья в нарушителей твоего права частной собственности, в беспризорных, еще не перевоспитанных по новой системе, в тех, чей «гарантированный» труд не дает возможности жить без кражи. Я предпочитаю стеречь те идеалы, которым всю жизнь служил и не могу изменить просто ввиду своего характера, а не как фетишам. Я не мог бы, как многие совписатели, лицемерными холопскими голосами каяться в «уклонах» и несоответствии генеральной линии. Это так противно, что даже Горький, которого не заподозришь в несочувствии сов[етскому] строю, писал мне однажды по этому поводу: «Стыдно за людей, которых я знал и даже уважал». Правда, он писал это пять лет тому назад.

И знаешь, в чем дело? Дело в том, что вы нашли истину, ту самую, которую много тысяч лет ищут мыслители и художественные творцы. Вы ее нашли, записали, выучили наизусть, возвели в догму и воспретили кому-либо в ней сомневаться. Она удобная, тепленькая, годная для мещанского благополучия и выхода в новые дворяне. Нечто вроде христианина и православной церкви: оправдывает и человеколюбие, и смертную казнь. Рай с оговорочками, впуск по билетам, на воротах икона чудотворца с усами. С теми счастливцами, которые нашли истину, тщетно говорить языком ищущих, да и опасно, потому что реалист строго охраняет свою яблоню. Но я боюсь (или радуюсь), что идущая за нами молодежь слишком много слышала пышных слов, чтобы не уверовать хотя бы в часть их. И она доищется до подлинного и безоговорочного смысла таких слов, как «свобода», как «гуманизм», как «человек не должен быть средством». Я не меньше тебя верую в советскую молодежь и многого от нее жду, вот только распахнутся двери в иной мир и потянет свежим воздухом. Если Европа сумеет победить фашизм, на что надежды пока не много, она вряд ли удовольствуется вашим православием. Пока же я охотно соглашаюсь, СССР — единственная страна великих возможностей. И мне больно и горько, что ты, законодатель и хозяин своей страны, не пускаешь меня туда и затыкаешь мне рот. Нечего делать — умру здесь.

Твой Мих. Ос(оргин)

ГЛАСНОСТЬ в экспортном исполнении

РАЗМЫШЛЕНИЯ ПУБЛИЦИСТА ИЗ ФРГ ЛУТЦА ЛЕМАНА О «ГЛАСНОСТИ ДЛЯ ИНОСТРАНЦЕВ»

Фото Артура РИКЕЛЬМАНА

Западногерманский журналист Лутц Леман в 1988 году выпустил в ФРГ книгу о нашей перестройке «Необходимо, как воздух». Точнее, он описал в ней свои впечатления и наблюдения, рассказал о событиях, очевидцем которых он был, работая в Москве корреспондентом телевидения ФРГ. А приехал он в СССР в 1982 году, имея лишь заочные представления о нашей стране, в основном по публикациям в западной прессе и рассказам коллег.

Совпали ли его впечатления с той картиной нашей действительности, которая сложилась у него до поездки? В основном да, считает он. Единственная неожиданность: оказалось, что в СССР можно свободно разговаривать с людьми на улицах. Правда, вспоминает он, в те времена случалось и так: ты с кем-то беседуешь, как вдруг рядом возникает милиционер и просит предъявить документы. Милиционер считает, что иностранцу разговаривать с советскими людьми не положено. Всякий раз Леману приходилось разъяснять бдительному стражу порядка, что он заблуждается.

Как происходила адаптация Лемана к условиям жизни в чужой для него, во многом непонятной стране? «Поначалу, — рассказывает он, — я не мог влезть в гущу проблем, потому что как раз в это время был тяжело болен Брежнев, иногда вдруг появлялись слухи о его смерти, иностранные журналисты не решались в то время уезжать из Москвы: со дня на день ожидали его кончины.

А когда это случилось, когда Генсеком стал Андропов, начались интересные времена. Потому что пришел интеллигентный, энергичный государственный деятель, который говорил правду, апеллировал к совести, и было заметно, что население вздохнуло с облегчением. У всех появилось чувство удовлетворения, что страну наконец-то возглавил интеллигентный и культурный человек, который открыто говорил о трудностях. У людей появилась надежда, что теперь все решительно переменится к лучшему».

Появилась и погасла. Леман: «Я приехал в страну, о которой я знал, что она находится в спячке, и увидел первые признаки пробуждения, сменившиеся разочарованием, когда после смерти Андропова Генсеком стал Черненко. Интеллигенция — та продолжала уповать на скорые перемены, готовилась к ним, а большинство обычных людей, с которыми я сталкивался, пребывали в состоянии пассивности».

Но вот наступила весна 1985-го. Новое руководство, курс на перестройку, раскрепощение людей от гнета запретов и мелочной чиновничьей регламентации, опутывавших, как паутиной, все живое, — раскрепощение поначалу робкое, неуверенное, потому что многие еще не верили, что начавшийся процесс очищения от скверны на этот раз «всерьез и надолго». Да и не все шло гладко: рецидивы прошлого продолжали заявлять о себе порой во весь голос.

Обо всем этом Лутц Леман написал книгу «Необходимо, как воздух». Критическую и острую. Появись подобная публикация в старые времена, ее бы у нас скорее всего попросту замолчали, утешая себя привычной формулой: «Нехай клевещут». Или же, придравшись к неточности, учинили бы автору публичный разнос. Заклеймили бы антисоветчиком. Сегодня мы хотим знать о себе всю правду. И нам небезынтересно в том числе, что о нас думают другие и как мы выглядим в их глазах. Вот один из эпизодов, описанных в книге.

Лутц Леман со своей съемочной группой собирается поехать в сибирский город Уренгой. Отказ («...потому что в то время в Уренгое сложилось тяжелое положение с продовольствием, что и хотели скрыть», — пишет он). Вместо этого ему предложили Нерюнгри. Поездка готовилась, когда Горбачев еще только был выбран Генсеком, и «о гласности в то время еще никто не говорил». Что ж, Нерюнгри так Нерюнгри.

«Итак, с чего мы начнем?» — спрашиваю по приезде сопровождающего Сашу. «Предусмотрено, — говорит он, — что мы вначале посетим детский сад». Я уже давно приучил себя в подобных ситуациях не меняться в лице. Куда бы ты в СССР ни приехал, какую бы тему ни собирался освещать, детский сад и универмаг, школа и иные социальные учреждения всегда фигурируют первыми в списке посещений. Дойдет ли дело до главного и когда, остается неведомым.

И, разумеется, приоритет над всем имеет визит вежливости, который иностранный гость наносит местным лидерам, — церемониал, хотя и отнимающий время, но неизбежный».

За детским садом следует (также недобровольное) посещение новой молочной фабрики — иностранному корреспонденту хотят продемонстрировать цех автоматического розлива молока. Правда, во время осмотра случается конфуз: линия внезапно ломается, ее торопливо чинят, запускают, снова поломка, молоко льется на пол, работницы пытаются скрыть улыбки. Леман: «Мне вдруг вспоминается, что главный инженер в самом начале экскурсии с гордостью сообщил, что линия по розливу смонтирована в два раза более короткий срок, чем предусмотрено. Всегда ли быстрее значит лучше?»

В Нерюнгри Леман захотел снять временные бараки, в которых живут рабочие. Происходят тяжелые двухдневные дебаты с сопровождающим, который противится съемкам. «Это нежелательно», — говорит Саша. «Но это же часть действительности», — говорю я. «Конечно», — подтверждает он, но остается при своем: на съемки бараков в Нерюнгри разрешения нет. Ничего не поделаешь. Не помогает мне и Ленин, слова которого о том, что не нужно ничего приукрашивать и ничего скрывать, какой бы ни была правда, я привожу всем, кто готов меня слушать.

...Мы беседуем с Леманом, который вспоминает и другие эпизоды.

— Что еще осложняло работу в Москве?

— Каждый раз приходилось прилагать титанические усилия для организации самых простых съемок. Отправлять уйму писем в МИД: вот мои предложения, сроки, объекты. Все это там обсуждали, потом мою заявку переправляли в отдел печати МИДа, который, в свою очередь, рассылал послания в бесчисленные ведомства, в ожидании ответов проходили недели и месяцы. Иногда какое-то письмо терялось, и тогда приходилось все начинать сначала.

Помню, я задумал сделать репортаж об улице Горького. Я считал: основные съемки будут проходить на улице, на это специального разрешения не надо. Я намеревался начать с Белорусского вокзала — мой фильм должен был начинаться с показа утра и заканчиваться вечером на Красной площади. Однако я заблуждался: на съемку Белорусского вокзала, откуда людской поток устремляется по утрам к своим рабочим местам, требовалось разрешение. Четыре недели ушли на запросы, напоминания, пока наконец не было получено «добро». Я хотел начать снимать в солнечный день, в 6.30 утра, при хорошей видимости. Но в уведомлении, полученном от Министерства путей сообщения, был установлен твердый срок: 7 мая в 11 утра. Я пытался убедить чиновников: мне нужно раннее утро, и, кроме того, никто не может знать, будет ли этот день солнечным или польет дождь. Тщетно: ничего изменить было нельзя.

— Каковы условия работы иностранных корреспондентов в Москве сейчас? Произошли ли сдвиги к лучшему?

— Должен сказать, что ситуация за это время изменилась к лучшему самым кардинальным образом. Допустим, например, что мне надо готовить радиорепортаж о немцах в СССР, их стремлении восстановить свою республику — я его, кстати, делал не один раз. Впервые я пытался снять такой сюжет для телевидения в 1985 году, и у меня тогда ничего не вышло: никто из советских немцев в то время не хотел разговаривать со мной, рассказать, что выпало на долю этих людей в период Сталина, о временах бесправия, о том, что будет дальше. Я не мог даже показать в фильме, как живут эти люди. Тогда еще и намека на перестройку не ощущалось. Вторично я отправился туда год спустя, обстановка была несравнимо более благоприятной. Наконец, в декабре прошлого года я снова обратился в МИД за разрешением, и что бы ты думал? Без всяких проволочек я смог отправиться в путь, причем один, без сопровождающих. Мог встречаться и разговаривать с кем хотел.

...В книге Лутца Лемана есть глава «Сработала система» — о нашей информационной политике в первую неделю после аварии на Чернобыльской АЭС. «Хронология информационной аварии» — так охарактеризовал автор освещение нашими средствами массовой информации первых дней трагедии на Украине. Вот несколько выдержек из текста.

«Генеральный секретарь пропагандировал гласность и демократизацию, и мы, корреспонденты, смогли увидеть первые ее плоды в средствах массовой информации Советского Союза. Однако за событиями в Чернобыле последовал возврат к старому. Аппарат, привыкший к накатанному ритуалу, попросту оказался не готовым к ситуации.

Баланс советской информационной политики в первую неделю после несчастья на Украине выглядит плачевно. То, что было разрешено к публикации государственными органами, то, что они замалчивали или сообщали с запозданием, выглядело как попытка затушевать происшедшее и скрыть его масштабы: взрыв в четвертом блоке атомной электростанции в Чернобыле в ночь с 25 на 26 апреля, приведший к пожару и гибели двух человек.

Конечно, причина аварии была еще неясна, последствия непредсказуемы. Но в самом факте сомнений не было. До того момента, когда об этом было сообщено — отрывочно и в завуалированном виде, — прошло 68 часов, то есть почти трое суток. Только спустя две недели можно было узнать, в какое точно время случилось несчастье и его приблизительные масштабы.

Является ли авария в Чернобыле «национального масштаба катастрофой»? Эту оценку высказал один из коллег на брифинге в посольстве. Правильна ли такая оценка? Не является ли она вольной интерпретацией, преувеличением? Мы, корреспонденты, помимо лаконичных сообщений ТАСС, не располагаем никакой другой информацией, фактами. В посольстве тоже знают не больше нашего. Так этот случай превращается в объект журналистских спекуляций. Причина тому — оправданные сомнения по поводу всех заявлений нового советского руководства о восстановлении ленинского принципа приверженности к правде в советском обществе. Была ли она когда-нибудь? Да и что бы ни произошло на самом деле: то, как подается это событие в СССР,— это катастрофа. Не национальная — международная. К этому следует добавить, что со среды 30 апреля нас лишают возможности передавать телинформацию. Распоряжение столь же бессмысленное, как и непродуктивное. Вопрос: кто и почему мог принять такое решение? Генеральный вопрос: как действовать журналисту в таких условиях?»

Объективные факты в связи с этой записью: 30 апреля Гостелерадио сообщило, что с 1 по 4 мая не будет линии для передачи наших сообщений, включая и для репортажа о майской демонстрации на Красной площади. Такого еще никогда не было.

На 4 дня тележурналисты были обречены на затишье без всяких к тому оснований. Возникло предположение: на советском телевидении, которое само ограничивается прочтением скупых информаций, сообщения и версии западных корреспондентов воспринимались как явное святотатство. Поэтому было решено блокировать им линию. Никому из нас не разрешили поехать в Киев. Это рассматривалось как государственная привилегия на информацию.

Вечером 30 апреля ТАСС передал, что поврежденный реактор заглушен, а зараженная местность очищается. Совет Министров СССР сообщил, что 197 человек направлены на стационарное лечение, 49 из них снова выписаны из больниц.

Все это немного позднее было повторено в сообщении телевидения. Тем самым создавалось впечатление, что снова все в порядке. Затем «Время» предоставило слово комментатору: «Сейчас мы вам покажем фотографию, которую сделал один из сотрудников Чернобыльской атомной электростанции сразу же после аварии. Как вы можете убедиться сами, не было никаких гигантских, как об этом пишут западные агентства, разрушений или пожаров или тысяч погибших. В действительности из прилегающих населенных

пунктов были эвакуированы жители. Хотя интенсивность радиоактивного излучения за прошедшие дни понизилась, но в районе станции она пока еще не пришла в норму. Напомним о том, что специальные подразделения проводят дезактивацию прилегающих областей и что работа предприятий, колхозов, совхозов и институтов, расположенных в окрестностях АЭС, проходит нормально».

Несколько минут спустя ТАСС подробно информирует не о Чернобыле, нет, а о том, как образцово в СССР устраняются радиоактивные отходы. Последнее сообщение перед полуночью: об аварии с расщепляющимися материалами на установке по обогащению атомного сырья в Великобритании.

Затем наступает четверг, 1 мая. Три часа спустя после окончания майских торжеств ТАСС передает информацию Совета Министров СССР о том, что уровень радиации в Чернобыле понизился на 30—50 процентов, и ни слова о том, каков был этот уровень. Правда, далее говорилось: «Состояние здоровья пострадавших критическое».

О том же сообщается и в вечернем выпуске телевидения под конец передачи, после почти часового показа первомайских процессий. Он завершался красивым сюжетом из сельской местности неподалеку от Киева. Диктор: «Таким цветением садов встречают в колхозе «Коммунар» майский праздник». Мы узнаем далее, что 30 семей отпраздновали новоселье в новых домах. Все это должно сигнализировать: неподалеку от Чернобыля царят мир и радость.

Продолжим беседу. Мой вопрос:

— Изменилось ли что-то после «информационной аварии» в Чернобыле? Возьмем события в Нагорном Карабахе...

— Увы, здесь очень мало что изменилось. Опять были запреты на поездки журналистов. Необъяснимые. При всем моем понимании того, что корреспонденты могли оказаться вовлеченными в кровавые беспорядки и при этом пострадать.

— А после землетрясения в Армении?

— Совсем другое дело, никакого сравнения. Мы тут же получили информацию, нам была дана возможность выехать на место трагедии. Мне тоже предложили, но я отказался, поскольку отошел от актуальных репортажей. И, сознаюсь, ехать туда в качестве наблюдателя, когда ты ничем не можешь помочь людям, мне лично было неприятно. Информации на этот раз было достаточно. Никакого сравнения с Чернобылем.

— Ты сейчас ушел с телевидения. Почему? И вообще расскажи немного о себе.

— Как журналист я дебютировал в 1947 году в известной западноберлинской газете «Телеграф»...

—...Которая давно прекратила существование.

— К сожалению. Потом перешел в редакцию газеты «Абенд», она, кстати, позднее тоже закрылась. Хочу надеяться, что и в том, и в другом случае это произошло не по моей вине. А с 1959 года работал на телевидении — до лета прошлого года, когда истек срок моего договора. Продлять я его не стал. В этом случае мне пришлось бы возвращаться в гамбургскую редакцию. А здесь у вас сейчас происходит столько всего интересного, что я решил: лучше останусь газетчиком в Москве. И вот теперь я аккредитован у вас от журнала «Меридиан», который специализируется на репортажах из всех стран мира. Это не мешает мне писать и для других газет, задумывать новую книгу или время от времени работать на телевидении, что я иногда и делаю. Но сейчас я дал себе некоторую передышку после недавней изнурительной работы в Москве.

— Как была принята твоя книга в ФРГ?

— После ее выхода в прошлом году я тогда много ездил по стране и выступал на встречах с читателями. Аудитория самая разномастная — и по профессиям, и по возрастам, и по уровню информированности об СССР. И часто мне задавали такой вопрос: скажите, вот вы написали такие вещи об СССР, можете вы теперь вернуться в Москву? Я отвечал людям: то, что я написал, надеюсь, является реальным отражением действительности. Разумеется, там есть и критика. Но сейчас советские коллеги пишут куда больше и острее о негативных явлениях. Хочу в этой связи сказать, что я действительно испытываю большое уважение к советским коллегам, которые пишут аналитично, бесстрашно.

— Лутц, не надо перехваливать.

— Правильно, в у нас что, думаешь, можно писать обо всем, о чем хочешь? Не все сразу. Но я знаю, что советские коллеги не сдаются, когда что-то не получается, продолжают бороться за перестройку и гласность...

Да, что еще хочу добавить: встречи с читателями в ФРГ дали мне возможность убедиться, что отношение к вашей стране сильно изменилось в лучшую сторону, появилось понимание ваших планов и замыслов. Люди не верят больше в угрозу со стороны СССР, в особенности в военную. Но одновременно я констатировал, что мои соотечественники еще мало знают о происходящих у вас процессах, кое-что переоценивают, удивляются, когда я рассказываю им о перебоях в снабжении продуктами, например. Короче, не до конца осознают масштабы и сложность происходящих перемен. Вот недавно открываю одну западногерманскую газету, а в ней академик Сахаров по-прежнему именуется диссидентом. А с другой стороны, я видел, что люди у нас воспринимают уже как нечто само собой разумеющееся, когда тот же Сахаров теперь свободно выступает, в том числе и за границей — в США, например,— с критикой в адрес СССР.

— Был выдвинут кандидатом в высший орган законодательной власти...

— Подобное невозможно было даже представить себе еще каких-то несколько лет назад. Я что имею в виду: на Западе должны осознать происходящие процессы в СССР как решающий поворот к лучшему.

— Как бы ты написал свою книгу сегодня?

— Уже в процессе написания я обнаружил, как происходящие события обгоняют меня. Но с этим ничего не поделаешь.

— Что из нашей действительности по-прежнему вызывает у тебя отрицательные эмоции?

— Есть кое-что... Правда, меня как иностранца такие вещи не затрагивают, я от них не страдаю — скажем, ситуация с продовольствием.

— Сам ты, естественно, отовариваешься в «Березке»?

— Естественно. Хотя не только там. Свежие овощи и фрукты беру на рынке. Цены там, правда... сам знаешь, какие. А вот, к примеру, молоко или масло покупаю в обычном московском гастрономе. И хозяйственные товары — тоже в обычных магазинах.

— Хозяйственные товары? Может, поделишься опытом: в каких магазинах ты достаешь стиральный порошок?

— О, что касается порошка — это интересная история, сейчас расскажу. Собираясь в СССР, я обратился к коллегам за советом: что брать с собой? Они сказали: запасайся основательно, вези ящиками стиральный порошок, консервы и тому подобное. И тогда я набрал с собой столько — опыта у меня в то время еще не было,— что до сих пор не израсходовал стиральный порошок, который завез в 1982 году.

— Значит, кроме снабжения, других серьезных проблем, на твой взгляд, нет?

— Есть. Меня огорчает, что все еще очень часто у так называемого простого человека, «человека с улицы», как его любят называть, не чувствуется такого сопереживания всем этим волнующим процессам перестройки. Может, потому что люди настолько умучены повседневными проблемами, теряют на их преодоление столько энергии, что ни на что другое ее просто не остается? А может, есть и еще причина тому — верноподданническая психология, культивировавшаяся столетиями? Принимать все, как есть, довольствоваться тем, что имеешь. Нет у советских людей еще достаточных условий для развития чувства собственного достоинства, они не привыкли пользоваться гражданскими правами, которые им неотъемлемо принадлежат.

— И молодежь, ты считаешь, такая же?

— Нет, здесь иначе. Она порой даже выходит за рамки дозволенного, но должен сказать: это составная часть процесса демократизации. Нужно приучиться осознавать, что в условиях демократии не все идет гладко, как по маслу, порой случаются вещи, которые могут кому-то и не нравиться.

— Традиционный вопрос: твои планы на ближайшее будущее?

— Сейчас готовлюсь к одной экспедиции, несколько лет назад о ней нельзя было бы и мечтать. Хочу совершить автопробег от Москвы до Владивостока со съемочной группой. Показать, как велика и разнообразна ваша страна и как трудно совершать такое путешествие по далеко не самым лучшим дорогам вашей страны.

— А новую книгу не собираешься писать?

— Пока нет, но в будущем — почему бы и нет?

Беседу вел Сергей ГУК

ТОЧКА ЗРЕНИЯ

ТЫСЯЧЕЛЕТИЕ МУДРОСТИ

Борис ЛЮБИМОВ, искусствовед

Конец десятилетия, конец столетия, конец тысячелетия... Кажется, само время убеждает задуматься о прошлом, разгадывать тайны будущего. Ощущение рубежа в истории страны, человечества в целом, как никогда приблизившаяся возможность уничтожения жизни на земле и столь же небывалая, едва ли не первая за всю историю надежда на сближение между народами и, наконец, реально сложившаяся ситуация в нашей стране заставляют подводить итоги и намечать перспективы. Одна из самых насущных тем — интеллигенция и перестройка.

В начале века вышел знаменитый сборник «Вехи» (1908 г.), в котором несколько мыслителей — и среди них такие выдающиеся, как С. Булгаков, С. Франк, Н. Бердяев и П. Струве — попытались определить сущность отечественной интеллигенции. Едва ли не наиболее содержательная статья в этом сборнике — «Героизм и подвижничество» С. Булгакова:

«ГЕРОИЗМ — ВОТ ТО СЛОВО, КОТОРОЕ ВЫРАЖАЕТ... ОСНОВНУЮ СУЩНОСТЬ ИНТЕЛЛИГЕНТСКОГО МИРОВОЗЗРЕНИЯ И ИДЕАЛА, ПРИТОМ ГЕРОИЗМ САМООБОЖЕСТВЛЕНИЯ...

Нетерпимость и взаимные распри суть настолько известные черты нашей партийной интеллигенции, что об этом достаточно лишь упомянуть... Героизм как общераспространенное мироотношение есть начало не собирающее, но разъединяющее: он создает не сотрудников, но соперников... Интеллигенция... постоянно и неизбежно колеблется между двумя крайностями — народопоклонничеством и духовным аристократизмом... из противоречий соткана душа русской интеллигенции, как и вся русская жизнь, и противоречивые чувства к себе возбуждает. Нельзя ее не любить и нельзя от нее не отталкиваться». Можно приводить до бесконечности цитаты из «Вех», но достаточно и этих, чтобы убедиться в сегодняшней злободневности большинства суждений. Знать их тем более существенно, что интеллигенция играет в перестройке едва ли не ведущую роль.

Во-первых, потому, что она ее почти целиком приняла, а, во-вторых, потому, что именно она достигла за эти четыре года наиболее заметных результатов.

Споры «двух станов» отнюдь не опровергают первое положение, поскольку споры идут не против перестройки, а в связи с тем, как ее понимать: что перестраивается, кем и во имя чего? Что же касается второго положения, то совершенно ясно, что художественная интеллигенция уже принесла реальные плоды перестройке: кино- и телеэкраны, сцены театров, страницы журналов, концертные залы и картинные галереи полны новых и качественных «товаров» в отличие от магазинов, мастерских и тому подобного. Международная политика, взаимоотношения церкви и государства, художественная культура — вот три сферы, где перестройка обнаружила самые зрелые плоды, небывалыми темпами сметая все, что столько лет тормозило органическое развитие страны. Тем важнее, отмечая эти достижения интеллигенции, трезво осознать те ее свойства, что могут приостановить темпы духовного роста.

Одно из этих свойств отметил Г. Маркес в беседе с М. С. Горбачевым. Он вспомнил «слепой оптимизм 1957 года». Стоит обратить внимание на обе стороны мысли Маркеса. «Слепой оптимизм» и впрямь отличал многие декларации лидеров творческой интеллигенции в первые дни после «прихода к власти». Особенно это заметно было в выступлениях театральных руководителей, зачастую не имевших опыта организационной работы. Приходит время, и желанных результатов нет как нет. В результате к наибольшим достижениям пришли наши публицисты, как раз меньше всего обещавшие, но больше всех давшие. Но не стоит забывать и дату, указанную Маркесом. Сегодня, за редчайшим исключением, в жизни художественной интеллигенции царствует (но не управляет) «поколение 1956 года», со всеми достоинствами, но и со всеми недостатками, вытекающими из этого обстоятельства. И если достоинства очевидны и могут быть сформулированы одной фразой — «борьба со сталинизмом», то недостатки связаны с этой же формулой. Все, что не вмещается в определение «сталинизм», остается под запретом и не подвергается трезвому обсуждению и осмыслению. В результате мы начинаем привыкать к гласному звучанию и частичной реализации идей академика А. Сахарова, но, в сущности, еще не слышали голос члена-корреспондента АН СССР И. Шафаревича, мы уже можем узнать, что думает М. Шатров о А. Солженицыне, но понятия не имеем, что думает А. Солженицын о М. Шатрове, если он, конечно, о нем думает. Лишь немногие публикации (назову прежде всего статью И. Золотусского в № 1 «Нового мира» за 1989 год) выходят за рамки того круга идей, что был недоговорен 25—35 лет тому назад. Между тем последнее столетие в истории нашей страны, именуемое «серебряным веком» нашей поэзии, в области мысли справедливо именовать «золотым». К тем именам, что уже назывались мной, стоит добавить В. Розанова и Е. Трубецкого, В. Соловьева и П. Флоренского, Н. Федорова и Вяч. Иванова, И. Ильина и Б. Вышеславцева, Л. Шестова и Н. Лосского, В. Зеньковского и Л. Карсавина, А. Флоровского и Н. Зернова — людей очень разных, до хрипоты между собой споривших, но предложивших столько разнообразных и содержательных моделей духовной и общественной жизни, что жить в блаженном неведении относительно них на пятом году перестройки просто невозможно.

«Если зовет своих мертвых Россия, значит — беда!» — писал А. Галич. А если позвать живых, ныне здравствующих русских зарубежных мыслителей — А. Блюма, Н. Полторацкого, И. Мейендорфа, Н. Струве — не способны ли их идеи в споре и согласии с уже высказанными оплодотворить положительную программу нашей публицистики, столь сильную в своих отрицаниях и столь аморфно-мечтательную в своих утверждениях? И не внесут ли они, подобно легендарным варягам, некое умиротворение в наш духовный климат, в удушающую атмосферу группового самоутверждения и нетерпимости? «У дьявола две руки»,— напомнил С. Аверинцев, и эти его слова вспоминаешь всякий раз, как очередная атака «справа» натыкается на пулеметный огонь «слева», отчетливо демонстрируя не борьбу идей, а борьбу людей за власть, за популярность, за сферу влияния.

Между тем в огромной многонациональной, многорелигиозной стране вне примирения, культурного баланса органическая жизнь в атмосфере духовного, социального и экономического процветания просто невозможна.

Прошел год после тысячелетнего юбилея христианства. В этом году исполняется 1000 лет построения в Новгороде храма во имя Софии, Премудрости Божией. Это не только юбилей зодчества, но еще и юбилей мудрой мысли, носителем которой должна быть интеллигенция.

РАКУРС

Рубрику ведет кандидат исторических наук Владимир НИКИТИН

ВСЛЕД ЗА ЧЕХОВЫМ ПО САХАЛИНУ

В 1890 году Антон Павлович Чехов совершил поездку на Сахалин. Он отправился в один из самых мрачных в то время уголков России, где деспотизм, насилие, несправедливость были особенно обнажены. «Мы сгноили в тюрьмах миллионы людей,— писал он в одном из писем к своему издателю Суворину,— сгноили зря, без рассуждения, варварски; мы гоняли людей по холоду в кандалах десятки тысяч верст, заражали сифилисом, развращали, размножали преступников и все это сваливали на тюремных красноносых смотрителей...»

За три месяца Чехов проделал огромную работу: собрал материал для будущей книги и сам провел перепись населения острова (десять тысяч карточек, заполненных его рукой, хранятся в архиве писателя).

Книга «Остров Сахалин», вышедшая по частям в 1893—1895 гг., произвела ошеломляющее впечатление на русскую читающую публику. Особенно картины каторги. Началось поистине паломничество журналистов, писателей на «каторжный» остров. Многие из них указывали, что именно Чехов был «виновником интереса».

Есть достаточно оснований считать, что и фотограф А. Динес, чьи снимки мы сегодня публикуем, был из тех, кто последовал за великим русским писателем на Сахалин. Он точь-в-точь повторил один из его маршрутов: с юга острова от Корсаковского поста (ныне г. Корсаков) по сахалинскому тракту на север вплоть до поселка Дубки в устье реки Найбы (ныне пос. Стародубское).

Нам не много известно об этом фотографе. В конце прошлого — начале нашего века он предпринял несколько поездок по Дальнему Востоку, побывал в Маньчжурии, Китае, на Камчатке и Сахалине. Судя по всему, был офицером русского флота и страстным фотолюбителем. По другим источникам, фотографией занималась его жена-француженка, а он сопровождал ее в странствиях и уж потом увлекся фотографией. Эта романтическая версия кажется маловероятной из-за трудности многих маршрутов, но тем не менее один русский фотографический журнал упоминает именно чету Динесов, запечатлевших «удивительные ландшафты Камчатки».

Публикуя его фоторепортаж — горькое и честное повествование о далеком и удивительном острове, превращенном царизмом в гигантскую тюрьму, мы надеемся, что кто-нибудь из наших читателей откликнется. И возможно, мы узнаем новые подробности о судьбе фотографа Динеса и его путешествии.

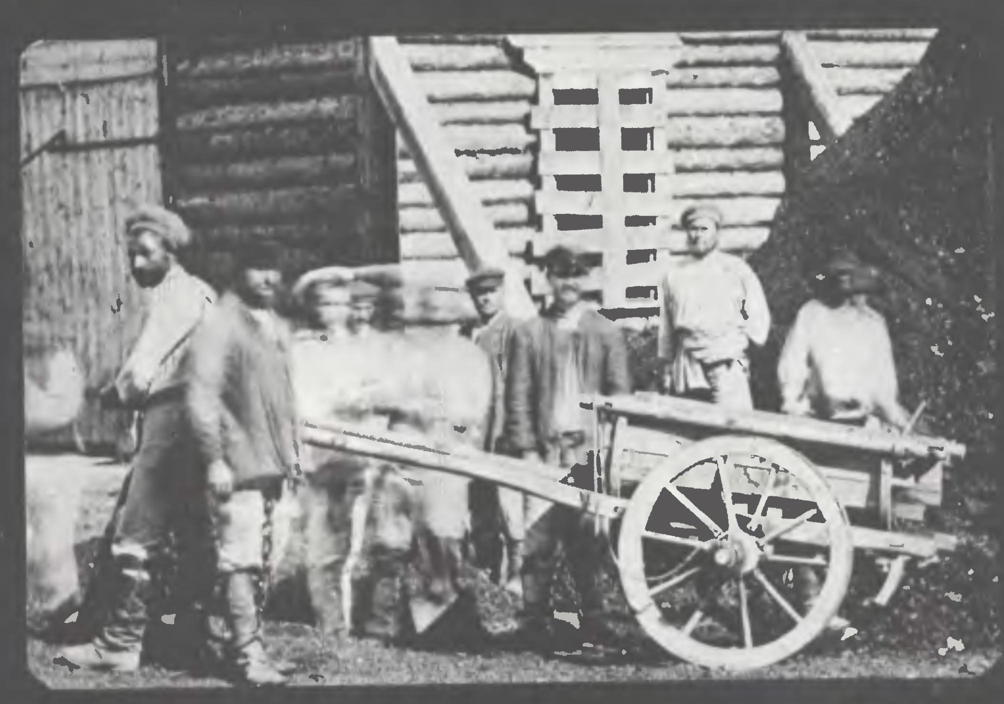

Эти фотографии, сделенные фотографом А. Динесом, пролежав в различных фондах без малого девяносто лет, нигде и никогда не публиковались. На них запечатлена далекая, таинственная земля, одно упоминание о которой когда-то вызывало ужас.

Благовещенская пристань

Многочисленные поисковые партии добытчиков золота появились на острове в конце прошлого столетия.

А. П. Чехов: «Корсаковская тюрьма занимает самое возвышенное место в посту.., вход в тюрьму видно только по надписи, да по тому еще, что каждый вечер тут толпятся каторжные, которых впускают в калитку поодиночке и при этом обыскивают.., каторжные спят в два ряда, причем головы одного ряда обращены к головам другого. Места для каторжных не нумерованы, ничем не отделены одно от другого, и поэтому на нарах можно поместить 70 человек и 170».

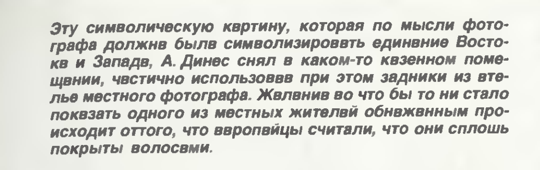
Перегрузка угля в Корсаковской тюрьме. При внимательном рассмотрении на ногах у многих каторжан видны ножные кандалы.

Об этой хлебопекарне А. П. Чехов пишет только одно, что она «темная». С чем нельзя не согласиться.

А. П. Чехов: **«Коренное население Южного Сахалина, здешние инородцы, на вопрос, кто они, не называют ни племени, ни нации, а отвечают просто: айно. Это значит — человек... Тело айно покрыто темными волосами, которые на груди иногда растут густо, пучками, но до мохнатости еще далеко, между тем борода и волосатость, составляющая такую редкость у дикарей, поражали путешественников, которые по возвращении домой описывали айно, как мохнатых. И наши казаки, в прошлом столетии (в XVIII в.) бравшие с них ясак на Курильских островах, тоже называли их мохнатыми».**

Эту символическую картину, которая по мысли фотографа должна была символизировать единение Востока и Запада, А. Динес снял в каком-то казенном помещении, частично использовав при этом задники из ателье местного фотографа. Желание во что бы то ни стало показать одного из местных жителей обнаженным происходит оттого, что европейцы считали, что они сплошь покрыты волосами.

Редакция благодарит научного сотрудника Института этнографии АН СССР Терюкова Александра Ивановича за помощь в подготовке материала.

Редакция журнала предлагает читателям познакомиться с малоизвестными и с совершенно новыми документами, касающимися последних дней династии Романовых.

Да, конец царской семьи трагичен — расстрел без суда и следствия. Но было ли это актом злобы и мести Революции? Ленин писал об опозорении России Романовыми, называл романовскую монархию телегой, залитой кровью и грязью. Романовы были если не знаменем, то символом старого мира и погибли вместе с ним. Люди, которых история столкнула в той страшной борьбе, не знали компромиссов.

С высоты сегодняшнего дня, нынешнего понимания общечеловеческих ценностей, нам легко предъявить счет прошлому в беззаконии. Однако имеем ли мы на этот суд право? Давно сказано, что дело историка — не плакать, не смеяться, а понимать. Но невозможно понять то, что произошло летом 1918 года в Екатеринбурге, как и многое другое в истории гражданской войны, не проникнувшись духом того великого и трагического времени.

Ночь с 16 на 17 июля 1918 года в Екатеринбурге, когда была расстреляна семья бывшего русского императора,— неотъемлемая страница нашей истории, которую мы обязаны развернуть. К сожалению, наша историческая литература долгое время обходила эту действительно трудную, сложную тему, что давало возможность идейным противникам для всякого роде искажений и фальсификаций, от приписывания большевикам врожденной жестокости до попыток представить расстрел Романовых как некое ритуальное убийство, совершенное сионистами. И сказать всю правду — как бы жестока она ни была — о тех событиях необходимо прежде всего потому, что бесконечным политическим и иным спекуляциям на эту тему поре положить конец.

«Принуждены вас расстрелять...»

«Петроград Совнаркому 4 марта 1918 года 10 часов 6 минут из Коломны коломенская организация большевиков единогласно постановила требовать от Совнаркома немедленного уничтожения всего семейства и родственников бывшего царя ибо немецкая буржуазия совместно с русской восстанавливает царский режим в захваченных городах случае отказа етого решено собственными силами привести в исполнение ето постановление коломенский районный комитет большевиков (из коллекции ЦГАОРа).

Гелий РЯБОВ

...Неясное воспоминание — уж сколько лет прошло с тех пор... Пачка выцветших фотографий: старинные балясины, перила, исчезающая надпись: «По этой лестнице их вели на расстрел». И еще: бланк Уралсовета, на нем распоряжение комиссара Уралсовета Войкова о выдаче серной кислоты. Зачем она понадобилась? Кому? И еще одна фотография: комната со сводами, дощатая стена, дверь. Как странно. Сплошные дыры, у самого пола их больше всего. И нежный девичий голос: «Они были ужасными трусами и оттого в момент расстрела сели на пол».— «Кто «они»?» — «Романовы».

...Екатеринбург, вот он, за окном, мелькают тесовые крыши «коньком», разъезженная дорога, непролазная грязь, как все знакомо, как печален родимый мой край, отчизна моя... И «момент расстре-

Сталинистская историография создала свой образ революции — благостный, лакированный. Он был ей необходим, он утверждал изначальную, «природную» суть административно-командной системы: безгрешные вожди указывали путь, по которому шли ликующие организованные массы. Но революция была иной. Героическое уживалось в ней с трагическим, жестоким. «Страшное в революции»,— писал В. Бонч-Бруевич... Было ли это только ответом на белый террор, как теперь нередко утверждают? Нет, причина, по-видимому, лежала глубже.

Революцию, как и контрреволюцию, творили люди, которых классовая ненависть свела в смертельной схватке. Корни этой ненависти лежали в далеком прошлом, в угнетении, унижении и оскорблении одних другими. И когда она вырвалась наружу, ее уже трудно было сдержать. Да и сдерживали ли ее? Отступления нет, впереди либо полная победа, либо полная гибель. Таково было ощущение своего времени и своей судьбы.

Сегодня в отличие от прошлых лет мы не боимся своей памяти, а значит — не боимся и исторической правды. Как сказал М. С. Горбачев, «партия проявила большое мужество, взяв на себя ответственность за серьезные ошибки, просчеты, имевшие место в предшествующие годы» («Правда», 12.I—1989 г.). Разве это относится только ко временам сталинщины? Разве В. И. Ленин не говорил об ошибках и просчетах эпохи революции и гражданской войны, о том, что нельзя сделать небывшим то, что было?

Дом особого назначения

Генрих ИОФФЕ,
доктор исторических наук

Гелий Трофимович Рябов — кинодраматург. После окончания Московского юридического института много лет проработал в милиции. Автор сценариев многосерийных художественных фильмов «Рожденная революцией», «Государственная граница». Лауреат Государственной премии СССР. Предлагаемая читателям публикация Г. Рябова является журнальным вариантом его повести.

ла». Неуклюжий словесный выверт, после которого — небытие.

На вокзальной площади гостиница в новом вкусе, неоновая надпись пачкает черное небо (оно совсем не черное, ведь июньская ночь коротка, и рассвет встает над городом, у которого «нету традиций», и имя этого городу — «СВЕРДЛОВСК»). Не думаю, чтобы Маяковский хотел оскорбить — «нету традиций» — это ведь 1928 год, Екатеринбурга уже нет, Свердловск делает свои первые шаги... Но традиции непременно появятся. Сложатся.

За окном гостиничного номера некое предзнаменование: весь горизонт в огне и ясен нестерпимо — совсем как у Блока. И нечто черное (вижу на контражуре) устремилось ввысь. Это колокольня собора, она совсем рядом — руку протянуть...

И сразу забытые строки: «Спросите: руку твою протяни — казнить или нет человечьи дни?» И вот — колокольня, собор, а на другой стороне проспекта (имени Карла Либкнехта. Он зверски убит в Германии в 1919 году вместе с Розой Люксембург. В ответ — в порядке красного террора — были расстреляны четверо Романовых) полутораэтажный дом в стиле а-ля рюс — с сухариками, балясинками, решеткой над крышей... Это здесь.

Собственно, что «это»? Бог весть. Но чего б там ни было — отныне я других не знаю дел...

И совсем уже крамола, этих мыслей традиционно следует бояться: почему Александр III не объявил «белый террор», когда народовольцы убили царя-Освободителя, Александра II? Почему того же не сделал Николай II, когда Иван Каляев взорвал Великого князя, Московского генерал-губернатора Сергия Александровича?

Почему, почему, почему...

Я не знаю этого. А может быть, все это просто лирика? Отсутствие классовой позиции? В конце концов, наш последний самодержавец — «Кровавый». А ведь еще Гоголь заметил: «Выражается сильно российский народ! и если наградит кого словцом...»

Затронут очень серьезный вопрос, поэтому прервем поток почти лирический и вернемся в наши дни.

В 1926 году вторым изданием вышла книга Павла Быкова «Последние дни Романовых». Редактор и автор предисловия А. Таняев пишет: «По приблизительным сведениям, только за 1906—1909 годы приговорено было к повешению 6268 человек». В 1988 году (журнал «Молодой коммунист» № 8) историк Корнелий Шацилло публикует, видимо, более точную цифру: «К апрелю 1906 года, по официальным данным, явно, конечно, заниженным, расстреляно и повешено 14 тысяч человек». 4 апреля 1912 года на Ленских приисках убито войсками 270, ранено еще 250 человек. Шацилло сообщает, что в 1915 году были расстрелы рабочих в Костроме и Иваново-Вознесенске. Цифры погибших неизвестны. А печально знаменитая Ходынка? 18 мая 1896 года в Москве по случаю празднеств коронации на Ходынском поле в давке погибло 1389 человек, получили увечья еще 1400. Заметим для объективности, что новый государь-император торжеств не отменил и траура не назначил. Безнравственный поступок...

9 января 1905 года в Петербурге во время шествия рабочих на Дворцовую площадь войска расстреляли еще тысячу человек и ранили две тысячи. «Победы благоверному императору нашему, Николаю Александровичу»,— пели рабочие, но «молитва за царя» не спасла. Воскресенье стало кровавым...

Все это правда, и для того, чтобы осмыслить ее до конца, сложим цифры. 26 477 — получим в итоге. Страшный итог...

Но ведь каждый погибший мужчина мог стать отцом, а женщина — матерью... И значит, эту цифру следует как минимум утроить.

И все же много это или мало? Не знаю... Ведь речь идет о человеческой жизни, загубленной безжалостно и преступно...

Разберемся без эмоций. Ходынка — это преступление. Чье? Полицмейстер Москвы обязан был проверить поле, подготовленное для приема гостей, и не проверил. Известно, что Николай II кричал в истерике, угрожая повесить этого полицмейстера на воротах Кремля, но тогда устроила скандал молодая жена, Александра Федоровна, и полицмейстер остался жить. Траур не был назначен? Но я ведь уже сказал: безнравственный поступок, политическое недомыслие. Преступления здесь нет.

А расстрелы и казни?

Но ведь не забавлялся этими казнями Николай II лично, сам? Подобно, скажем, одному из правителей «возрождающейся» Африки, который расстреливал своих подданных из пушки?

Увы, практически любая власть, власть всех времен и народов, беспощадно подавляет все попытки контрвыступлений. Ибо «коренной вопрос всякой революции — это вопрос о власти в государстве». Это и вообще «коренной вопрос». Добровольно власть не отдает никто.

Когда в 1921 году восстал Кронштадт, Ленин приказал делегатам X съезда РКП(б) атаковать форты по льду — помните: «нас бросала молодость на кронштадтский лед»? Расправа с восставшими была беспощадной: участники восстания в подавляющем большинстве казнены, заложники — члены семей, родственники, взятые по приказу «кровавого Троцкого» (определение из листовки кронштадтцев),— почти все расстреляны. Они-то в чем были виноваты?

А теперь вернемся в Екатеринбург, в дом купца и промышленника Николая Николаевича Ипатьева. Трагедия разыгралась именно здесь...

Утром стук в дверь. Аккуратный, как пишут в ведомственной прессе, «подтянутый» полковник лет сорока пяти на вид: «Что будем смотреть? Шахту по добыче золота? Тюрьму? Может быть... съездим за город?» — «Особняк Ипатьева». Молчание, потом едва заметный вздох: «Я вас понимаю. Министр у нас был на совещании, так верите ли — прямо с вокзала велел везти к Ипатьеву. Хочу, говорит, увидеть место, на котором закончили свои дни последние Романовы. Странное желание, как вы думаете?» Не знаю. Иногда нас посещают вещие сны. (Полковник — из УВД Свердловскоблисполкома. Я один из авторов фильма «Рожденная революцией» и приехал на встречу с «личным составом УВД».)

Днем особняк Ипатьева выглядит по-иному. Спокойнее, обыденнее. Трагедия не столь явно прорывается сквозь его веселые, почти белые стены.

«На столбе висит корона, Николай Второй — ворона!» Так пели в начале XX века рабочие, и я могу их понять. Но минуло семьдесят лет, и годы прошли давно, и страсти остыли.

Остыли ли?

Полковник смотрит на окна, они темны, губы его складываются в тяжелую усмешку: «Свое получил, чего уж там...»

Нет, ничего не остыло, не улеглось. Прямолинейная пропаганда — тяжкое наследие прошлого — сделала свое дело. Мышление точно усредненное.

«Белым был — красным стал, кровь обагрила. Красным был — белым стал — смерть побелила». На языке демагогов это называется: «релятивистский взгляд». Надклассовый. «Морально то, что выгодно рабочему классу». Иной морали не существует. Морали вне класса, которому принадлежишь. И поэтому пепел Клаасса стучит в иные сердца до сих пор, и не велят могилы дедов прощать...

Но ведь у них тоже были деды — из Галлиполийского лагеря. И там тоже говорили и писали белым камнем по черной земле: освободить от присяги России тебя может только смерть. Наши могилы на Марсовом поле, их — на Сент-Женевьев дю Буа. На часовне Ольшанского кладбища в Праге я прочитал: «Павшим на поле междоусобной брани, память их в род и род». Междоусобная брань. Может быть, оно и на самом деле было именно так?

Приехал фотограф-криминалист, входим в здание, здесь все дышит прошлым...

Камин в столовой Каслинского чугунного литья. Деревья в саду. Фотограф все время щелкает — «планчик пола», «планчик потолка», для него этот дом и все в нем только некое очередное «место происшествия». В общеуголовном смысле.

Но ведь есть смысл и общечеловеческий? Наверное, я не ошибаюсь, потому что заведующая центром подготовки учителей (такое теперь у ипатьевского особняка предназначение) рассказывает о некоем профессоре из Ленинграда, который приехал сюда все с той же целью — вдохнуть глоток воздуха на том месте, где упали Романовы, и выломал балясину от перил лестницы, по которой вели обреченных. Страсть к сувенирам? Возможно... Но мне почему-то кажется, что все здесь гораздо глубже. Тот, кто видел эти пустые комнаты, кто спустился в полуподвальный этаж и прошел его насквозь, до поворота налево, в ту, последнюю смертную камеру, тот не ищет сувениров. Здесь открывается истина — великое слово и еще более великий предмет. Здесь выше вздымается грудь...

— Их расстреляли у перегородки...

— Где же она?

— В Англии.

Полковник многозначительно усмехается. «Я вам потом один альбом покажу. И вы поймете, что все возможно».

Эта история к нашей — по касательной. Но она многое объясняет (для тех, кто умеет и хочет думать). Кратко. При переводе Романовых из Тобольска в Екатеринбург камердинер государя Чемодуров принес жителям Тобольска Ужинцевой и Корнилову драгоценности семьи. Среди них была брошь Александры Федоровны, стокаратный бриллиант высочайшего качества в окружении сапфиров. В 1930 году аппарат полномочного представителя ОГПУ по Уралу «вышел» на держателей драгоценностей, арестовал их, а ценности изъял. «Где же эта брошь?» — «Не знаю». Многозначительный ответ...

Все ценности такого рода в СССР сосредоточены в Гохране, специальном управлении Минфина СССР. Я направился туда и выяснил, что ни в коллекции Гохрана, ни в Алмазном фонде СССР камня Александры Федоровны нет! Воистину чудеса...

Две встречи предопределили мою дальнейшую жизнь. Во всяком случае, на много лет вперед.

...Красивый человек средних лет слушает мои вопросы. Нет, он ничего не знает. Но — есть старик. Корреспондент местной свердловской газеты.

Идем к нему. Да, он был здесь, в Екатеринбурге, при белых (изъяны нашего образования. Для нас, советских школьников, все, кто «против»,— белые. А какие еще? На самом деле в Екатеринбург вошла Сибирская армия. Она подчинялась эсеровскому правительству. Белые возникли позже — когда в ноябре 1918 года А. В. Колчак пришел к власти в результате во-

Генрих Зиновьевич Иоффе — ведущий научный сотрудник Института истории СССР АН СССР. Автор монографий «Крах российской монархической контрреволюции», «Колчаковская авантюра и ее крах», «Великий Октябрь и эпилог царизма» и других. Доктор исторических наук.

Описаний казни тысяч людей в страшные годы гражданской войны не сохранилось. Эти люди погибли безвестными в подаалах местных чрезвычаек, в застенках белогвардейских контрразведок. Но описания расстрела семьи Николая II дошли до нас во асех подробностях. Они остались от следователя Н. Соколова, в руки которого попали несколько лиц из охраны Дома особого назначения и один из участникоа расстрела — Павел Медведеа. Они остались также от некоторых уральских чекистов. В обоих случаях перед современным читателем открывается леденящая душу картина. Но для Соколова то, что произошло в ипатьевском доме,— только жестокое преступление, для большевистских мемуаристов-уральцев это аыполнение пусть и сурового, но революционного долга.

Дилемма, рожденная гражданской войной... Как решать ее сегодня, более семидесяти лет спустя? Уйти от нее, не думать, не вспоминать? Но память все равно возвращает и будет возвращать нас к нашему прошлому: к его героическим и трагическим страницам, к страшному в революции. От памяти не уйти.

* * *

Когда думаешь о трагическом финале Романовых, возникают два глааных вопроса: что, какие события приаели к этому? При каких обстоятельстаах это произошло, кто решил их судьбу? Только отаеты на обв вопроса могут помочь понять случиашееся.

В ночь на 1 марта Николай II аыехал из Ставки (Могилев) в Царское Село, до которого уже докатыаались волны революции, начавшейся в Петрограде 23 февраля. Но доехать туда он не сумел: его поезду пришлось повернуть на Псков, где находился штаб Северного фронта. Здесь Николай II оказался перед альтернативой — либо продолжать карательную экспедицию во глаае с генералом Н. Ивановым, которого царь назначил новым командующим Петроградским военным округом, либо пойти на «конституционные уступки» Государственной думе, поддержанной начальником штаба Ставки генералом М. Алексеевым и почти всеми главнокомандующими фронтов — великим князем Николаем Николаевичем, генералами Брусиловым, Эвертом, Сахаровым, Рузским и другими. После мучительных колебаний Николай пошел на компромисс. аыразил готовность на формирование правительства, ответственного не перед императором, а перед Думой. Но — поздно. Когда командующий Северным фронтом генерал Н. Рузский сообщил

енного переворота). Да, был «реалистом». Вместе с гимназистами по приказу начальства участвовал в поисках тел убитых (он употребляет другое слово: «казнвнных». По приговору Уралсовета. «Разве Уралсовет — суд?» — «Уралсовет — народ. А народ и есть суд». Что ж... Логика тех пламенных лет все еще действует). Нашли, прочесав лес цепью, только платочек с инициалами царской дочери Татьяны Николаевны. Все. «Что же мне делать?» — «А вам надобно к Юровским. Был такой, комендант Дома Особого Назначения — так особняк Ипатьева называли, когда в нем содержались Романовы. Прошлый год приезжала Римма Юровская, она сильно пожилая, так что спешите».

...Вот она, главная мысль. Возникла из небытия. Где трупы убитых? Куда их дели? Вечная наша российская манера — все, что более или менее стыдно или тем более позорно,— прятать с глаз долой. Спрятали тела декабристов, революционеров, никогда не выдавали родным тела преступников... Между тем во всех цивилизованных странах казненных выдают для нормального погребения. В Америке казненных супругов Розенбергов (их обвинили в передачв Советскому Союзу секрета атомной бомбы) выдали для похорон, их могилы реально существуют. А где похоронен царь с семейством? Мысль мелькнула и пропала, но на следующий день я ее красивому краеведу высказал. «Однако...» — только и произнес он. Что ж, идея казалась невероятной. Но только на первый взгляд. Потому что история — это не только учебник или документ. У нее есть и иная конкретика. Главное: обнаружение могилы поставило бы последнюю точку в разного рода сплетнях, домыслах, легендах. В этом случае, наверное, можно было бы получить достоверный ответ и на самый главный вопрос: возмездие или преступление было совершено в ночь на 17 июля 1918 года?

Я начал заниматься в спецхране Библиотеки имени Ленина. Прочитал десятки книг по истории революции и гражданской войны, мемуары, исследования. Одновременно работал в Центральном государственном архиве Октябрьской революции...

Вот одна из самых первых информаций о расстреле Романовых.

«Заседание президиума Всероссийского Центрального Исполнительного Комитета. 18-го июля состоялось первое заседание Президиума Ц.И.К. 5-го созыва. Председательствовал тов. Свердлоа. Присутствовали члены Президиума: Аванесов, Сосновский, Теодорович, Владимирский, Максимов, Смидович, Розенгольц, Митрофанов и Розин. Расстрел Николая Романова. Председатель тов. Свердлов оглашает только что полученное по прямому проводу сообщение Областного Уральского Совета о расстреле бывшего царя Николая Романова. В последние дни столице Красного Урала, Екатеринбургу, серьезно угрожала опасность приближения чехо-слоаацких банд. В то же время был раскрыт новый заговор контрреаолюционеров, имевший целью вырвать из рук Советской власти коронованного палача. В виду этого Президиум Уральского Областного Совета постаноаил расстралять Николая Романова, что и приведено в исполнение 16-го июля. Жена и сын Николая Романова отправлены в надежное место. Документы о раскрытом заговоре высланы в Москву со специальным курьером. Сделав это сообщение, тов. Свердлов напоминает историю перевода Николая Романова из Тобольска в Екатеринбург после раскрытия такой же организации белогвардейцев, подготавливавшей побег Николая Романова. В последнее время предполагалось предать бывшего царя суду за все его преступления против народа, и только события последнего времени помешали осуществлению этого. Президиум Ц.И.К., обсудив вса обстоятельства, заставившие Уральский Областной Совет принять решение о расстреле Николая Романова, постановил: ВСЕРОССИЙСКИЙ Ц.И.К., В ЛИЦЕ СВОЕГО ПРЕЗИДИУМА, ПРИЗНАЕТ РЕШЕНИЕ УРАЛЬСКОГО ОБЛАСТНОГО СОВЕТА ПРАВИЛЬНЫМ».

(«Известия», № 415, 19 июля, 1918 г.)

Странный документ, странные аргументы — так показалось мне. В самом деле: работает ли довод о «приближении чехословацких банд», если между ночью расстрела царя и его семьи и днем сдачи города проходит, успевает пройти(!) целая неделя? 17 июля — расстреляны, 25-го город сдан. Неужели этот срок мал, чтобы при желании вывезти арестованных в безопасное место?

Или пресловутый «заговор». Ведь не для того, чтобы возвести на трон Николая Второго, затевался этот заговор (это видно из опубликованных текстов — о них позже), а для того, чтоб спасти царя и семью. Ну, даже по логике террора — расстреляйте царя и вывезите семью, не так ли?

По сообщению, так и поступают: царя — к стенке, жену и сына — «в безопасное место». Правда, тут же возникает вопрос: а четырех дочерей — куда? Врача Боткина? Демидову, Харитонова, Труппа? Об этом — ни слова.

Говорится о преступлениях против народа, но без разъяснений. Видимо, предполагается, что ненависть трудящихся масс к царю и ко всему тому, что с ним связано, столь велика, что ничего разъяснять и не надо. Все будет понято и одобрено на огромнейшей волне «классовой ненависти». Вот что пишет А. Таняев: «Эта задача (уничтожение царской семьи.— **Г. Р.**) была выполнена советской властью со свойственной ей смелостью — принимать все меры для спасения революции, как бы с внешней стороны произвольны, беззаконны и суровы они ни казались (разрядка моя.— **Г. Р.**)». И еще: «...для большевиков суд ни в какой мере не имел значения органа, выясняющего истинную виновность этой

о решении царя председателю Государственной думы М. Родзянко в Петроград, в ответ было выдвинуто новое требование: отречение Николая II а пользу наследника престола Алексея (ему было 13 лет) — при регентстве брата царя — великого князя Михаила Александроаича. И аноаь генерал Алексеев и главнокомандующие фронтами поддвржали это «крайнее» требование, убеждая Николая II отречься. Примерно в 3 часа дня 2 марта Николай II капитулировал: согласился отречься а пользу сына, но затем переменил решение и отрекся в пользу брата — Михаила Александровича. Утром 3 марта, уезжая из Пскова, он записал в дневнике: «Кругом и измена, и трусость, и обман». Высшиа генералы, убеждавшие Николая отречься в пользу сына, фактически изменили присяге, которую они дали царю. В ней, между прочим, говорилось: «Верно и нелицемерно служить (царю.— **Авт.**), не щадя жиеота своего, до последней капли крови... Об ущербе же его величестаа интересов, вреде и убытке, как скоро о том уведаю, нв токмо благовременно объявлять, но и всякими мерами отвращать и не допускать потщуся...»

Почему же думские лидеры, а с их подачи и высшие царские генералы заняли явно «антиниколаевскую» позицию? Некоторыв белоэмигрантские авторы, преимущественно из крайне правого лагеря, объясняли ее масонскими связями генералоа — адъютантов царя; но если даже принять версию, остается неясным, почему в таинственный «масонский заговор» оказались втянутыми и те, кто, по данным самих монархических авторов, аовсе не принадлежал к масонам.

Нет, все объясняется самой жизнью. Как лидеры Государственной думы, так и высшив чины генералитета связывали с уходом уже дискредитированных в их глазах Николая II

«святой семейки». Если суд и имел какой-либо смысл, то лишь как весьма хорошее агитационное средство для политического просвещения масс и не больше (разрядка моя.— **Г. Р.**)». И последнее «объяснение» случившегося: «Романовых пришлось ликвидировать в чрезвычайном порядке. Советская власть в этом случае проявила крайний демократизм: она не сделала исключение для всероссийского убийцы и расстреляла его наравне с обыкновенным бандитом». Если бы только его, добавлю я...

Вернемся к газетному сообщению: «Жена и сын отправлены в надежное место».

Утром 17-го, по «юзу» Уралсовет «отстучал» в Москву сообщение о казни царя, составной частью которого было и только что процитированное. По «юзу» означает в данном случае, что разговор шел прямой, почти как по телефону, с той только разницей, что руководители Уралсовета в Екатеринбурге диктовали телеграфисту, а Свердлов в Москве отрывал ленту и читал ее (свидетельство члена Уралсовета В. Воробьева).

Вечером того же дня Уралсовет направил в Москву уже нв простую телеграмму, а шифрованную, то есть группы цифр. Для их расшифровки требовался «ключ». Небрежность и безалаберность нарождающейся советской бюрократии были столь велики, что копию шифртелеграммы потеряли на Екатеринбургском телеграфе, и когда белые вошли в город, эта копия попала им в руки. Расшифровке телеграмма поддалась много позже тех событий, о которых мы ведем речь, но тем не менее. «Передайте Свердлову,— гласил текст,— что все семейство постигла та же участ, что и главу официально семия погибнет при евакуации».

Здесь все понятно. О том, что жена и сын, отправленные в надежное место, на самом двле убиты, положено знать только тем, кому положено. (Фотография этой телеграммы опубликована Н. Соколовым в его книге «Убийство царской семьи». Никаких сомнений в ее подлинности не возникает.)

Далее. В сообщении «Известий» есть упоминание о заговоре тобольского периода, из-за чего, как это явствует из текста, царя были вынуждены перевезти из Тобольска в Екатеринбург. Перипетии этого переезда были совершенно невероятными: уполномоченному ЦИКа Яковлеву приходилось буквально спасать Николая Второго и его семью от ретивых уральцев. Тут много странного — например, мне совершвнно неясна позиция Председателя ЦИК Свердлова: то ли он действительно стремился не допустить расправы, дабы поторговать «романовской» картой на столе переговоров с немцами, то ли изначально вел дело к ликвидации Романовых, но так, чтобы она выглядела усмотрением только уральских революционных властей, к коим Москва никак не причастна. Правды, я думаю, мы уже никогда не узнаем... Во всяком случае, тобольский «заговор» с целью освобождения бывшего царя и его семьи, на мой взгляд, чистейшей воды вымысел. Доказывается это просто: большевики, практики подпольной борьбы с правительством, лучше многих знали, что любой заговор только тогда становится реальным, когда силы и средства заговорщиков значительно превышают силы и средства охранки, например.

Но каким образом могли похитить бывшего царя Марков-2-й, Вырубова, Соловьев и другие, если на страже губернаторского дома в Тобольске стоял отряд Особого назначения, сформированный из георгиевских кавалеров, присягнувших Временному правительству и выполнявших распоряжения только наичестнейшего своего командира, полковника Кобылинского и политкаторжанина комиссара Панкратова? А позже — обещавших Свердлову неукоснительно охранять царя? Никто не допускался к Николаю Второму — большевики знали это настолько хорошо, что при расформировании отряда Особого назначения уполномоченный РКП(б) Павел Хохряков выдал каждому солдату и офицеру отряда свидетельство, подтверждавшее революционную честность и стойкость всех военнослужащих отряда без всякого исключения.

«Рабоче-крестьянское правительство. Российская Федеративная республика Советов. Исполнительный Комитет Тобольского Совета Рабочих, Солдатских и Крестьянских депутатов. Удостоверение. Настоящим удостоверяется, что товарищ (имя, фамилия, отчество) находился в отряде Особого назначения по охране бывшего царя и его семейства с августа 1 дня 1917 года по май 18/5 1918 года, причем службу нес образцово и честно, беспрекословно выполнял возложенные на него обязанности солдата-гражданина и борца за революцию, не оставляя вверенного ему дела во все трудные моменты и этапы русской революции. Исполнительный Комитет. Круглая печать».

Далее приписка: «Как уполномоченный Всероссийским Центральным Исполнительным Комитетом и Областным Советом Рабочих, Солдатских и Крестьянских депутатов Урала, удостоверяю, что вышепоименованный товарищ безукоризненно нес возложенные на него обязанности, что оказалось при приеме мною от отряда семейства бывшего царя. Уполномоченный Всероссийским Центральным Исполнительным Комитетом и Областным Советом Урала Хохряков. Мая 18/5 дня 1918 года, гор. Тобольск».

Красноречивый документ, и поэтому, когда я прочитал в обильной эмигрантской литературе о том, что поручик Соловьев, зять Григория Распутина, женатый на его дочери Матрене, форменным образом обогатился на сборе средств в пользу Николая Второго, а офицеров, приезжавших в Тюмень, чтобы да-

и его жены надежду на быстрый спад революционной волны и сохранание монархии во главе с новым, пусть и «конституционным» царем.

Они просчитались. Отречение Николая Романова не остановило революцию. До конца жизни генерал Алексеев (он умер а сентябре 1918 г. в Новочеркасске) казнился своим «псковским грехом», говорил, что никогда бы не посоветовал императору отречься, если бы мог знать, куда пойдет революция. Но все это было позже, а тогда, в мартовские дни, политические расчеты оказались сильнее воинской присяги.

* * *

Оставляя престол, Николай Романов надеялся, что Временное правительство разрешит ему и его семье аывхать а Англию. Правительство поначалу действительно аыразило свое согласие на зто. В одном из выступлений министр юстиции А. Керенский заявил, что лично доставит Романовых в Мурманск на английский корабль. А британское правительство, со своей стороны, выразило готовность принять семью бывшего главы союзного государства, приходившегося к тому же двоюродным братом королю Георгу V. Оба правительства мотивировали свои решения гуманистическими соображениями.

Но шло время, а предполагавшийся отъезд в Англию откладывался. Наконец, приблизительно в мае — июне Романовым (они находились тогда фактически под домашним арестом в своем Царскосельском даорце) было объявлено, что им придется остаться а России. Что же произошло? Впоследствии обе стороны обвиняли друг друга. Англичане (Д. Ллойд Джордж и др.) утверждали: поняв, что Временное

лее следовать в Тобольск, задерживал и передавал в ЧК, я понял, что все это очень и очень похоже на правду... Вокруг Тобольска, конечно же, был незримый чекистский кордон, а перевод Романовых в Екатеринбург понадобился скорее всего потому, что там, среди революционно и крайне отрицательно к Романовым настроенных рабочих, любая расправа прошла бы куда незаметнее и, главное, безболезненнее.

Летом 1978 года я прервал свои занятия в Библиотеке имени Ленина и отправился в Ленинград. Дело в том, что еще осенью 1977 года предусмотрительные власти «города без традиций» взорвали особняк Ипатьева, презрев протесты свердловской интеллигенции, как некогда они презрели протесты против сноса старинной избы, в которой останавливались и жили декабристы по пути в Сибирь. Отцы города строили свой город и разрушали старый. Эта печальная практика давно уже возникла и укрепилась во многих наших городах — с традициями и без оных... А официально эта акция была объяснена тем, что центр города нуждается в реконструкции. Кто посчитался с тем, что дом Ипатьева, построенный в конце XIX века,— признанный памятник архитектуры? И, как всякий памятник, он «охранялся государством».

Я должен был торопиться. Исчезновение особняка послужило хорошим уроком...

Юровскую я нашел просто, без малейших усилий. Мы встретились в ее скромной квартире, на окраине довоенного рабочего Ленинграда. «Что тут интересного...— удивилась она.— Приближались банды белых, и отец исполнил решение Уралсовета. Вырвал из рук белогвардейцев знамя контрреволюции».

Расхожая идея... Я вдруг подумал, что на самом деле белые никакого «знамени» не искали. Зачем оно им? Подмоченное, скомпрометированное... Были ли в тот момент реальные силы, способные вернуть монархию? Пьяные офицеры, горланящие в ресторанах «Боже, царя храни!»? Члены императорской фамилии, большей частью арестованные? Или титулованные дворяне-монархисты? Много ли их было и могли ли они что-либо изменить, когда массы народа с ошеломляющей скоростью двигались влево все дальше, дальше, дальше? Даже Корнилов заявил, что если Учредительное собрание восстановит монархию, он, Корнилов, подчинится, но — уйдет. После 25 октября ни на одном из фронтов не было ровным счетом никого из «проклятой романовской шайки», и Николай Второй интересовал только самых ближних и самых «отъявленных»: Вырубову, Маркова-2-го и других, но интересовал он их отнюдь не как император, скорее как человек, попавший в беду. Другими словами, белые искали тела убитых с одной-единственной целью: подорвать у радикальных элементов мира, у мировой общественности веру в Октябрьскую революцию, гуманизм ее конечных целей. Они хотели обнажить методы красных.

...И, заметив мое разочарование, добавила: «Езжайте к брату, Александру Яковлевичу. Я позвоню».

Я отправился на Охту. Здесь тоже был более чем скромный, скорее даже бедный дом. Плохо обставленный (полки для книг самодельные, диван продавлен) — я пишу об этом потому, что многажды встречался с утверждениями о невероятном богатстве Юровского, последний такой пассаж прозвучал совсем недавно, в публикации о судьбе Романовых в челябинском еженедельнике «Уральская быль». Так вот: ни Римма Яковлевна, ни Александр Яковлевич (адмирал в отставке) богатствами не обладали. Видимыми, во всяком случае.

Александр Яковлевич осторожен: «Зачем это вам?» Трудный вопрос... «Понимаете... Придет когда-нибудь такое время, когда люди спросят: почему вы, те, кто знал, почему не только молчали, почему не сохранили свидетельств истории для будущих поколений?»

Он усмехается: «Вы полагаете, что такое время придет? Ну, хорошо, я расскажу вам о двух документах. И покажу копии. Подлинники хранятся в архиве. По-моему — Октябрьской революции».

Просматривает книги на полке, потом какие-то старые бумаги в столе.

— Вот... Записано рукой отца.— Он начинает торопливо, сбиваясь, читать: «Июня первого. Личная просьба гражданина Боткина разыскать принадлежащий ему чемодан с бельем, присланный из Тобольска...— Смотрит на меня.— Это не то, не то... Вот, за это же число: около часа дня поступило заявление повара Харитонова о том, что что-то лежит на шкафу в комнате, где помещались раньше граждане Седнев и Нагорный. По приходе моем туда оказалось, что на указанном Харитоновым шкафу лежат восемь заряженных бомб: пять из них бутылкообразные №№ 35, 73, 92, остальные две без номеров, две бомбы круглые и одна яйцеобразная № 11. Которые по приносе в дежурную комнату были разряжены. При дальнейшем расспросе гражданина Харитонова и гражданина Труппа выяснилось: ввиду кладки каменщиками новой плиты в комнате, где помещались Харитонов и Трупп, ими была занята рядом стоящая свободная комната, то он, Харитонов, желая очистить пыль в комнате, обнаружил лежащие на шкафу бомбы и заявил в дежурную комнату, о чем мной было сообщено коменданту Дома особого назначения товарищу Авдееву, а им, в свою очередь, сообщено председателю областного Совета товарищу Белобородову...»

Он молча смотрит на меня, проверяя, какое это произвело впечатление. Не скрываю, ошеломляющее. «Но ведь перед тем, как поселить в этот дом семейство, все осмотрели, тщательно проверили?» — «Несомненно».— «Каким же тогда образом...» — «Думайте»,— прерывает он меня. Что тут ломать голову, слишком все ясно и очевидно... Не вовремя нашел Харитонов бомбы. Не вовремя. Нашел и оттянул на какой-то срок неизбежное. Так ведь просто все: очередная проверка, обход, обнаружены бомбы — и всем пулю в лоб, в порядке «самозащиты».

— Это было еще при Авдееве,— продолжает Александр Яковлевич.

— А что было при вашем отце?

Но, прежде чем я продолжу свой рассказ, необходимо сделать небольшое отступление — без него трудно будет понять смысл разговора с Александром Яковлевичем Юровским.

В своей книге «Убийство царской семьи и членов дома Романовых на Урале» М. К. Дитерихс, назначенный приказом Верховного правителя А. В. Колчака «главнонадзирающим за следствием по означенному убийству», приводит документы по делу о попытке к побегу Николая Второго (переписку царя и анонимного корреспондента), опубликованные в «Известиях» 3 апреля 1919 года.

«Анонимный корреспондент пишет Романову: «С божией помощью и с Вашим хладнокровием надеемся достичь цели, не рискуя ничем. Необходимо расклеить одно из Ваших окон, чтобы Вы могли его открыть, я прошу точно указать мне окно. В случае, если маленький царевич не может идти, дело сильно усложнится, но мы и это уже взвесили, и я не считаю это непреодолимым препятствием. Напишите точно, нужны ли два человека, чтобы его нести, и нв возьмет ли это на себя кто-нибудь из Вас? Нельзя ли было бы на один или на два часа на это время усыпить «маленького» каким-нибудь наркотиком? Пусть решит это доктор, только надо Вам точно предвидеть время. Мы доставим все нужное. Будьте спокойны. Мы не предпримем ничего, не будучи совершенно уверены в удаче заранее. Даем Вам в этом торжественное обещание перед лицом Бога, истории, перед собственной совестью. Офицер».

Ответ Николая Второго:

«Второе окно от угла, выходящее на площадь, стоит открыто уже два дня и даже по ночам. Окно седьмое и восьмое около главного входа, тоже выходящие на площадь, точно так же всегда открыты. Комната занята комендантом и его помощниками, которые составляют в данный момент внутреннюю охрану. Их тринадцать человек, вооруженных ружьями, револьверами и бомбами. Ни в одной двери, за исключенивм нашей, нет ключей. Комендант и его помощники входят к нам, когда хотят. Дежурный делает обход дома ночью двв раза в час, и мы слышим, как он под нашими окнами бряцает оружием. На балконе стоит один пулемет, под балконом другой на случай тревоги. Не забудьте, что с нами будет доктор, горничная и маленький кухонный мальчик. Было бы низко с нашей стороны (хотя они ни в коем случве нас не затруднят) оставить их тут после того, квк они добровольно последовали за нами в изгнание. Напротив наших окон по той же стороне улицы помещается стражв в маленьком домике. Она состоит из пятидесяти человек. Все ключи и ключ № 9 находится у комендантв, который с нами обращается хорошо. Во всяком случае, известите нас, когда представится возможность, и ответьте, можем ли мы взять с собой наших людей. Перед входом всегда стоит ввтомобиль. От каждого сторожевого поста проведен звонок к коменданту и провода в помещение охраны и другие пункты. Если наши люди останутся, то можно ли быть уверенным, что с ними ничего не случится».

Вполне естественно, что Дитерихс стремится опровергнуть, дезавуировать эти тексты.

Вот его доводы: 1) Не по-русски все это писано. 2) Почему «Вы», «Вам», а не более привычное для офицера-монархиста и допустимое обращение к царю? Отчего «царевич», а не «цесаревич» — разве это одно и то же? 3) Откуда это интимное, ведомое только семье: «маленький»? При чем тут «окно» и «окна»? Как через них похищать, если есть еще два забора? Их сначала надо проломить. 4) Государь не мог видеть дома охраны вообще (забор выше окон), тем более что он маленький, этот дом. 5) О «проводах» царя ничего знать не мог, да их и не было совсем. 6) Вокруг дома стояли «часовые от караула». Службист-царь, с высшим военным образованием и опытом, не мог именовать «часовых» «сторожевыми постами». 7) Не было и «дежурных» по ночам. Были «разводящие». Это тоже азбука устава. 8) И мог ли царь забыть о Харитонове и Труппе? Вероятно, забыли те, кто сочинял в Москве эти «документы». Вызывает недоверие у Дитерихса и «индульгенция», выданная Николаем Вторым Юровскому: «Комендант обращается с нами хорошо». Вывод Дитерихса: никакого «офицера» на самом деле не существует. «Переписка» с Романовыми сфабрикована Уралсоветом и Москвой.

А на самом деле? Ответить на этот вопрос однозначно можно только после анализа подлинных текстов первписки Романовых с их предполагаемыми «освободителями». Но к этому необходимо подойти постепенно и неторопливо, разбирая наслоения и завалы, созданные искусными дезинформаторами прошлых лет.

Один из них, уже упоминавшийся Павел Быков, автор книги «Последние дни Романовых». У читателй своего времени (30-е годы) Быков вызывал абсолютное доверие: ну как же — подлинные фотографии мест, где происходили события, документы, да и сам автор в «те баснословные года» был активным работником Уралсовета.

Невдомек им было, что сам Быков практически ничего не знал. Ровным счетом ничего! Фотографии и документы взяли из книг Дитерихса и Соколова (следователя, который по «именному повелению» Колчака вел расследование об «убийстве царской семьи»), а по роду своей деятельности непосредственного отношения к расстрелу Романовых не имел. Правда, он

правительство не является «хозяином в собственном доме», а находится под контролвм Петроградского Совета, они решили нв настаивать на своем приглашении. Представители же Временного правительства (А. Керенский, П. Милюков и др.) уверяли, что они аполне могли отправить Романовых в Англию, но вследствие отказа английского правительства от первоначального приглашения вынуждены были отменить этот план. Сама нвясность, неубедительность такой версии — уже свидетельство того, что дело обстояло не так, как хотели представить его английские и русские политики.

Конечно, Временное правительство не было полным хозяином в своем доме. И в вопросе об отъезде Романовых за границу (как и во многих других вопросах) оно вынуждено было считаться с позицией Петроградского Соаета рабочих и солдатских депутатов, решительно аозражавшего против него. Однако верно и то, что влияние Совета на правительство, очень сильное в первый послефевральский период, затем постепенно уменьшалось; ао всяком случае, «соглашательство» меньшевистско-эсеровского Совета шло по восходящей линии. Поэтому думается, что при сильном желании Временное правительство имело бы возможность обойти исполком Совета и отправить Романоаых а Англию.

Но если зависимость правительстаа от Совета уменьшалась, то этого нельзя сказать относительно революционных масс — рабочих, солдат, крестьян, радикализация которых неуклонно росла. Что значило в таких условиях освободить Романовых из-под ареста, пусть даже в «позолоченной тюрьме» Царскосельского дворца? Это значило пойти на риск новои волны резких протестов, на риск дополнительной дестабилизации и без того уже неустойчивого положения, в котором находилось Временное правительство.

Хорошо понимали это и в Англии. Там спали и видели активизацию аоенных усилий России в мировой войне и резонно опасались, что предоставление убежища Романоаым в Англии отнюдь не будет способствовать росту ее престижа в революционной России. Английская пресса прямо писала об этом.

В общем, обе стороны хорошо понимали друг друга и как-то «само собой» вопрос об отъезде Романовых в Англию «тихо испарился». Соображения реальной политики отодвинули в тень «гуманистические принципы», о которых так много апоследствии писал А. Керенский. В конце июля семнадцатого года, будучи уже премьер-министром, он распорядился отправить Романовых в далекий Тобольск. Объясняя это рвшение, он писал, что в преддверии возможных революционных выступлений хотел обезопасить бывшего царя и его семью. Возможно, что и так, как, вероятно, верно и то, что отправка Романовых в Сибирь была связана с опасениями контрреволюционных выступлений. Во всяком случае, в июле в распоряжении Керенского ужв имелись некоторыв данные об антиправительственных замыслах в корниловской Ставке, где промонархические элементы были весьма сильны. Короче говоря, и в данном случае реальная политика решительно взяла верх над гуманизмом...

* * *

Весть об Октябрьской революции Романовы встретили в Тобольске, в губернаторском доме, охранявшемся «отрядом особого назначения», сформированным еще в июле при

цитирует кое-какие дополнительные «изобличающие» Романовых фразы их «переписки», но я убежден, что фразы эти записаны им под диктовку заинтересованных лиц и организаций.

Итак, Быков начинает уточнять «версию», подстраивая ее к задаче: бывший царь и его семья виновны. У Дитерихса вылущивает Быков упоминание о некоем флигель-адъютанте Иване Ивановиче Сидорове, который наладил обмен письмами между «освободителями» и семейством царя и сделал это с помощью врача отряда Особого назначения (расформированного к этому времени) Деревенко, которого одного только и не взяли под стражу — из царского окружения, так как он еще с момента отъезда Николая Второго и его семьи из Петрограда был свободным человеком, призванным к службе Временным правительством.

Дитерихсу роль Сидорова была не ясна, но зато Быкову она ясна совершенно: Сидоров, несомненно, «связник».

Вот фразы из «переписки», которые Быков цитирует впервые и которые забивают в гроб Романовых последнив гвозди:

«Час освобождения приближается, и дни узурпаторов сочтены. Славянские армии все более и более приближаются к Екатеринбургу. Они в нескольких верстах от города. Момент становится критическим. Этот момент наступил, надо действовать». И еще: «Друзья более не спят и надеются, что час, столь долгожданный, настал...»

У Марка Константиновича Касвинова, автора нашумевшей эпопеи «Двадцать три ступени вниз», пресловутый Сидоров из флигель-адъютанта превращается в белогвардейского полковника, который — конечно же! — через Деревенко ведет переписку с Романовыми. Именно врач Деревенко «выносит встречную почту».

Пусть простит читатель некоторую иронию, проскальзывающую в моих словах. Ниже станет ясно, что она небезосновательна. Конечно, полковник вполне мог быть и флигель-адъютантом, в императорской Главной квартире любой офицер русской армии мог быть назначен на почетную должность флигель-адъютанта — от подпоручика до полковника включительно, дело в другом: в крайне важных обстоятельствах последних романовских дней,— и Быкова и Касвинова все время преследуют приблизительность, неточность. Что это? Забвение истины или умышленная дезинформация?

А теперь вернемся к Александру Яковлевичу Юровскому...

— Так что же было при последнем коменданте?

— Странная история...— Он протягивает несколько больших, выцветших, рваных по краям фотографий.— Помните, был раскрыт белогвардейский заговор? Вот, взгляните. Лично я могу объяснить случившееся только невероятной ненавистью к царю и его семейству, а также тем, что очень уж трагичной была обстановка на фронтах гражданской войны...

Вниманив, читатель! Эти документы — первписка Романовых с теми, кто, по утверждению Быкова и Касвинова, а также всвй последующей историографии, стремился вызволить узников Дома особого назначения из неволи и сделать их «знаменем контрреволюции»,— никогда и нигде не публиковались! Они плод блестяще (если это слово уместно здесь) спланированной и столь же блестяще выполненной оперативной комбинации (более жесткое определение я вполне сознательно не употребляю, дабы не оказывать на читатвлей давления. Вывод каждый сделает сам). Подлинные документы в коллекции ЦГАОРа.

На первой фотографии конверт 11 × 7, внизу справа на нем четко читаемая надпись: «veillance fun noux ang Jnente toujouka suztuit a cuxe deltentre— — —» На второй — оборот конверта, видна заклейка 2 × 2. На третьей — тетрадный лист на разворот (четыре страницы), в линейку, почерк четкий, легко читаемый, крупный, без нажима, наклон вперед, и возникает такое ощущение, что это письмо написано в очень спокойной обстановке, неторопливо, без малейшего волнения. Буквы выписаны, абзацы неукоснительно соблюдаются, место на бумаге не экономится, все широко и вольно. Завершается текст двумя строчками на третьей странице. Я не эксперт-криминалист, не графолог, но знаком с этой профессией и теоретически, и практически. Я работал следователем. И мне кажется, что текст написан женщиной, знающей французский язык. Хотя ошибка здесь вполне вероятна.

На страницах 3 и 4 ответ. Текст идет поперек линеек. Почерк более мелкий, с наклоном вправо, по всей видимости, тоже женский. Вполне вероятно, писала одна из дочерей царя.

Почерк переводчика наклонен вправо, мелок, почти бисерен. Лист белый, без линеек.

Вот текст этого перевода, он знаком нам, но мы ищем истину, и поэтому прошу читать внимательно и вчитываться в каждое слово:

«С помощью божьей и вашим хладнокровием мы надеемся приуспеть (орфографическая ошибка, нужно «е», а не «и».— **Г. Р.) без всякого риска. Нужно непременно, чтобы одно из ваших окон было бы отклеено, чтобы вы могли его открыть в нужный момент. То что (тот факт, что) маленький царевич не может ходить, осложняет дело, но мы предвидели это, и я не думаю, что это будет слишком большим затруднением. Напишите если нужно два лица, чтобы его нести на руках или кто-нибудь из вас может это сделать. Возможно ли усыпить маленького на один или два часа, в случае, если вы будете знать заранее точный час. Это доктор, должен сказать свое мнение (синтаксис именно такой.— Г. Р.), но в случае надобности мы можем снабдить те или другие для этого средства (Вещи). Не беспокойтесь: ника-**

отъезде из Царского Села. Но в глухом Тобольске, находившемся более чем в 250 км от железнодорожной станции Тюмень, установление Советской власти затянулось почти до середины апреля 1918 г. Это крайне беспокоило большевиков Екатеринбурга и Омска. Сведения о тревожной обстановке в Тобольске, о возможных заговорах с целью освобождения Романовых поступали и в Екатеринбург, и в Омск. Были ли эти заговоры реальны и, главное, масштабны? Имеющиеся свидетельства как эмигрантской, так и соаетской мемуаристики, их сопоставление позволяют признать обоснованность опасений уральцев и сибиряков.

К концу зимы 1917/18 г. в Тобольск стали прибыаать офицеры, направленные сюда монархическими группами, образовавшимися в Петрограде и Москве. Наиболее активную роль среди них играли организации во главе с бывшим черносотенным депутатом 4-й Государственной думы Н. Марковым-вторым, группа бывшей царской фрейлины А. Вырубовой, так называемый «правый центр», возглавлявшийся некоторыми бывшими царскими министрами. В Тюмени действия прибывавших координировал поручик Борис Соловьев, зять Григория Распутина, хорошо известный Александре Федоровне и Николаю II. Однако многое из того, что делалось и происходило вокруг Романовых ео время их пребывания в Тобольске, по-видимому, уже никогда не будет известно. Так или иначе, можно считать установленным, что какие-то планы освобождения Николая и его семьи реально были и осуществление их, по всей вероятности, намечалось на весну 1918 г.

В марте 1918 г. в Тобольск стали прибывать красногвардейскив отряды из Екатеринбурга и Омска. Они предстааляли собой воинские формирования некоего промежуточного этапа между распавшейся старой армивй и еще не созданной

кея попытка не будет сделана без совершенной уверенности результата (успеха). Перед богом, перед историей и нашей совестью мы вам даем торжественно это обещание. Один офицер».

Сравнивая эти тексты с опубликованными 3 апреля 1919 года в «Известиях», без труда видим, что официальная публикация отредактирована, что сделано с одной-единственной целью: создать впечатление, будто переписка осуществлялась именно на русском языке, в противном случае пришлось бы обнародовать и французские тексты, а это могло бы мгновенно открыть истину.

Вот как выглядит перевод с французского (разночтения я даю в разрядке, синтаксис и орфографию оставляю без изменений):

«Второе окно от угла выходящее на площадь открыто уже два дня — день и ночь. Седьмое и восьмое окна выходящие на площадь около большого парадного (большой двери) всегда открыты (большой парадной двери). Комната занята командиром и его помощниками, кот. исполняют также внутреннюю охрану (внутр. караул) — до 13 человек. По крайней мере, все вооруженные ружьями, револьверами и бомбами. Все двери не имеют ключей (кроме нашей). Командир (нвчальник) или его помошник («ш» аместо «щ».— **Г. Р.) входят к нам когда им хочется (когда они хотят). Тот, который дежурит делает наружный (внешний) обход два раза каждый час ночи (ночью) и мы его слышим говорящим с часовыми под нашими окнами** (мы слышим, как он под нашими окнами бряцает оружием — в опубл. тексте.— **Г. Р.). Есть митральеза** (пулемет.— **Г. Р.) на балконе, а другая внизу (на случай) в случае тревоги. Есть ли еще мы не знаем. Не нужно забывать, что мы имеем доктора и горнишную** («ш» вместо «ч».— **Г. Р.) двух людей (пропущено в официальном тексте.— Г. Р.) и маленького мальчика при нас. Это будет не благородно с нашей стороны (хотя они не хотят нас затруднять) их оставить одних после того как они последовали за нами в ссылку. Доктор уже три дня в постеле после припадка почек, но уже поправляется. Мы ждем все время возвращение двух наших людей молодых и мощных, которые заперты в городе уже месяц и не знаем ни где и по какой причине. (Эти двое «молодых и мощных» сидят в Ивановской тюрьме, и участь их предрешена.— Г. Р.) В их отсутствие отец носит маленького** (вот и открылась очередная истина! Письмо написано одной из дочерей, и текст этот выброшен из официального сообщения с вполне определенной целью: создать видимость и даже убежденность а народе и в мире: письмо писал сам Николай Второй, согласовывая и уточняя детали побега! — **Г. Р.) чтобы перейти комнаты для того чтобы выйти в сад. Наш хирург Д.** (Деревенко.— **Г. Р.) кот. приходит к маленькому почти каждый день в 5 часов живет в городе — не забудьте его мы его никогда одного не видели** (подчеркнуто мною: очень важная фраза.— **Г. Р.). Охрана (караул) находится в маленьком доме напротив наших окон на другой стороне улицы 50 человек. Единственные вещи, которые мы еще имеем в ящиках в сарае (во внутр. дворе). Беспокоимся в особенности за номера А Ѳ № 9 малень. черный ящик и большой черный ящик № 13 Н. А. со старыми письмами и дневниками, конечно комнаты наполнены ящиками кроватями и вещами на произвол ворам, которые нас окружают** (текст снят по вполне понятным причинам. Но это отнюдь не эмоции Романовых: при коменданте Авдеевe была украдена иконка из золота, висевшая над постелью Алексея. Позже сам Юровский засвидетельствует нравственный уровень своих помощников.— **Г. Р.). Все ключи и в отдельности № 9 у командира кот. ведет себя хорошо по отношению нас** (как видим, домысел Дитерихса по этому поводу оказался неосновательным, автор письма засвидетельствовал хорошее отношение Юровского к узникам, и в этом еще один парадокс того времени.— **Г. Р.). Во всяком случае предупредите нас если вы можете и ответьте если вы можете уаезти наших людей. Перед парадным есть всегда автомобиль. Имеются заонки со всех постов в комнату командира и еще есть нити, которые идут в караул и другие места** (и здесь ошибся Дитерихс.— **Г. Р.). Если наши люди останутся можно ли быть уверенными что ничего не случится с ними??? Доктор Б. умоляет не думать о нем и о других людей** (падеж! Он свидетельствует о том, что перевод этот сделан иностранцем.— **Г. Р.) чтобы не делать вашу задачу еще более трудной. Расчитывайте на нас и женщину. Помогай нам бог и расчитывайте на наше хладнокровие** (пропущено дважды «с».— **Г. Р.).**

Из последующих трех писем «заговорщиков» и двух ответов на них Романовых были опубликованы только отдельные фразы, представленные П. Быковым и М. Касвиновым в виде неких фрагментов длительной переписки разных белогвардейских организаций с Романовыми в связи с попытками их освобождения. Между тем все эти фразы входят составной частью в рассматриваемую переписку. Мы это увидим.

Второе письмо «офицера» (первое мы помним: «С божьей помощью...» и т. д.) — такой же тетрадный листок с прямыми линейками, на разворот, что и предыдущий. Почерк тот же самый, текст послания заполняет первую, вторую и три четверти третьей страницы. Судя по фотографии, текст написан чернилами. На последней четверти листа начинается карандашный ответ Романовых. Почерк примерно тот же самый, что и в ответе № 1. Вот перевод второго письма «офицера»:

«Не беспокойтесь о 50 челоаек кот. находятся в маленьком доме напротив ваших окон — они не будут опасны когда нужно будет действовать. Скажите что-нибудь определенное (более верное, точное) относительно вашего командира чтобы нам облегчить начало. Это невозможно вам сказать теперь (в этот час) если можно будет взять всех ваших людей. Мы надеемся что да, но во всяком случае они не будут с вами после вашего отъезда из дома кроме доктора. Принимаем все меры для доктора Д. (видимо, Романовых уверили, что Деревенко угрожает опасность.— **Г. Р.) надеемся гораздо рань-**

Красной Армией. Дух партизанской и даже анархической вольницы в них был еще весьма ощутим. Как отмечалось, например, в резолюции конференции «Красной Армии Советов», состоявшейся в Перми весной 1918 года, «армия собрана из всевозможных элементов страны, среди которых есть люди, далеко не разбирающиеся в политической жизни страны, не определили своей классовой позиции и не отдавая себе отчета в том, зачем вступили в ряды Красной Армии». Казалось, сам воздух в Тобольске был пропитан подозрительностью. Омичи и уральцы подозревали «отряд особого назначения», сформированный еще при Керенском. Этот отряд, в свою очередь, опасался омичей и уральцвв, а те не доверяли друг другу. В Москву, куда уже переехали Советское правительство и ВЦИК Советов, шли двпеша за депешей, а комитет «отряда особого назначения» даже послал туда своих представителей.

Какова же была позиция Москвы? Протоколы заседаний Совнаркома и Првзидиума ВЦИК от января — апреля 1918 г. позволяют твердо утверждать, что Советское правительство думало о провввдении открытого суда над Николаем II и давало указания о подготовке необходимых материалов. В конце мая вновь было постановлено в отношении Романовых «ничего не предпринимать», озаботиться только надежной их охраной.

Опубликованные недавно за рубежом дневники Л. Троцкого 30-х годов свидетельствуют о том, что еще за несколько недвль до расстрела в Екатеринбурге замысел этот оставался в силе. Осуществление его Троцкий связывал с собой. «Я,— записал он,— предлагал открытый судебный процесс, который должен был развернуть картину всего царствования (крестьянская политика, рабочая, национальнвя, культурная, две войны и проч.)... Ленин откликнулся в том смысле, что это было бы очень хорошо, **если бы было осуществимо,**

ше воскресенья вам указать детальный план операции. До сих пор он установлен таким образом: сигнал услышанный вы закрываете и баррикадируете мебелью дверь кот. вас отделяет от стражи, кот. будет блокирована и терроризирована внутри дома. (С помощью веревки) с веревкой специально сделанной для этого вы спускаетесь через окошко где вас будут ждать внизу, остальное не трудно, средства передвижения не в недостатке и прикрытие хорошо как никогда. Важность вопроса это спустить маленького возможно ли отвечайте обдумывая хорошо (обдумавши). Во всяком случае это отец мать и сын, кот. первые спускаются дочери потом доктор им следует (за ним следует). Отвечайте если это возможно по вашему мнению и если вы можете сделать веревку употребляя уже данную чем вам перепроводить веревку очень трудно в данный момент. Один офицер (напоминаю: синтвксис сохранен в неприкосновенности.—**Г. Р.**).

Обратите внимание, как важно, как необходимо получить офицеру согласие Романовых на побег, да еще детально обоснованное... Но неожиданен их ответ:

«Мы не хотим и не можем бежать мы можем только быть похищенными силой т. к. сила нас привела а Тобольск. Так не расчитывайте ни на какую помощь активную с нашей стороны. Командир имеет много помощников они меняются часто и стали озабоченными. Они охраняют наше заключение как и наши жизни добросовестно и очень хороши с нами. Мы не хотим, чтобы они страдали из-за нас ни вы из-за нас <u>в особенности во имя бога (избегайте) избежите кровопролития.</u> Справьтесь о них вы сами (самому предубежденному человеку понятно, что подобные рассуждения Романовых не могли увидеть свата в канун их казни. Подчеркнуто мною.— **Г. Р.**). **Спуск через окно без лестницы совершенно невозможен. Даже спущенными — еще в большей опасности из-за открытого окна из комнаты командиров и митральеза с нижнего этажа куда проникают с внутреннего двора. <u>(Откажитесь же от мысли нас похищать, изъять.)</u>** (Подчеркнуто мною.— **Г. Р.**) **Если вы следите (наблюдаете) (бдите) о нас аы сможете всегда придти нас спасти в случае опасности неизбежной и реальной. Мы совершенно не знаем, что происходит снаружи. Не получал** (так написано.— **Г. Р.**) **ни журналов ни газет ни писем. С тех пор, как позволили открывать окно надзор усилился и даже запрещают высовывать голову, с риском получить пулю в лицо».**

Смотрите: перевод этого ответа Романовых сделан гораздо более точно и грамотно. Видимо, переводчика заменили. В чем тут дело? В том, что нужен более точный перевод? Или в том, что слишком много знающий переводчик становится опасным?

Третье письмо офицера на аналогичном тетрадном развороте, тот же почерк, только более беспокойный и торопливый. Текст занимает одну страницу, оборот и верхнюю треть следующей страницы. Ответ Романовых — по всей вероятности, карандашный, почерк крупный (писала дочь, Татьяна Николаевна? — **Г. Р.**), текст занимает две трети следующей страницы (3) и половину оборота (4). Тем не менее почерк ответа похож на предыдущий.

«Друзья не дремлют больше и надеются что час так даано жданный настал (опубликовано Быковым и Касвиновым как фрагмент какой-то иной переписки.— **Г. Р.**). **Бунт (сопротиаление) чехословаков грозит большеаикам все более и более серьезно. Самара, Челябинск и вся Сибирь восточная и западная во власти временного правительства. Армия друзей словаков в 80 километрах от Екатеринбурга, солдаты красной армии не сопротивляются сильно. Будьте внимательны ко всякому движению (снаружи) из вне** (так написано.— **Г. Р.**) **ждите и надейтесь. Но в то же время я аас умоляю будьте осторожны, потому что большевики раньше чем будут побеждены (чем быть побежденными) представляют для вас гибель реальную и серьезную. Будьте готовы каждый час (все часы) днем и ночью. Сделайте набросок (очерк) ваших двух** (заметно исправление, по всей видимости, карандашом,— трех. Скорев всего сделано Романовыми.—**Г. Р.**) **комнат, места мебели, кроватей. Напишите точно (хорошо) время (час) когда вы все идете ложиться спать** (сбоку приписка карандашом: «в 11 1/2».—**Г. Р.**). **Один из вас не должен спать от 2—3 часов (каждую ночь) каждой ночи котор. следуют. Отаетьте несколькими словами, подайте (давайте) я вас прошу, все сведения полезные для ваших друзей из вне. Это тому же самому солдату, который передал вас (это письмо) эту записку (которому) нужно передать ваш ответ письменно но не гоаорите ни слова.** (Вспомним, что писал М. Касвинов: письма передавал доктор Деревенко.—**Г. Р.**) **Один который готов умереть за вас офицер русской армии».**

Ответ Романовых на письмо офицера № 3:

«От угла до балкона 5 окон выходят на улицу, 2 на площадь. Все окна закрыты заклеены и выкрашены в белый цвет. Маленький еще болен и в постеле и не может совсем ходить. Каждое сотрясение причиняет ему страдание. Неделю тому назад из-за анархистов думали нас (увезти) отправить в Москву ночью. Ничего не нужно (предпринимать) рисковать без совершенной уверенности в результате находимся все арема под анимательным наблюдением».

Послание № 4 офицера на листе простой белой бумаги, разорванной пополам. Почерк и чернила похожи на предыдущие.

«Перемена караула и командира нам помешала вам написать (имеется в виду замена Авдеева и Мошкина Юровским и Никулиным. Следует помнить, что Юровский и Голощекин — военный комиссар Уралсоветв — постоянно держали ДОН. в поле своего зрения и без их ведома ничего не предпринималось. Но наступили решающие дни, и понадобился человек, который не дрогнет. Это был имвнно Юровский.—**Г. Р.**). **Знаете ли причину этого? Отвечаем на ваши вопросы. Мы группа офицеров русской армии, которая не потеряла совесть долга перед государем и отечеством. Мы вас не информируем детально насчет нас, попричине** (так написано.—**Г. Р.**) **котор. вы хорошо понимаете, но ваши друзья Д. и Г. которые уже спасены нас знают.** (Беспроигрышная игра: «Д» — Долгоруков убит сразу же по прибытии в Екатеринбург, Гендрикова ожидает своей участи в тюрьме. Романовы об этом ничего не знают.—**Г. Р.**) **Час освобождения приближается и дни узурпаторов сочтены. Во всяком случае, армии словаков приближаются асе более и более (все больше и больше) к Екатеринбургу. Они в нескольких верстах от города. Момент делается критическим и сейчас не нужно бояться кровопролития, не забывайте, что большевики в последний момент будут готоаы на всякое преступление. Этот момент настал нужно действовать. Будьте уверены, что митральеза нижнего этажа не будет опаснв. Что касается командира мы сумеем вго увезти. Ждите свисток к полночи (к двенвдцати ночи) это будет сигнал (сигналом)».**

Сравним этот текст с опубликованным в книге П. Быкова, и многое станет ясным. Ответа на это письмо не последовало, так как его не передали Романовым.

Итак, даже этот краткий анализ приводит к любопытным выводам. Во-первых, обнародованы тексты, которые, безусловно, изобличают Романовых в заговоре с целью освобождения.

Во-вторых, тексты не воспроизведены полностью, потому что в этом случае невозможно было бы объяснить, каким образом они оказались в руках Уралсовета.

Предположим: послано письмо и получен ответ, то и другое перехвачено, прочитано и передано по назначению. И тогда «один офицер» посылает следующее письмо, Романовы пишут ответ, и снова перехват. В этом случае в руках Совета могли остаться только копии переписки, сохранилась же вся переписка — <u>четыре неразделенных листа, на которых написаны и письма «офицера», и ответы Романовых.</u> Это означает: письма Романовым писал некто, знающий иностранный язык, и писал он их скорее всего под диктовку работников Уралсовета, например, Голощекина и Юровского, которые осуществляли в Совете надзор за Домом особого назначения. Письмо Романовым передавал «солдат охраны», которому доверили эту миссию (вспомним письмо офицера № 3.—**Г. Р.**). Этот «солдат» — несомненный участник операции или комбинации. В данном случае это всв равно.

Если же быть абсолютно точным — это провокация.

А как же утверждения Касвинова о том, что «почтальоном» — доктор Деревенко? Прочитаем еще раз ответ Романовых на первое письмо: «Д. кот. приходит к маленькому почти каждый день в 5 часов в городе не забудьте его <u>мы его никогда одного не видели»</u> (подчеркнуто мною.—**Г. Р.**).

Этот текст из официальной публикации в «Известиях» был изъят. Вероятно, это было сделано специально для того, чтобы обратить подозрения на Деревенко, ведь эта фраза Романовых его реабилитирует.

Вот что написал профессор Деревенко по этому поводу 18 ноября 1933 года:

«...согласно ходатайству товарища Авдеева, коменданта Дома особого назначения, мне было разрешено посещать больного Алексея в Доме особого назначения и на этот предмет мне был выдан специальный мандат, в котором было сказано, что я могу посещать Алексея с разрешения каждый раз и в присутствии коменданта товарища Авдеевв. Посещал я Алексея раза два в неделю, причем каждый раз тов. Авдеев вводил меня к нему и провожвл обратно, не говоря уже о том, что он присутствовал во время моих визитов, не разрешал никаких передач и никаких разговоров, кроме чисто врачебных. Помимо тов. Авдеева, в Доме ос. назн. дежурили комиссары от заводов, в присутствии которых я приходил, уходил, вел переговоры с Авдеевым и консультировал с доктором Е. С. Боткиным, находившимся в заключении в том же доме.

Рецепты писались в комнате т. Авдеева и передавались последнему. Из вышеизложенного ясно само собой, что не могло быть и речи о приватных разговорах с членами б. царской семьи или с кем-нибудь из заключенных и о передаче им или получении от них писем и записск. Нврушение строгих правил, о которых я был поставлен в известность, грозило смертью, и я, имея на руках жену, мать и ребенка, не мог и думать, да и не желал нарушать приказа, и я с большим удивлением прочитвл в произведении П. Быкова, напечатанном в «Красном Урале», о том, что я в Екатеринбурге познакомился с генералом Сидоровым и от него передавал письма б. царской семье. Что касается Сидорова, то ко мне действительно явился крестьянин (или человек, одетый под крестьянина), назвавший себя Ив. Ив. Сидоровым, который, узнав от меня о том, что Алексей болен и что он нуждается в усиленном питании, взялся организовать доставку молокв и прочих пищевых продуктов в Дом *ос.* назн., что он и выполнил, но на этом наше знакомство с ним и кончилось, и лишь много позднае от сестер милосердия того лазарета, в котором я служил в Екатеринбурге, я узнал, что Сидоров не деревенский обыватель, а генерал».

(Письмо Деревенко находится в ЦГАОРе.)

Снова Сидоров, на этот раз генерал. Вспомним: он уже был полковником, флигель-адъютантом... Не слишком ли для рвального человека?

И сестры лазарета весьма «надежный» источник информации, не так ли?

Я оставлю на совести врача Деревенко, общавшегося, как известно, с весьма сильными людьми тогдашнего российского мира, то обстоятельство, что он не сумвл отличить генерала от крестьянина.

И вообще не верю (вслед за Дитерихсом) в его существование. Убежден, что в Военно-историческом архиве, где хранятся послужные списки всех генералов русской армии, послужного списка Ивана Ивановича Сидорова не отыщется.

Поздно ночью я вышвл к Неве. Город давно затих, прохожих не было, на другой стороне чврнел на фоне светлого летнего нвба пятиглавый Смольный. Я медлвнно шел к мосту и думал, думал. Чем я занимаюсь? Кому это все нужно? И вдруг понял: мне. Прежде всего мне. Мой отец — большевик. Он был комиссаром во время гражданской. И, значит, я отвечаю за все, что происходило тогда.

...И снова спецхран Библиотвки имени Ленина, снова архив. Я с головой ушел в работу. Нужно сказать, что номенклатура бвлогвардейской литературы (да и соввтской — первых лет) о цареубийстве очень велика. Если это и не море, то уж огромное озеро, несомненно. Но я не утонул в нем — совсем напротив: переплыл множество раз в самых разных направлвниях и на разной глубине.

Но прежде чем смог сказать себе: финиш, теперь я знаю все,— прошло долгих три года...

Окончание в следующем номере.

но... времени может не хватить». По-видимому, именно с целью проведения суда, как следует из протокола Президиума ВЦИК 4-го созыва, было вынесено решение «в случае возможности немедленно переввсти всех арестованных (Романовых.— **Авт.**) в Москву». Тревожные сведения, поступавшие во ВЦИК из Тобольска, заставляли торопиться. По договоренности с исполкомом Уралоблсовета решено было пвревести Романоаых в Екатеринбург под охрану революционных уральских рабочих. Но осуществить эту политически важную операцию поручалось не екатеринбургским отрядам, находившимся в Тобольске, а чрезвычайному комиссару, непосредственно назначенному Москвой,— В. В. Яковлеву.

Миссия Яковлева до недавнего времени освещалась првератно. Теперь мы лучше знаем ее фактическую сторону. Но и сегодня в ней еще остаются не вполне ясные моменты. Самое главное — мы не можем точно документировать характер задания, полученного Яковлевым от Я. М. Свердлова и, возможно, В. И. Ленина. Известно (по сохранившимся лентам переговороа Свердлова с уральцами), что задачей Яковлева была доставка Романовых в Екатеринбург. Но опубликованные недавно мемуары Яковлева (журнал «Урал», 1988, № 6) и его маневры на железнодорожных путях между Тюменью и Екатеринбургом дают некоторые основания предполагать, что Яковлеву было дано право и изменить цель маршрута в том случае, если, по вго мнению, возникнет какая-либо неблагоприятная ситуация, угрожающая сохранности «груза» (так именовались Романовы в телеграфных переговорах Яковлева со Саердловым). Яковлев в своих мемуарах прямо говорит, что при расставании а Москве Саердлов дал ему четкое указание: во всех обстоятельствах Романовы должны оставаться живыми. Мы можем предположить, что цвнтр рассматривал Екатеринбург как место временного пребывания бывшего цвря и его семьи, как место надежной их охраны до момента предполагаемого суда.

Яковлеа со специальным отрядом прибыл в Тобольск в 20-х числах апреля. Он никому не говорил о том, куда повезет Романовых. И это, конечно, больше всего волновало уральцев. С самого начала они заподозрили его в стремлении уклониться от екатеринбургского маршрута, а их поведение, в свою очередь, явно нервировало Яковлева. В результате от Тюмени поезд с Николаем Романовым, его женой и дочерью Марией (остальные члены семьи временно, в связи с болезнью Алексея, остались в Тобольске) по приказу комиссара пошел не на Екатеринбург, а повернул а напраалении к Омску.

Уральцы тут же объявили Яковлева изменником делу революции. Свердлов а Москве оказался под перекрестным телеграфным обстрелом: с Урала требовали от него выполнения договоренности о доставке Романовых в Екатеринбург, Яковлев из Омска сообщал об угрозе для «груза», возникшей из-за безответственных действий уральцев.

Только получив твердые заверения исполкома Уралсовета в том, что Романовы не подвергнутся насилию и всю ответственность за это он берет на себя, Свердлов приказал Якоалеву двигаться в Екатеринбург.

Драматическая миссия Яковлева закончилась. Бывший царь, его жена и дочь с некоторыми приближенными были помещены в особняк, конфискованный у инженера Ипатьева, который в официальных документах стал именоваться Домом особого назначения. В конце мая сюда же были доставлены из Тобольска и остальные члены семьи Романовых. Они пробыли здесь до роковой ночи с 16 на 17 июля.

Окончание в следующем номврв.

КРОССВОРД

ПО ГОРИЗОНТАЛИ:
2—4. Травянистое растение с крупным, чаще красным цветком. 5—8. Мелкие кусочки льда на поверхности воды перед ледоставом. 7—9. Верхняя лицевая часть черепа. 10—13. Женская одежда в Индии. 12—14. Приспособление для уменьшения площади паруса. 14—16. На судах трос для подъема реи, гафелей, парусов. 17—21. Река, на которой произошло первое сражение русских и половецких войск с татаро-монголами. 20—23. Наказание. 22—25. Торжественный званый вечер. 26—30. Чертеж земной поверхности. 30—33. Аральское море. 32—36. Древнегреческий поэт-лирик. 37—41. Крупное подразделение литературного произведения, состоящего из многих глав. 42—44. Почва под водой водоема. 44—46. Название города Халтурин до 1923 года. 49—52. Крученая или плетеная тонкая веревка. 51—54. Потеря, ущерб. 54—56. Река в Африке. 57—60. Прибор для исследования дна. 59—63. Река в Якутии, приток Лены. 64—67. Тот, кто сватает кого-то кому-то. 66—69. У древних египтян бог Солнца. 69—72. Графическое изображение звука. 70—74. Стадо овец. 71—76. Небольшая морская рыба, разновидность плотвы. 77—79. Группа певцов, исполняющих вокальное произведение. 80—83. Старинное мужское имя. 82—67. Название военно-административной должности в казачьих войсках. 86—91. Спутник планеты Юпитер. 90—93. Лососевая рыба. 93—94. Выдающийся по летному мастерству пилот. 95—98. Знаменитая французская эстрадная певица. 98—102. Живописец, член объединения «Бубновый валет» (1910—1916 гг.). 103—104. Насекомоядное животное. 104—106. Французское мужское имя. 107—111. Семейство однолетних растений. Травы, реже древовидные формы. 112—116. Химический элемент, серебристо-белый твердый металл. 117—119. Объединение архитекторов-урбанистов в Москве (1928—1931 гг.). 118—121. Город в Красноярском крае. 122—124. Чашеобразное углубление в предвершинной части гор. 125—130. Древнегреческая эпическая поэма, приписываемая Гомеру. 130—131. Буква славянского алфавита. 132—136. Правитель могольской империи в Индии с 1556 г. 137—139. Река на юго-востоке Польши.

ПО ВЕРТИКАЛИ:
1—13. Государство в Африке. 2—30. Знак оплаты почтового отправления. 4—22. Сумка фотографа. 5—54. Царь из сказки А. Пушкина. 7—42. Река в Канаде, левый приток Маккензи. 9—33. Древнее божество плодородия, почиталось в Финикии, Палестине и Сирии. 10—69. Древний царь Аккада в XXIV веке до н. э. 14—57. Любитель красивой одежды. 16—34. Огородное травянистое растение. 17—52. Столица Египта. 25—76. Народный герой Швейцарии. 26—67. Длинный ремень с рукояткой, применялся для телесных наказаний. 32—112. Перерыв в спектакле. 33—89. Французский химик, четко разграничил понятие атома и молекулы. 34—75. Подъемный механизм. 36—61. Химический элемент, галоген. 37—95. Немецкий экономист и статистик, выдвинул «государственную теорию денег». 42—101. Ледонь. 48—77. Река в Западной Сибири, правый приток Оби. 49—80. Армянский музыкальный инструмент, род продольной флейты. 52—97. Воинское подразделение. 54—85. Административный округ в Древнем Египте. 55—120. Европейское государство. 59—123. Опросный лист. 60—104. Город в Бельгии на реке Маас. 63—94. На севере Европы длинный морской мыс. 67—107. Город в Йеменской Арабской Республике. 77—106. Титул в государствах Ближнего и Среднего Востока. 83—117. Денежная единица Западного Самоа. 84—118. Впадина восточнее Эфиопского нагорья — одно из самых жарких мест в мире. 92—116. Китайская императорская династия (618—907 гг.). 99—132. Морская хищная рыба. 104—124. Горячий, сильно нагретый воздух. 113—136. Сын строителя лабиринта на острове Крит Дедала. 114—131. Река в Западной Сибири, впадает в Карское море. 120—133. Старое название реки Урал. 121—134. Невольник. 122—136. Воронка в предвершинной части горы. 127—137. Буква латинского алфавита. 129—139. Один из лидеров меньшевиков, в 1917 году член Петроградского Совета. 134—140. Носовая часть корабля.

Ответы на кроссворд, помещенный в номере 3.

ПО ГОРИЗОНТАЛИ:
1—5. Барон. 6—9. Крош. 9—13. Шквал. 13—15. Люк. 16—20. Отава. 18—21. Авар. 21—27. Рисунок. 27—30. Кара. 31—38. Латиница. 38—41. Амур. 42—44. Кот. 46—52. Окинава. 50—54. Аванс. 54—58. Старх. 58—60. Хан. 61—64. Табу. 65—70. Анклав. 70—72. Вар. 71—74. Арго. 75—77. Око. 76—80. Корея. 80—82. Яга. 83—85. Ори. 86—89. Сари. 90—94. Сорок. 95—100. Лесник. 101—103. Мол. 104—105. Ус. 105—109. Секта. 109—112. Алан. 111—115. Анфас. 115—118. Сани. 119—123. Суфле. 124—126. Гак. 126—129. Кипр. 128—133. Пророк. 134—135. Ли. 135—138. Иена. 139—143. Какао. 143—147. Омома. 148—149. Ля. 149—151. Ямс. 151—166. Сьерра. 155—157. Рак. 157—160. Клоп. 160—162. Под. 163—164. Ур. 164—166. Рот. 167—168. Яр. 168—171. Риал. 172—175. Ирод. 178—183. Капица. 183—185. Аид. 185—187. Дно. 186—189. Нота. 189—190. Ар. 191—193. Кос. 194—196. Яик. 196—199. Канн. 199—205. Ниагара. 206—209. Амия. 209—210. Як. 211—214. Мувр. 213—217. Арран.

ПО ВЕРТИКАЛИ:
1—75. Болото. 31—90. Лотос. 90—119. Сус. 148—206. Лунка. 2—62. Атака. 76—149. Косуля. 149—164. Яр. 192—207. Ом. 3—92. Ратибор. 106—178. Ефимок. 178—206. Кси. 4—49. Овин. 64—107. Урок. 107—166. Клест. 151—194. Стая. 194—209. Яя. 5—50. Нана. 79—167. Ектенья. 180—210. Пик. 6—80. Кривая. 80—95. Ял. 95—124. Лаг. 124—168. Гаер. 153—196. Ерик. 7—52. Рица. 52—110. Ангел. 110—197. Лакрица. 8—82. Осанка. 97—155. Сакар. 155—170. Ра. 183—212. Ану. 9—39. Шум. 54—98. Слон. 112—156. Ника. 141—213. Калина. 10—55. Кнут. 55—113. Тариф. 128—157. Пак. 165—214. Дир. 11—41. Вор. 41—70. Рев. 70—114. Вика. 100—201. Каролина. 172—215. Инар. 12—71. Аккра. 71—86. Ас. 115—144. Сом. 144—187. Моро. 173—216. Рога. 13—43. Лао. 58—101. Храм. 72—116. Рама. 131—168. Ропот. 186—217. Тан. 14—59. Юрта. 59—146. Агроном. 146—189. Мода. 175—204. Дар. 15—74. Карно. 89—116. Или. 133—190. Кадар. 176—218. Араб.

Фото Эдуарда ЖИГАЙЛОВА

Ежегодно во второе воскресенье марта у небольшого пруда деревни Большое Окское Павловского района собираются жители близлежащих сел и деревень, районного центра, соседних районов. Приезжают даже из Подмосковья, Курской и Белгородской областей, из Белоруссии. В этот день в деревне праздник. Гусиные бои.

Сначала выпустили молодых «переходников». Это гуси до двух лет, дерутся по-серьезному в первый раз.

Затем выходят следующие «весовые категории»: «третьяки» — трехлетки, «четверики», «пятерики». Только после пяти лет наступает зрелость гуся, и он может биться с любым возрастом.

Правила боя просты — побежденный убегает. Можно проиграть и по «очкам»: правила запрещают клевать в голову и ногу противника. За поединком бдительно следит один из самых авторитетных гусеводов. В этот раз им был Лавр Родионов. Не знаю, на каком языке объяснял он гусям правила, но они соблюдали их свято.

Наконец на арену выпускают самых сильных, закаленных в боях турнирных бойцов.

Важно, не глядя на противника, вышагивает гусак. Навстречу плывет другой. Рядом, истошно крича, суетятся гусыни. Их задача — убедить гусаков в необходимости драться. Расшевелить бойца может только одна, «любушная». Только из-за нее пойдет драться гусак. Остальные орут для массовости.

У гусаков дыбятся шеи, распахиваются крылья. Мгновение — и сцепились. Заработали клювы и «кулаки», круглая кость на крыле величиной с небольшое яблоко, удар ею страшен.

Но вот пегий гусь развернулся и, быстро-быстро перебирая лапами по рыхлому снегу, бросился наутек, еле поймали.

Победитель остался на месте, гусь не кровожаден, не станет догонять и добивать убегающего. Только гордо вскинет голову и зааплодирует себе крыльями — вот я каков!

Можно по-разному относиться к этой забаве. Можно смотреть как на чудачество, можно не обращать внимания, если неинтересно. Можно видеть в ней азартную игру и запретить, как это было совсем недавно. Да только забаве этой за полтысячи лет перевалило, и с удовольствием рассказывают гусеводы, как водил пешком гусиное стадо к Петру Великому из Нижнего Новгорода в Петербург Демидов, царю на потеху.

Вячеслав КУЗНЕЦОВ
Горьковская область

Сдано в набор 09.03.89. Подписано к печати 30.03.89. А 00265. Формат 84×60 1/8. Бумага офсетная. Печать офсетная. Усл. печ. л. 11,16. Усл. кр.-отт. 31,62. Уч.-изд. л. 16,85. Тираж 300 000 экз. Заказ № 320. Цена 70 коп.

Адрес редакции: 125865, Москва, А-137, ГСП, ул. «Правды», 24. Тел. 257-37-66, 285-28-68.

Ордена Ленина и ордена Октябрьской Революции типография им. В. И. Ленина издательства ЦК КПСС «Правда», 125865, ГСП, Москва, А-137, ул. «Правды», 24.